ISSN 2010-6203

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

XALQARO MUNOSABATLAR

Ushbu sonda

- МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНСТИТУТ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ И НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
- АФГАНИСТАН – ОБЪЕДИНЯЮЩИЙ ФАКТОР МЕЖДУ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮЖНОЙ АЗИЕЙ
- ФЕНОМЕН НАЦИИ-ГОСУДАРСТВА В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

№3-4/2020

INTERNATIONAL RELATIONS

JAHON IQTISODIYOTI VA DIPLOMATIYA
UNIVERSITETI

XALQARO MUNOSABATLAR

FANLARARO ILMIY-NAZARIY JURNAL

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ
НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

INTERNATIONAL RELATIONS

INTERDISCIPLINARY SCIENTIFIC
AND THEORETICAL JOURNAL

AXBOROT RESURS MARKAZI
Jahon iqtisodiyoti va
diplomatiya universiteti
Inv. №: _____

3-4/2020
(№ 81, 82)

BOSH MUHARRIR: K.X. KARIMOV

TAHRIR HAY'ATI A'ZOLARI:

A.A. Abduvaxitov, Sh.M. Abdullayev, E.T. Aripov, A.Sh. Abbasova,
R. Alimov, F. Arziev, M.M. Bahadirov, M.T. Baqoev, I. Zvyagelskaya (RF),
B.A. Islamov, G.S. Ismailova, G. Kupli (AQSh), K. Karimov,
I.R. Mavlyanov, Nick Megoran (Buyuk Britaniya), M.M. Rahmankulov,
N. Sirajiddinov, R.F. Farmonov, I.A. Xamedov, U.A. Xasanov, S.A. Pulatova

TELEFONLAR: 267-07-41; 268-61-07; FAKS: 267-09-00
TAHRIRIYAT MANZILI: 100113, Toshkent,
Mustaqillik shoh ko'chasi, 54.

Ushbu sonni tayyorlaganlar:

Muharrir: L.B. Hodanovich
Original-maket va dizayn: I.A. Semenyuk

JIDU ruxsatisiz qayta chop etish man qilinadi.
Ko'chirib bosilganda «Xalqaro munosabatlar» jurnali ko'rsatilishi shart.
Tahrir hay'ati fikri muallif fikridan o'zgacha bo'lishi mumkin.
Qo'lyozmalar, suratlar qaytarilmaydi.

Перепечатка статей без разрешения УМЭД не допускается.
При перепечатке ссылка на журнал «Xalqaro munosabatlar» обязательна.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов публикуемых статей.
Рукописи, фотографии, рисунки не возвращаются.

Ushbu nashr 068 raqami bilan qayd etilgan.

Formati 70x100 1/16. Hajmi 8 b.t. Adadi 300 nusxa. Kelishilgan narxda.
JIDUda chop etildi. Toshkent, Mustaqillik shoh ko'chasi, 54.

© Xalqaro munosabatlar, 2020.

МУНДАРИЖА

I. УЗБЕКИСТАН В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ
Ўзбекистон замонавий дунёда
Uzbekistan in Modern World

А.Дж. Насиров, Р.М. Абдуллаев. Международный институт Центральной Азии: основные задачи и направления деятельности 5

II. МИР В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ
Дунё пандемия шароитида
World under pandemic

B.J. Kattadiyil, B.A. Islamov. COVID-19: insolvency and bancruptcy law reforms around the world 14

III. ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ
Халқаро ва минтақавий иқтисодиёт муаммолари
Problems of International and Regional Economy

Н. Сиражиддинов. Пути интеграции экономики Узбекистана в мировое хозяйство: поиск оптимальных вариантов 29

IV. ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА
Халқаро ҳуқуқ муаммолари
Problems of International Law

И.А. Хамедов. Проблемы обучения применению принципов правового государства в деле содействия справедливому правосудию и противодействию коррупции (на примере современного административного права) 41

Ҳ. Юнусов. Атроф-муҳитга трансчегаравий таъсир орқали етказилган зарар учун халқаро-ҳуқуқий жавобгарлик 51

V. ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
Халқаро ва минтақавий хавфсизлик масалалари
Issues of International and Regional security

А. Рахимов. Региональная безопасность в Южной Азии: проблемы, тенденции, перспективы 63

VI. АФГАНИСТАН: ВОПРОСЫ ПОЛИТИКИ, БЕЗОПАСНОСТИ И ЭКОНОМИКИ
Афғонистон-сиёсат, хавфсизлик ва иқтисодиёт масалалари
Afghanistan: Political, economical and security issues

А. Умаров. Афганистан – объединяющий фактор между Центральной и Южной Азией 87

VII. ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ И ПРАКТИКА МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
Халқаро тадқиқотлар назарияси, методологияси ва амалиёти
Theory, Methodology and Practice of International Studies

У.А. Хасанов. Феномен нации-государства в международных отношениях 97

Ш.Ш. Таджиев. Теоретико-методологические подходы к изучению категории «мировой порядок» 110

Ф.Ф. Саттаров. Современное состояние и перспективы развития политических наук в Университете мировой экономики и дипломатии ... 132

VIII. ТОЧКА ЗРЕНИЯ
Нуқтаи назар
Point of View

Ш.М. Абдуллаев, У.А. Хасанов. Ближний Восток в приоритетах российского востоковедения 139

IX. РЕЦЕНЗИИ
Тақризлар
Reviews

Ш. Таджиев. Рецензия на коллективную монографию «Системный подход к изучению международных отношений» 149

X. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ УМЭД
Жаҳон иқтисодиёти ва дипломатия университетининг илмий ҳаёти
Scientific life of the University of world economy and diplomacy 154

XI. МЕТОДИЧЕСКИЙ КАБИНЕТ
Методик кабинет
Methodical cabinet 157

А.Дж. Насиров, Р.М. Абдуллаев

Международный институт Центральной Азии: основные задачи и направления деятельности

В Узбекистане созданы научно-исследовательские институты, основная деятельность которых сосредоточена на изучении различных аспектов общественно-политической, социально-экономической, гуманитарной и историко-культурной жизни страны и общества. В стране также действуют институты и аналитические центры, которые занимаются мониторингом проблем международной и региональной безопасности.

Вместе с тем до недавнего времени не было научно-исследовательского учреждения, которое бы специально занималось системным анализом широкого спектра вопросов, касающихся центральноазиатской тематики.

Создание такого учреждения приобрело особую актуальность благодаря проводимой Президентом Республики Узбекистан Ш.М.Мирзиёевым внешней политике, приоритетом которой стало укрепление многовековой дружбы, добрососедства, стратегического партнерства и взаимного доверия с государствами Центральной Азии. Открытие такого института является беспрецедентным событием и для Узбекистана, и для других стран Центальной Азии.

В постановлении Президента «Об учреждении Международного института Центральной Азии», которое было подписано 20 августа 2020 г., обоснована необходимость создания данного института, при этом отме-

Насиров А.Дж., директор Международного института Центральной Азии.
Абдуллаев Р.М., главный научный сотрудник Международного института Центральной Азии, докт. ист. наук.

Создание Международного института Центральной Азии приобрело особую актуальность благодаря проводимой Президентом Республики Узбекистан Ш.М.Мирзиёевым внешней политике, приоритетом которой стало укрепление многовековой дружбы, добрососедства, стратегического партнерства и взаимного доверия с государствами Центральной Азии.

чено: «Сближение народов, обеспечение взаимопонимания, единства и сплоченности, расширение практического сотрудничества и углубление интеграции являются объективно востребованными, ключевыми факторами устойчивого развития и процветания Центральной Азии» [1].

Страны Центральной Азии, проводя независимую политику на международной арене, представляют особый интерес для международного экспертного сообщества.

Перед коллективом Международного института Центральной Азии поставлена задача налаживания системной научно-исследовательской и прикладной работы по проблемам современного состояния и развития стран региона. Об этом Президент Узбекистана упомянул в своем Послании Олий Мажлису 29 декабря 2020 г. [2].

Инициатива создания Международного института Центральной Азии отражает внешнеполитический курс Узбекистана, где в качестве приоритетов обозначены такие положения, как проведение открытой и конструктивной политики в отношении наших ближайших соседей; решение региональных проблем на основе равноправия, взаимного учёта интересов и поиска разумных компромиссов; создание пояса безопасности и стабильности вокруг Узбекистана как страны, расположенной в самом сердце региона.

Первостепенными задачами деятельности института определены несколько направлений [3]:

- изучение современных внешнеполитических, внутриполитических и социально-экономических тенденций в странах Центральной Азии и выработка на их основе практических предложений и рекомендаций;
- анализ политико-правовых, торгово-экономических, гуманитарных и других аспектов взаимодействия стран Центральной Азии, а также состояния и перспектив совместного решения задач, стоящих перед государствами региона (безопасность, водопользование, демаркация границ, торговля, промышленная кооперация, транспорт, транзит, сельско е хозяйство, туризм, наука, медицина, образование и др.);

Перед коллективом Международного института Центральной Азии поставлена задача налаживания системной научно-исследовательской и прикладной работы по проблемам современного состояния и развития стран региона.

• информационно-аналитическое обеспечение Президента и органов власти при формировании стратегических направлений политики по углублению многопланового сотрудничества со странами Центральной Азии, а также выработка предложений к документам, направленным на практическую реализацию этого направления;

• информационно-аналитическое сопровождение и подготовка материалов к Консультативным встречам глав государств Центральной Азии и другим мероприятиям на высшем уровне;

• разработка конкретных предложений по новым «точкам роста» регионального развития, выработка практических шагов по усилению торгово-экономической, энергетической и транспортно-логистической взаимосвязанности стран региона;

• исследование историко-культурного наследия стран и народов, населяющих Центральную Азию, изучение опыта стран региона и других зарубежных государств по сохранению культурных и национальных ценностей;

• проведение конференций, семинаров и «круглых столов», определение наиболее актуальных тем и реализация научно-исследовательских грантов и проектов, в том числе с участием ведущих зарубежных экспертов по Центральной Азии [4].

Коллектив также намерен заниматься проведением научных исследований по актуальным экологическим проблемам Центральной Азии, особенно по региону Приаралья, который по инициативе Президента нашей страны предлагается объявить в рамках ООН зоной экологических инноваций и технологий.

Инициатива создания Международного института Центральной Азии отражает внешнеполитический курс Узбекистана, где в качестве приоритетов обозначены такие положения, как проведение открытой и конструктивной политики в отношении наших ближайших соседей; решение региональных проблем на основе равноправия, взаимного учёта интересов и поиска разумных компромиссов; создание пояса безопасности и стабильности вокруг Узбекистана как страны, расположенной в самом сердце региона.

С учетом передового зарубежного опыта в институте предполагается создать Попечительский совет, состоящий из руководителей ведомств, видных общественных и научных деятелей стран Центральной Азии и других государств.

Коллектив института намерен наладить регулярную работу со всеми заинтересованными учреждениями, ответственными лицами и представителями экспертного сообщества, что позволит более эффективно решать вышеуказанные научно-исследовательские задачи.

В наши дни во многих научно-исследовательских институтах и аналитических центрах мира проводятся серьезные изыскания, посвященные изучению различных аспектов внутренней и внешней политики, национальной безопасности, социально-экономической жизни государств Центральной Азии. В этих исследовательских структурах, как правило, работают известные специалисты и эксперты, которые достаточно хорошо знакомы с комплексом региональных проблем. Объектом специальных исследований являются вопросы, связанные с гуманитарной сферой и анализом историко-культурного наследия народов Центральной Азии. Эти исследования финансируются не только государством, но и благотворительными, а также независимыми организациями и частными лицами.

Международный институт Центральной Азии в процессе совместной работы с зарубежными коллегами будет опираться на солидную базу аналитической литературы и источников, собранную в данных учреждениях, использовать профессиональный опыт их научных сотрудников.

Учитывая особую значимость центральноазиатской тематики, есть все основания полагать, что установление научных контактов с международными исследовательскими центрами найдет понимание и будет поддержано коллегами. Институт также надеется установить более активные научные и партнерские связи с соседями по региону и действующими в этих странах аналитическими учреждениями.

Общеизвестно, что центральноазиатская тематика становится одним из важнейших факторов мировой политики. Этот регион иногда называют уникальным геополитическим «узлом», связывающим четыре ядерные державы – Россию, Китай, Индию и Пакистан [5]. Центральная Азия находится в «евразийской сердцевине», что, по мнению «отца» британской геополитики Хэлфорда Маккиндера, зовется Хартлендом: «Кто владеет Хартлендом, тот владеет Мировым островом, кто владеет Мировым островом, тот владеет миром».

Общеизвестно, что центральноазиатская тематика становится одним из важнейших факторов мировой политики. Этот регион иногда называют уникальным геополитическим «узлом», связывающим четыре ядерные державы – Россию, Китай, Индию и Пакистан.

Геополитическая роль региона определяется также его межконтинентальной значимостью для торговых и других связей между странами Европы, Ближнего Востока и Азии. Здесь проходил Великий Шелковый путь. В современных условиях ведущие экономики мира испытывают повышенный интерес к Центральной Азии, что, разумеется, не является случайностью.

Здесь найдены большие запасы углеводородов, золота, меди, урана и тяжелых металлов [6].

Центральная Азия расположена на стыке нескольких цивилизаций: Россия, Китай и мусульманский мир, которые представляют собой разные мировоззренческие доктрины, политические системы и бытовые практики [7]. В непосредственной близости находится Афганистан, ситуация в котором влияет на международную и региональную безопасность. В этой связи особую актуальность приобретает проблема обеспечения региональной стабильности и условий для устойчивого развития, что невозможно без налаживания конструктивных контактов с соседями и построения новых связей в системе международных отношений с ведущими державами мира. Данное обстоятельство служит одним из основных мотивационных факторов активизации двусторонних и многосторонних отношений республик Центральной Азии с такими государствами, как США, Россия, Китай, Япония, Иран, Турция, Южная Корея, Индия, Пакистан, Саудовская Аравия и странами Европейского Союза.

Об открытом характере формирующегося центральноазиатского регионализма свидетельствует успешное развитие механизмов коллективного взаимодействия в формате «5 (страны ЦА) +1» с такими партнерами, как Япония (с 2004 г.), Республика Корея (2007 г.), ЕС (2008 г.), США (2015 г.), Индия (2019 г.), Россия и Китай (2020 г.) [8].

Международный институт Центральной Азии, несомненно, обратится к проблемам изучения состояния и особенностей развития международных отношений в соответствии с важнейшими принципами и концептуальными положениями внешней политики государств Центральной Азии.

После обретения независимости республики Центральной Азии активно включились в общемировые процессы, став участниками или наблюдателями ряда международных организаций. В их числе Организация Объединенных Наций (ООН), Содружество Независимых Государств (СНГ), Шанхайская Организация Сотрудничества (ШОС), Организация исламской конференции (с 2011 г. – Организация Исламского сотрудничества, т.е. ОИС), Совет сотрудничества тюркоязычных государств (ССТГ), Евразийский экономический Союз (ЕАЭС) и др.

Республика Узбекистан и другие государства Центральной Азии проводят свою внешнюю политику исходя, прежде всего, из национальных интересов, имеющегося потенциала и возможностей, а также с учетом оказывающих существенное влияние на ситуацию в регионе ряда факторов: геополитическое расположение, отсутствие

прямого доступа к морским портам, экологические проблемы Аральского моря и др. [9].

Международный институт Центральной Азии, несомненно, обратится к проблемам изучения состояния и особенностей развития международных отношений в соответствии с важнейшими принципами и концептуальными положениями внешней политики государств Центральной Азии. Анализ актуальных вопросов экономического развития, региональной экономической интеграции стран Центральной Азии также будет оставаться одним из приоритетных направлений в деятельности института.

Можно утверждать, что в Узбекистане, одном из крупнейших и динамично развивающихся государств региона, появилась новая исследовательская структура, которая ставит перед собой в качестве основной цели глубокий и системный анализ всего комплекса вопросов, связанных с центрально-азиатской тематикой.

Одним из важных объектов исследования, как предполагается, станет изучение передового мирового опыта, накопленного в выявлении, анализе и урегулировании региональных проблем (водные и энергетические вопросы, границы и приграничная торговля, экология и др.).

Институт будет заниматься подготовкой прикладных разработок и аналитических материалов, направленных на выработку интегрированного представления Центральной Азии как стабильного и безопасного региона, привлекательного для развития внутреннего и международного туризма, бизнеса, передовых технологий и современной науки.

Институт планирует реализовать специальные научно-исследовательские проекты, направленные на изучение межнациональных и межконфессиональных отношений, с использованием междисциплинарных подходов: на стыке этнологии и социологии, социальной психологии и религиоведения, политологии и культурной антропологии.

Обретение республиками Центральной Азии государственной независимости привело к кардинальным социально-политическим изменениям и серьезной трансформации общественного сознания. В обществе изменилась точка зрения на мир, народ и его историю. В странах региона все чаще стали говорить о том, что национальную историю надо рассматривать в контексте мировой и региональной истории, а также мусульманской и тюркской цивилизаций.

Формирование нового исторического мышления происходит на фоне заметного роста национального самосознания, возрождения и реанимации историко-культурных и духовных ценностей, которые еще несколько

десятилетий назад откровенно игнорировались официальной властью либо сознательно замалчивались согласно доминировавшей идеологии. Народам региона все чаще напоминают о том, что на этой земле жили великие ученые и мыслители, внесшие неоценимый вклад в развитие мировой культуры и науки. Растет осознание того, что, опираясь на это богатейшее историко-культурное наследие, народы Центральной Азии должны строить свое будущее.

Многие современные исследователи, приводя исторические факты, связанные с характером развития интеграционных процессов в Центральной Азии, подчеркивают необходимость и важность формирования региональной идентичности [10], при этом подчеркивается, что «в последнее время в повестке дня обсуждений в рамках Центральной Азии все активнее обозначается задача тесного регионального сотрудничества» [11]. Это мнение поддерживается всеми лидерами и ведущими экспертами, представляющими наш регион, в связи с чем в Международном институте Центральной Азии планируется проведение целого ряда научно-исследовательских изысканий и прикладных разработок, посвященных изучению проблем формирования региональной идентичности и всестороннему анализу состояния межгосударственного сотрудничества.

Можно утверждать, что в Узбекистане, одном из крупнейших и динамично развивающихся государств региона, появилась новая исследовательская структура, которая ставит перед собой в качестве основной цели глубокий и системный анализ всего комплекса вопросов, связанных с центральноазиатской тематикой. Для реализации этой цели и тех задач, которые связаны с ней, в институте созданы все необходимые условия.

Вместе с тем институту, видимо, предстоить решить некоторые проблемы, которые могут в определенной мере повлиять на характер исследовательских разработок, аналитических рекомендаций и прогнозов, подготовленных сотрудниками этого учреждения. Связана данная ситуация с проблемой, которая знакома очень многим: речь идет о нехватке квалифицированных специалистов-аналитиков, на что указывают некоторые наши эксперты [12].

В частности, мы остро нуждаемся в страноведах и экспертах широкого профиля (политологах, социологах, экономистах, культурологах, историках, антропологах, этнологах и др.), специализирующихся по Центральной Азии.

Известно, что по инициативе и под руководством некоторых ведущих научных сотрудников аналитических центров и профессоров наших вузов (в частности, Университета мировой экономики и дипломa-

тии, Центра новейшей истории и др.), в последние годы стали защищаться диссертационные работы по различным аспектам центральноазиатской тематики. Однако очевидно, что этого совершенно недостаточно. Чтобы восполнить пробелы, нужно наладить системную работу по подготовке кадров в ведущих вузах нашей страны. Можно начать с введения специальных курсов страноведческого направления, для этого необходимо дать возможность руководству данных учебных заведений приглашать известных отечественных и зарубежных специалистов.

Есть уверенность, что Международный институт Центральной Азии станет действенной площадкой, которая будет способна затрагивать не только актуальные вопросы развития многоаспектных процессов в регионе, но и предлагать на основе глубокого анализа и оценок свои подходы и решения для укрепления добрососедских отношений между государствами Центральной Азии.

Проблема нехватки квалифицированных кадров – не единственная проблема, с которой, возможно, институту придется столкнуться в процессе своей деятельности.

Одна из ключевых задач, стоящих перед нашим учреждением, как известно, будет заключаться в том, чтобы предоставлять выверенную и объективную информацию, а также аргументированные и детально отработанные аналитические материалы о состоянии и развитии региональных процессов. Такой подход особенно актуален в современном мире, когда аналитическое сообщество должно быть способным адекватно противодействовать феномену постправды и фейкньюс, доносить до общественности проверенные, объективные факты и комментарии [13].

Кроме того, очень важно наладить тесные связи с нашими коллегами из региона. На протяжении долгого времени эти связи носили фрагментарный и эпизодический характер, что, разумеется, препятствовало принятию согласованных решений по многим аспектам центральноазиатской тематики.

Можно все-таки отметить, что ситуация стала меняться в лучшую сторону. Сотрудничество аналитических структур стран региона заметно активизировалось, что вселяет надежду на сохранение и расширение данной тенденции.

В Международном институте Центральной Азии уверены, что совместная работа с отечественными исследовательскими центрами, коллегами из региона и других стран по комплексному изучению и мониторингу обозначенных проблем будет продолжаться. Конечно, работа института будет вестись в открытом, доступном для заинтересованных исследователей режиме, учитывая статус учреждения, его цели и зада-

чи. Важным представляется задействование своего сайта для доступа к исследовательским проектам и материалам, текущей работе, а также грантовым исследовательским проектам. Немаловажным также видится задача активного позиционирования Международного института Центральной Азии на ведущих социальных площадках.

Есть уверенность, что первый и уникальный в своем роде Международный институт Центральной Азии станет действенной площадкой, которая будет способна затрагивать не только актуальные вопросы развития многоаспектных процессов в регионе, но и предлагать на основе глубокого анализа и оценок свои подходы и решения для укрепления добрососедских отношений между государствами Центральной Азии.

Литература

1. Постановление Президента Республики Узбекистан "Об учреждении Международного института Центральной Азии" №ПП-4811 от 20 августа 2020 г.

2. Послание Президента Узбекистана Шавката Мирзиёева Олий Мажлису 29 декабря 2020 г. https://review.uz/post/poslanie-prezidenta-uzbekistana-shavkata-mirziyoyeva-oliy-majlisu

3. См. [1].

4. См. [1].

5. *Чжоу Цзюнь.* Значение государств Центральной Азии в мировой политической системе // Управленческое консультирование, 2017, №3. – С.164-171.

6. *Чжоу Цзюнь.* Указ.раб. – С. 165.

7. *Плотников Д.С.* Центральная Азия в контексте мировой политики. – Пермь, 2020. – С.4.

8. *Курбанов Д.* Региональная политика Узбекистана: достижения и перспективы устойчивого развития Центральной Азии https://dunyo.info/ru/site/inner/regionalynaya_politika_uzbekistana_dostizheniya_i_perspektivi_ustoychivogo_razvitiya_tsentralynoy_azii—_c

9. *Рахимов С.А.* История взаимоотношений Республики Узбекистан с международными и региональными организациями (на примере СНГ и ШОС): Автореф. дисс. ... докт.филос. (PhD) по историческим наукам. – Ташкент, 2020. – С.29.

10. См. подробнее: *Рафиков К.* Быть ли Соединенным Штатам Евразии? Размышления узбекского политолога о региональной интеграции. https://.kommersant.ru/doc/4663087

11. Там же.

12. См. подробнее: *Умаров А., Хан В., Саидмавлонова Г.* О чем думают «танки». https://gazeta.uz/ru/2021/02/12/think-tanks/

13. Аналитические центры в Центральной Азии: между наукой, обществом и властью. https://cabar.asia/ru/analiticheskie-tsentry-v-tsentralnoj-azii-mezhdu-naukoj-obshhestvom-i-vlastyu

B.J. Kattadiyil, B.A. Islamov

COVID-19: insolvency and bancruptcy law reforms around the world

The whole world is under the grip of a pandemic due to Covid-19 virus. This pandemic has forced a lot of reforms in the laws across the globe. One of the most affected and changed laws are those of insolvency.

The whole world is still gripped by the Covid-19 virus pandemic. This pandemic triggered many legislative reforms around the world, especially with regard to bankruptcy and financial insolvency procedures. In Uzbekistan, by the Decree of the President Sh. Mirziyoyev issued as early as April 3, 2020, «On additional measures to support the population, economic sectors and business entities during the coronavirus pandemic», a «moratorium was introduced for a period until October 1, 2020 on initiating bankruptcy procedures and declaring bankrupt enterprises that have faced financial difficulties due to restrictive measures introduced to counter the spread of coronavirus infection" [1].

An overview of changes made in light of the Covid-19 outbreak which impose restrictions on creditor rights, relax debtor obligations to file for insolvency or concern other insolvency-related issues, and are contained in the table for comparative analysis.

Review of Literature

The World Bank worldwide and India nationwide accumulated a vast and positive experience in this field, especially after introduction the

Kattadiyil B.J., PhD, DSc Research Scholar of Westminster International University in Tashkent.
Islamov B.A., Prof. DSc, Professor of International Economics, G.V. Plekhanov Russian Economic University Branch in Tashkent.

Insolvency and Bankruptcy Code, 2016, that could be seen from a brief literature review.

Mohta, P. (2020), the present write-up determines the inflow of foreign investments as a key determining factors of a nation's economic growth. It mentions that though there are specialized boards and tranches for handling the complexities of the foreign investments, the Insolvency and Bankruptcy Code, 2016 (IBC or the Code) necessarily forms part of the play [2].

Shetty, M., Gandhi, C. (2020), the authors of this article have recognized the pivotal role played by the Insolvency and Bankruptcy Code, 2016 in the improvement of India's rankings in the World Bank's "Ease of Doing Business" 2020 Report. India has moved up by 14 positions to 63rd rank in 2019 in comparison with 77th rank in 2018 [3].

Dr. Sahoo, M.S. (2020), the Chairman of the Insolvency and Bankruptcy Board of India in his article mentions that India has earned the place of top 10 improvers in the world in the ease of doing business, for the third consecutive year. India's ranking improved by 56 places from 108th position in 2018 to 52nd position in 2019 in the World Bank's index of Resolving Insolvency [4].

The whole world is under the grip of a pandemic due to Covid-19 virus. This pandemic has forced a lot of reforms in the laws across the globe. One of the most affected and changed laws are those of insolvency.

Doing Business Report, Various issues (2014-2020), the Doing Business Report of the World Bank studies the business regulatory environment for 189 nations which includes the ease in starting a business till the easy exit of the business. As per the reports India took 4.3 years on an average to resolve insolvency but now in 2020 the time taken to resolve insolvency is reduced to 1.6 years. This historical achievement of India is credited to the most remarkable economic reform, that is, the Insolvency and Bankruptcy Code, 2016 [5].

Kohli, H. (2020), the article says that the Insolvency & Bankruptcy Code, 2016 (IBC) was introduced as a reform for improving the financial health of the Indian banks. Resolution is the primary objective of the Code and its purpose is to maximize the value of the assets of the Corporate Debtor and hence for all creditors [6].

Gupta, N., Desai, N., Garg, E. (2020), this research paper has attempted to highlight the background of the Code in the light of the applicable legal regimes before the implementation of the IBC along with the challenges that were faced in the initial stages of its implementation. The researchers have evaluated the introduction of

IBC as one of the most effective reform and it has glorified the position of India globally [7].

The Report of the Bankruptcy Law Reforms Committee

This Committee gathered knowledge on the economics and legal framework from many policy papers, conferences, workshops that were conducted during the period of the Committee's working. The discussions captured knowledge of the complexities and intricacies of the Insolvency and Bankruptcy processes in India today and also engaged with Economists, Lawyers and the financial market participants [8].

Bankruptcy Code (2015, sixteenth Lok Sabha)

The report stressed on the simplified procedure so that there is quick disposal of cases of the claims of Banks and Financial Institutions before the Debt Recovery Tribunal (DRT). This report lays emphasis on the need for reforming the Insolvency, Bankruptcy and Liquidation laws so that the recovery of Loans is done quickly [9].

The World Bank worldwide and India nationwide accumulated a vast and positive experience in this field, especially after introduction the Insolvency and Bankruptcy Code, 2016.

The Insolvency and Bankruptcy Code, 2016: Problems and Challenges by Shivam Goel – This Article throws light on some of the problems faced by and challenges before the Insolvency and Bankruptcy Code, 2016. This gives a lot of scope to analyse the Act deeply. A careful study and investigation is needed to look into each and every facet of the Act. It is about the key aspects and predicaments of the Code, 2016 [10].

Ballooning Non-Performing Assets (NPA) in Indian Banking and Insolvency and Bankruptcy Code: Resolution plans and cases by Deepak Tandon, Neelam Tandon This research work studies the phenomenal deterioration of asset quality, raising potential losses for not making enough provisions for to combat the NPAs in the Indian Banking sector. It concludes that to provide sustainability of the credit growth is necessary for robust banking in the times to come [11].

A study of Insolvency and Bankruptcy Code and its impact on Macro Environment of India by Srijan Anant and Aayushi Mishra - The researcher consider that IBC is one of the major reforms brought about in the legal system in India and it is not only giving strength to the Legal system in India but is also providing a new identification and recognition to India at the global level. The author has analysed the impact of Insolvency and Bankruptcy code on macro environment of India [12].

68th Report by Standing Committee on Finance, 2017-18 by Ministry of Finance This report is on Banking Sector in India-Issues, Challenges

and The Way Forward Including Non-Performing Assets/Stressed Assets In Banks/Financial Institutions [13].

NPA of Indian Banking System and its impact on Economy by Prof D. S. Rathore, Dr. Sangeeta Malpani, Sunita Sharma The researchers have studied the status of NPAs of SCBs and the impact of NPAs on the Indian Economy. They have also made the suggestions to avoid NPAs and to manage existing NPAs in Banks [14].

NPAs- How to convert into performing assets and support the economic growth by Dr. Binoy Joy Kattadiyil and Dr. Mrutyunjay Sisugoswami - This is a recent research article and the researchers have studied the phenomenal deterioration of stressed asset quality and the raising potential losses for not making enough provisions to combat NPAs in the Indian Banking Sector. The article raises concern over the raising NPAs and opined that the strength and sustainability of the credit growth is the solution for making robust banking system in India [15].

In three years of IBC more hits than misses by CRISIL- This press release by CRISIL, says that recovery through IBC was Rs 70,000 Crores approx in fiscal 2019 which is twice the recovery done through other channels in 2018. The IBC has instilled a significantly better sense of credit discipline amongst creditors and investors [16].

Research Methodology

The research on the present study is involving review of the earlier insolvency and bankruptcy laws that existed before the advent of IBC and the present insolvency and bankruptcy legislation in India and its impact on the economic development of India. The present study is Empirical and an Economic Policy Research. The research design is exploratory design is chosen for this study. Since, the study has to explore the impact of IBC on Indian Economy and other of fourteen different countries **under COVID-19 pandemic circumstances** to create objective basis for comparative analysis.

The study has to explore the impact of IBC on Indian Economy and other of fourteen different countries under COVID-19 pandemic circumstances to create objective basis for comparative analysis.

Analysis of Country-wise Reforms under COVID-19 pandemic circumstances

Through this Article, we have tried to track the major insolvency law reforms that have occurred due to Coronavirus Pandemic in various countries. While some major countries like China, United States of America etc. have chosen to not make any reforms in their existing

Insolvency Laws and take an indirect approach of tackling insolvency through other economic reforms; other countries like Germany and United Kingdom, India have made explicit reforms in their existing law or come out with new ordinances and Amendment Acts. Countries like the UK, Germany, Switzerland, Sweden, India and many others have made significant changes to their current legislation or adopted new regulations in response to the Covid-19 outbreak that impose restrictions on creditors' rights, mitigate debtor obligations and affect others issues related to bankruptcy.

New regulations in response to the Covid-19 outbreak impose restrictions on creditors' rights, mitigate debtor obligations and affect others issues related to bankruptcy.

The Government of India passed the Insolvency and Bankruptcy Ordinance on June 5, 2020, which suspended insolvency proceedings for a period of six months, which could be extended up to one year to ensure that legal entities do not suffer the plight of the unprecedented situation caused by COVID -19, which brought them to the brink of bankruptcy. The UK government has proposed new insolvency rules to help more businesses weather the coronavirus storm and avoid bankruptcy. Proposed measures included the suspension of existing illegal trade regulations and a new moratorium on businesses in the process of restructuring from March 1, 2020 until such a date when the government further determines. In Germany, reforms have been introduced under German insolvency laws, such as the suspension of filing for bankruptcy until September 30, 2020. However, the obligation to file an insolvency petition remains in effect if (1) the reasons for the insolvency are not the result of the COVID19 pandemic and (2) there is no prospect of eliminating the inability to pay. On April 16, 2020, the Swiss Federal Council passed a regulation on the insolvency and restructuring regime to protect companies facing financial difficulties caused by the coronavirus pandemic, which, effective April 20, 2020, was in effect for six months and provided: (1) the suspension of the board's obligation to notify the judge in the event of over-indebtedness, (2) a new moratorium for small and medium-sized enterprises if necessary, and (3) amendments to the existing debt restructuring regime. The Swedish parliament (in response to the pandemic) passed legislation that allowed the Swedish Revenue Agency to initially grant deferral of taxes due from January to September 2020, such as value added tax. It was also envisaged that a deferral could be granted for a maximum of one year. For more details look at Table 1.

Table 1. Country-wise Reforms in Insolvency laws under COVID-19 pandemic*

Country	Affect of the Pandemic	Reform
India	The Government has come out with Insolvency and Bankruptcy (Amendment) Ordinance, 2020 promulgated on 05.06.2020 which suspends Insolvency proceedings for a period of six months to prevent corporate persons which are experiencing distress on account of the unprecedented situation caused by COVID-19 pandemic, from being pushed into insolvency process	• The minimum payment default threshold for triggering bankruptcy proceedings against a company will be raised to ? 1 crore from ? 1 lakh • A new section 10A has been inserted into the Code to suspend initiation of CIRP process under section 7,9 and 10 for any default arising on or after March 25, 2020 for a period of 6 months, which can be extended upto one year if government notifies.No new application shall ever be filed for initiation of CIRP of a corporate debtor for such a default occurring during that period
United Kingdom	The government has proposed imminent new insolvency rules with the aim of helping more businesses weather the coronavirus storm and avoid entering an insolvency process. The overriding objective is to assist UK companies to keep trading while restructuring. The measures proposed to give this space are set to include a suspension of the current wrongful trading provisions and a new moratorium for businesses undergoing a restructuring process.	• The ability to hold directors personally liable for the additional net shortfall to creditors incurred during a period of wrongful trading, pursuant to section 214 of the Insolvency Act 1986, will simply be suspended (retrospectively) from 1 March 2020 until such date as the government determines. • There will be a new moratorium preventing creditors applying for administration orders or petitioning for the winding up of the company while the company seeks a rescue or restructure. During this time the company's supplies will be protected so that the company can continue to access raw materials and utilities. • Companies will be able to access supplies during a restructuring. Suppliers of goods and services will not be able to enforce termination clauses in contracts on the basis that the company has entered an insolvency process / is subject to the new moratorium / the new restructuring plan. • New restructuring vehicle is introduced. This is the 'restructuring plan' which would include the ability to bind dissenting classes of creditors who vote against it. The plan will require 75% of creditors by value, in each class of creditor, to vote in favour (subject to modifications for connected parties). This is intended to be a flexible plan that can be agreed between the company and its creditors. It is the government's intention to legislate in a way that means the restructuring plan will closely follows schemes of arrangement. There will be a right of appeal to the court.

Country	Affect of the Pandemic	Reform
Germany	Under German Insolvency Laws there have been reforms introduced like suspension to file bankruptcy till 30 September 2020.	• The obligation to file for insolvency due to overdebtness has been suspended. There are, however, two exceptions to the suspension. The obligation to file for insolvency remains in force if (i) the reasons for insolvency (i.e., the inability to pay or over-indebtedness) are not the result of the COVID19 pandemic, and (ii) there are no prospects of eliminating the inability to pay. • Newly granted loans from banks and other lenders will be protected in order to motivate them to provide additional liquidity to companies in distress. Repayments of such loans until September 30, 2023, will not be considered disadvantageous to creditors, and cannot be challenged. Such loans will also no longer be subject to subordination in insolvency proceedings.
Romania	From 16 March 2020 until 14 May 2020, Romania was considered to be in a state of emergency,that allowed the authorities to impose different restrictions for activities, movement of persons and goods etc. Most court proceedings in all matters were suspended. This in turn, affected insolvency procedures and no reorganisation plans were approved by judges, and more generally, no bankruptcy procedures were opened and neither were insolvency practitioners or debtors'/creditors' requests resolved. A general stay on the statute of limitations was in force during this period	• If the debtor's activity was suspended, completely or partially, during the state of emergency, the creditor must, before filing an insolvency claim, try to amicably resolve their conflict generated by unpaid claims with the debtor. There must be written proof sent prior to the debtor either by email, post or fax, otherwise his insolvency request shall be rejected by the judge. • Also, the minimum claim must be RON50,000, if debtor's activity was suspended, completely or partially, during the state of emergency. • The observation period is extended by an additional three months—from 12–15 months—to give companies that intend to submit a reorganisation plan the time to analyse the impact of the pandemic on the business and on its chances of reorganisation. • The reorganisation plans submitted but not yet approved by the judge can be changed within a three month period if the perspectives change as a consequence of the coronavirus pandemic. Any intention to make changes must be announced by the judicial administrator to creditors within 15 days of the entering in force of the law. • If a reorganisation plan is ongoing, but the debtor's activity was suspended, totally or partially, during the state of emergency, the debtor can file a request for suspending the reorganisation period for two months. • The reorganisation plan period can be extended from four years to a maximum of five years.
New Zealand	The pandemic forced the Parliament to come out with a COVID-19 Response (Further Management Measures) Legislation Act 2020, which contains certain schemes to help the debtors and mitigate the insolvencies.	1. *Safe Harbour Scheme*: The directors were given safety measures such as directors with shelter from these duties under certain circumstances, directors will only be protected if: • in the directors' opinion (which must be held in good faith), the company is facing or is likely to face significant liquidity problems in the next six months due to the coronavirus pandemic • the company could pay its debts as they fell due on 31 December 2019, and

Country	Affect of the Pandemic	Reform
		• the directors consider in good faith that it is more likely than not that the company will be able to pay its debts as they fall due within the next 18 months (for example, by utilising the business debt hibernation scheme to get the business back on track) 2. *The business debt hibernation scheme (BDH)*: • Debts incurred after BDH is entered into will now be included as long as they relate to obligations signed up to before entering into the scheme. This change will mean that ongoing rent obligations will be covered and mean that the scheme will have a much greater positive financial impact for businesses. • Creditors holding a security over all, or substantially all, of the debtor business' assets will now be excluded from the scheme for the whole protected period. Under the original Bill, these creditors would have been prevented from taking enforcement action in the initial one month protected period. This part of the scheme has now been simplified and these creditors can take enforcement action at any time. • The business will then enter into a protected period during which creditors (with some exceptions) will not be able to take any enforcement action. In that month, the business will have the opportunity to put forward a proposal which, if approved by a majority of creditors (in number and value), will extend the protected period for a further six months. The proposal can postpone debts or reduce payment of debts during the six month period, but it cannot cancel debts or limit the rights of creditors after the end of the period.
Sweden	No new law has been introduced in the Swedish Parliament. Extensive amendments to the Swedish Bankruptcy Act were proposed in December 2019 (Ds 2019:31 'Konkursförfarandet'). These proposed amendments mainly concerned formal aspects of bankruptcy proceedings, such as the procedure for lodgement of proofs of claim in the bankruptcy, and have no connection to the ongoing pandemic.	• It has now become possible to obtain government financing, by means of loans from ALMI Företagspartner AB, in respect of continued operations of business during the course of administration proceedings. • Financial distress is a perquisite for various types of subsidies and also because companies that are the subject of insolvency proceedings or otherwise insolvent are excluded from several types of subsidies aimed at alleviating the economic impact of coronavirus. • The Swedish parliament has (as a to reaction the ongoing pandemic) introduced legislation that allows the Swedish Tax Agency to grant deferral of payment of taxes that fall due between January and September 2020, for example, value added tax. A deferral period may be granted for a maximum of one year.

Country	Affect of the Pandemic	Reform
Bulgaria	In order to respond to the coronavirus crisis, Bulgaria has promulgated the Law on the Measures and Actions during the State of Emergency (LMASE), published and effective (with only minor exceptions) as of 13 March 2020. No amendments have been discussed nor introduced to the Bulgarian Law on Commerce—the act directly regulating insolvency proceedings in Bulgaria. The legislative response to the coronavirus pandemic in Bulgaria affects only indirectly insolvency proceedings. It does not provide for any prolongation or relief from the obligation of the management of an insolvent company to file for insolvency within 30 days of the date on which the company ceased the payments to its creditors.	• There is a general stay on procedural terms and suspension of court hearings, applicable to pending insolvency proceedings. • In order to mitigate the effect of potential excessive delays of judicial proceedings, the Amended LMASE abolished the annual court vacation between 15 July and 1 September 2020 as this period will be used by the courts to catch up with the delayed cases. • The insolvency courts suspended the servicing of court documents for the period between 13 March and 28 April 2020. For the SE, access to the courts rooms and files is allowed only upon prior request and approval for each individual case. • There is suspension of the payment of loans and other financing and leasing obligations towards banks and financial institutions
Armenia	Due to the decrease in turnover and in financial flows. As a result, shortfalls in the payment of obligations, including taxes, duties, customs duties, other fees or fines imposed by the administration, become objectively possible. A draft for reforms in Bankruptcy Law were suggested and if passed by the Parliament are said to be adopted till December 2021	Until now, according to the RA Law on Bankruptcy: 'in case there are grounds for declaring the debtor bankrupt as prescribed by Article 3 of this Law with respect to cash liabilities to the Republic of Armenia and community budgets (including taxes, duties, and other mandatory payments), the state or local self-government bodies shall be obliged to apply to the court with a claim of declaring the debtor bankrupt in the following cases and time limits: (a) the respective competent state authority: within six months from the moment of revealing the liability in connection with the delay of payment of taxes, duties, customs, and other mandatory payments or fines arising from administrative actions'. This will now be amended as "the respective competent state authority: within six months from the moment of revealing the liability in connection with the delay of payment of taxes, duties, customs, and other mandatory payments or fines arising from administrative actions, except when the amount of the claim does not exceed three million AMD."

Country	Affect of the Pandemic	Reform
		This amendment will release the state authorities from the additional court claim filings for bankruptcy regarding small debts, as they are mainly due to businesses being unable to operate under the measures adopted by the government and after these measures are over, those businesses might continue to operate and develop. This is also a huge support to businesses that potentially have the chance to recover after the coronavirus danger is over. At the same time, this will help employers to maintain their staff, as a result of which the state won't have higher unemployment rates.
Spain	A state of alarm has been implemented in Spain till 31 December 2020.The Spanish Government has enacted a series of measures to temporarily relieve directors of the strict obligation to file for insolvency within two months of insolvency in Royal Decree-Laws 8/2020 (RDL 8/2020), 16/2020 (RDL 16/2020) and other pieces of law like Royal Decree 463/2020, in response to coronavirus.	The main features of these reforms are: • The risk of a third party filing for the insolvency of a company is a risk that borrowers are always aware of and that might make directors more prone to file. Even if a third party files, such third party filing will not be processed until 31 December 2020—and if the borrower had also filed at any time on or before such date, the debtor's filing will be treated as having filed first. • the effects of the restructuring on dissenting creditors will not be in force until the homologation court ruling has been issued, and hence there might be an interim period during which the contractual relationship with the dissenting lenders is still subject to the pre-restructuring terms of the relevant agreement. • borrowers who had previously reached a refinancing agreement may launch a new refinancing process (even if one year has not yet elapsed - unlike the general rule in Spain) • borrowers with a company voluntary arrangement (CVA) reached within an insolvency may renegotiate the CVA (again, unlike the general rules in Spain) • upon the borrower becoming aware of a breach to an existing CVA, it will not be required to file for liquidation within the insolvency, provided that it submits a CVA amendment proposal, and • in any insolvencies declared within this period, any auction of assets (aside from the process in the liquidation plan if any) must be made out of court • in any insolvencies declared within two years after the State of Alarm started, any funding provided by specially connected persons to the borrower (or resulting from payments made by those specially connected persons to third parties on behalf of the borrower) from the date that the State of Alarm started, will not be subordinated but rather treated as an ordinary claim • New rules have also been implemented for approval of liquidations plans which had been tabled for fifteen days once the State of Alarm is lifted.

Country	Affect of the Pandemic	Reform
Portugal	The Portugeese Government has declared a state of calamity and reform for dealing with consequences of coronavirus has also been put in place. The insolvency law Law 1-A/2020 of 19 March 2020, has been amended by Law 4-A/2020 of 6 April 2020	The features for that reform are: • The duty of a debtor to file for insolvency within 30 days of the date on which the debtor became or should have become aware of its insolvency, set forth in Article 18 of the Insolvency and Company Recovery Code, is suspended. The suspension took effect on 9 March 2020 and will cease on a date that is to be set through a decree-law. • eadlines in insolvency proceedings, special revitalisation proceedings (PER) and special payment-agreement proceedings (PEAP) were suspended between 9 March and 7 April 2020. Furthermore, it is foreseeable that, despite the non-suspension of the proceedings from 7 April 2020 on, there will be a considerable slowdown in the courts' processing of insolvency proceedings, PERs and PEAPs, with a tendency towards mainly performing steps of particular urgency, such as those necessary for the survival of companies, the payment of salaries or the livelihood of debtors. • Continued financing of families and businesses in order to prevent events of default and includes a statutory moratorium until 30 September 2020 ('Moratorium'). • The extension of the deadline for payment of the principal, rent, interest, fees and other charges, under the measures referred to in points (ii) and (iii) above does not: 1. constitute breach of contract 2. trigger acceleration clauses or 3. cause the ineffectiveness or termination of any guarantees, including insurance, personal guarantees.
Italy	The Italian government has adopted emergency rules concerning, among others, insolvency proceedings and corporate law: Law Decree 17 March 2020 no 18 and Law Decree 8 April 2020 no. 23, which will have a significant impact both on pending and new insolvency proceedings, on enterprises functioning and in business continuity.	• All hearings and procedural terms are suspended between 9 March and 11 May 2020. Such suspension has an impact also on terms concerning pending insolvency proceedings, Insolvency Practitioners' reports' filing and the fulfilment of their duties. • Italian government postponed the entering into force of the new Code of enterprises' crisis and insolvency (approved by Legislative Decree no 14 of 12 January 2019), from 15 August 2019 to 1 September 2021. • Terms for the fulfilment of a plan expiring between 23 February 2020 and 31 December 2021, have been extended by six months. • The debtor is entitled to apply to the Court to obtain a time-term to file a new plan or proposal for an agreement to creditors, or the extension of the term of fulfilment of the already approved plan. • The debtor is entitled to apply to the court for the extension of such time-term already granted, if founded on the actual emergency • Recovery, precautionary and enforcement of tax claims are suspended until 31 May 2020. • All petitions for bankruptcy filed between 9 March and 30 June 2020—either filed by creditors or by the debtor itself—shall be declared inadmissible.

Country	Affect of the Pandemic	Reform
Switzerland	On 16 April 2020, the Federal Council passed a special ordinance in relation to the Swiss insolvency and restructuring regime to protect companies who ran into financial difficulties caused by the coronavirus pandemic. The COVID-19 Insolvency Ordinance entered into force on 20 April 2020 and will remain effective for a period of six months.	The COVID-19 Insolvency Ordinance contains three temporary insolvency measures, namely (1) a suspension of the duty of the board of directors to notify the judge in the event of over-indebtedness, (2) a new moratorium for small and medium-sized enterprises (SMEs), the so called COVID-19 moratorium and (3) amendments to the existing debt restructuring regime.
Finland	Finland has also made temporary reforms. The reform will remove the provision regarding the so-called assumption of insolvency of a debtor ('insolvency assumption') in cases where a creditor files for bankruptcy. This is the provision that is typically invoked by creditors in their bankruptcy applications to prove the debtor's state of insolvency. The amendment will be in force until 31 October 2020.	• The Bankruptcy Act would be temporarily amended so as to restrict a creditor's right to file for the bankruptcy of a debtor on the basis of an insolvency assumption. • It should be noted that the proposed amendment includes a transitional provision, which sets down two situations in which the insolvency assumption would still be applied: (i) if the payment reminder has been issued to the debtor prior to the adoption of the amendment; and (ii) if the payment reminder has been issued to the debtor after the adoption of the amendment and is based on a debt that has fallen due more than two months prior to the adoption of the amendment.
Belgium	The Belgian Government adopted the Royal Decree n°15 on 24 April 2020 which provides for the temporary suspension or moratorium of measures of enforcement and other measures for the benefit of enterprises during the coronavirus crisis. The temporary moratorium protects the enterprise against preventive and executory attachment, compulsory bankruptcy and judicial dissolution.	• The creditor cannot levy a preventive or executory attachment, nor can he use or proceed with any other means of enforcement on the enterprises' property, for all debts of the enterprise, including those approved in a re-organisation plan • The Royal Decree n°15 protects the companies affected by the coronavirus crisis by providing that an enterprise cannot be declared bankrupt by summons, unless by initiative of the public prosecutor or the temporary administrator appointed by the president of the Enterprise Court, or with the consent of the debtor. • Under the Royal Decree n°15, the enterprise, if it is a legal person, cannot be dissolved by the court, unless by initiative of the public prosecutor or the temporary administrator appointed by the president of the Enterprise Court, or with the consent of the debtor. • Another protective measure for enterprises affected by the coronavirus crisis concerns the prohibition to unilaterally or judicially rescind contracts concluded before the entry into force of the royal decree n°15 on the grounds of non-payment of a pecuniary debt due and payable under the agreement. This does not apply to employment contracts.

Country	Affect of the Pandemic	Reform
Australia	Like India, Australia has also made changes to insolvency law in relation with thresholds and limitations. They have softened their stringent insolvency laws for six months. For both personal and corporate insolvency matters, the government is providing a temporary increase to the amount required to issue a statutory demand against a company and a bankruptcy notice against an individual. The government is also increasing the time within which a company and an individual have to comply with a statutory demand and a bankruptcy notice respectively.	• Statutory demand: the threshold is increasing from $2,000 to $20,000. The time period within which to comply is going from 21 days to six months • The threshold amount for a bankruptcy notice to be issued is also increasing, this time from the current amount of $5,000 to $20,000. The government is also increasing the time within which to comply with a bankruptcy notice from the existing 21 days to six months. • There is also change to the time period so far as it relates to where a debtor declares an intention to present a debtors petition. Currently, there is a period of protection for the debtor of 21 days before an unsecured creditor can take action to recover debts. In line with the other extension of time periods, this protection is increasing to six months. This will allow a debtor more time to consider the options that are best for them.

**Compiled by the authors*

Conclusions

The pandemic and the subsequent lockdown though not permanent, is sure to leave a permanent mark in the field of Insolvency Law, the impact of which will be felt for years to come. The major reforms that most countries around the world have adopted is just postponing or entirely suspending the filing for insolvency by the debtors, a protective moratorium to be imposed on the assets of the debtors, the threshold of default to be increased etc. These reforms are however mostly prospective and rarely retrospective. Most governments have also made the changes temporary with the end of such protections in sight so the companies have time to pull their socks up but not take advantage of the protections available to them. These reliefs have been granted to ensure that the rights of all the stakeholders in an

The pandemic and the subsequent lockdown though not permanent, is sure to leave a permanent mark in the field of Insolvency Law, the impact of which will be felt for years to come.

insolvency process are protected during such uncertain times and at the same time new cases of default are not pushed into insolvency as the cause of default could largely be on account of external factors not within the control of the borrowers. These reforms are expected to assist in the process of recommencement and rehabilitation of business operations and overall business continuity till the time that normalcy returns.

Literature

1. Указ Президента Республики Узбекистан Ш. Мирзиёева «О дополнительных мерах поддержки населения, отраслей экономики и субъектов предпринимательства в период коронавирусной пандемии» № УП-5978 от 3 апреля 2020 г., https://lex.uz/ru/docs/4780477

2. Palak Mohta, "The interface between IBC and Foreign Investment Instruments" The CBCL Blog (July 16, 2020), https://cbcl.nliu.ac.in/insolvency-law/the-interface-between-ibc-and-foreign-investment-instruments/

3. Mayur Shetty, Chintan Gandhi, "India: A Nascent Code – IBC, Has Grown steadily and positively in 2019" (March 09, 2020), https://www.mondaq.com/india/insolvencybankruptcy/901748/a-nascent-code—ibc-has-grown-steadily-and-positively-in-2019#:~:text=In%20the%20Resolving%20Insolvency%20Index,amongst%20the%20top%2010%20improvers.

4. Dr.M.S. Sahoo, "Moving up in the 'ease of resolving insolvency'", Insolvency and Bankruptcy Board of India (March 06, 2020), https://www.ibbi.gov.in/uploads/whatsnew/faf3af70524e6c7ccf0b6762ab70216c.pdf

5. Doing Business Report, World Bank, Various issues, 2014-2020

6. Himanshu Kohli, "Resolution Plan- A Jinnie in a Bottle", April 25, 2020, https://ibclaw.in/resolution-plan-a-jinnie-in-a-bottle-by-cs-himanshu-kohli/#:~:text=A%20Resolution%20Plan%20(%E2%80%9CRP%E2%80%9D,on%20its%20feet%20in%20earnest.

7. Nimit Gupta, Nimsha Desai and Evanshi Garg, "Impact of Insolvency and Bankruptcy Code on India's Macro Economy focussing on Indian Commercial Banks", Vol 22 Supremo Amicus, 2020, https://supremoamicus.org/wp-content/uploads/2020/11/Nimit-Gupta-1.pdf

8. Bankruptcy Law Reforms Committee submitted its report on November 4, 2015, under the Chairmanship of Dr. T.K. Vishwanathan available at https://ibbi.gov.in/BLRCReportVol1_04112015.pdf

9. Lok Sabha, "*Report of the Joint Committee on the Insolvency and Bankruptcy Code, 2015*" at https://ibbi.gov.in/uploads/resources/16_Joint_Committee_on_Insolvency_and_Bankruptcy_Code_2015_1.pdf

10. Shivan Goel, "*The Insolvency and Bankruptcy Code, 2016 : Problems and challenges*" 3 Imperial Journal of Interdisciplinary Research, (2017)

11. Deepak Tandon, Neelam Tandon, "*Ballooning Non Performing Assets in Indian Banking and Insolvency and Bankruptcy Code: Resolution Plans and cases*" 6 IJPAE (2019)

12. Srijan Anant, Aayushi Mishra, "A study of Insolvency and Bankruptcy Code and its impact on Macro Environment of India" 7 IJEDR 28 (July 2019) retrieved from https://www.ijedr.org/viewfull.php?&p_id=IJEDR1903007

13. Ministry of Finance, "*Banking Sector in India-Issues, Challenges and the way forward including Non-Performing Assets/Stressed Assets in Banks/Financial Institutions*" (2018) available at http://164.100.47.193/lsscommittee/Finance/16_Finance_68.pdf

14. Prof D. S. Rathore, Dr. Sangeeta Malpani, Sunita Sharma, "*Non Performing Assets of Indian Banking System and its impact on Economy*" 7 IOSR 21(2016) available at http://www.iosrjournals.org/iosr-jef/papers/Vol7-Issue6/Version-3/D0706032126.pdf

15. Dr. Binoy Joy Kattadiyil and Dr. Mrutyunjay Sisugoswami, "*Non Performing Assets (NPAs)- How to convert into performing assets and support the economic growth*" 11 IJM 78-90 (2020) available at http://www.iaeme.com/IJM/issues.asp?JType=IJM&VType=11&IType=9

16. CRISIL, "In three years of IBC, more hits than misses" (May 14, 2019)

Н. Сиражиддинов

Пути интеграции экономики Узбекистана в мировое хозяйство: поиск оптимальных вариантов

После многолетней политики изоляции и протекционизма одним из основных приоритетов экономической политики Узбекистана стала либерализация экономики, ускорение ее интеграции в мировую экономику, максимальное использование преимуществ международного разделения труда и международной торговли для ускорения темпов экономического роста и благосостояния народа. Введение конвертируемости национальной валюты по счету текущих операций, снижение импортных тарифов и нетарифных барьеров на пути импорта, меры по уменьшению налоговых, таможенных и кредитных льгот и созданию конкурентной среды на многих товарных рынках являются важными шагами в этом направлении.

В дальнейшем углублении экономических реформ и либерализации экономики, усилении ее интеграции с мировой экономикой важную роль может сыграть вступление страны во ВТО и приведение внешнеторгового режима в соответствие с ее нормами и правилами, поскольку главная цель ВТО – распространение идей и принципов свободной торговли и стимулирование экономического роста, а основная ее задача – установление общих принципов международной торговли.

С правовой точки зрения ВТО представляет собой многосторонний пакет соглашений, нормами и правилами которого регулируется примерно 97% всей мировой торговли товарами и услугами. Все члены ВТО принимают обязательства по выполнению основных юридических до-

Сиражиддинов Н., докт. экон. наук, проф., УМЭД.

кументов, которые входят в данный пакет соглашений и именуются термином «многосторонние торговые соглашения».

Основной принцип ВТО – торговля без дискриминации, все ее требования направлены на создание условий справедливой международной торговой среды. Например, согласно ст. 3 Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ) 1994 г.[1], товары, производимые на территории какой-либо договаривающейся стороны и ввозимые на территорию другой договаривающейся стороны, не должны облагаться ни прямо, ни косвенно внутренними налогами и сборами, превышающими прямо или косвенно налоги и сборы, применяемые к аналогичным товарам отечественного производства.

В дальнейшем углублении экономических реформ и либерализации экономики, усилении ее интеграции с мировой экономикой важную роль может сыграть вступление страны во Всемирную торговую организацию и приведение внешнеторгового режима в соответствие с ее нормами и правилами.

Соглашение ВТО о технических барьерах в торговле направлено на то, чтобы технические нормы, стандарты, процедуры испытания и сертификации не создавали излишних препятствий в торговле и отвечали критериям национального режима. Согласно ст. 11 ГАТТ 1994 г., исключаются запреты или количественные ограничения на экспорт, кроме случаев, когда такой запрет применяется временно для устранения или облегчения существенного недостатка продовольственных или других товаров, важных для экспортирующей страны.

Соглашение ВТО о субсидиях и компенсационных мерах предусматривает жесткие основы субсидирования по отношению к отечественным производителям. В то же время в рамках ВТО для борьбы с недобросовестной конкуренцией и достижения целей защиты внутреннего рынка и местных производителей предусмотрены антидемпинговые, компенсационные и защитные меры, которые можно использовать в случае нанесения отечественным производителям ущерба со стороны импортных поставок.

В 1994 г. Республика Узбекистан подала первый запрос о вступлении в ВТО. На основе этого запроса ВТО в 1998 г. была организована рабочая группа по присоединению, позже эта рабочая группа собиралась только трижды, а в середине 2000-х годов процесс вступления Узбекистана в ВТО был приостановлен.

[1] ГАТТ 1994 г. - основополагающий документ, который содержит общие принципы и нормы, регулирующие международную торговлю товарами. Более детально эти правила изложены в секторальных соглашениях, прилагаемых к Соглашению об учреждении ВТО.

В июле 2019 г. Узбекистан передал ВТО меморандум о режиме внешней торговли республики, что означало возобновление официального процесса переговоров о вступлении Узбекистана в ВТО. 7 июля 2020 г. состоялось 4-е заседание рабочей группы по вступлению Узбекистана во ВТО, на котором были достигнуты договоренности о переходе к следующей стадии переговоров по вступлению в ВТО, а именно — подготовке Фактологического резюме, которое стало основой Доклада рабочей группы по присоединению Узбекистана к организации.

Президент Республики Узбекистан Ш.М. Мирзиёев в своем послании Олий Мажлису отметил, что в 2021 г. необходимо активизировать работу по вступлению во Всемирную Торговую Организацию [1].

Принимая во внимание сформировавшийся в Узбекистане протекционистский импортный режим, вступление в ВТО и либерализация внешнеторгового режима в соответствии с ее нормами и стандартами, несмотря на возникновение структурных издержек в краткосрочной перспективе, в среднесрочной и долгосрочной перспективе позволят достичь нескольких целей в области реформирования торгового режима.

В июле 2019 года Узбекистан передал ВТО меморандум о режиме внешней торговле республики, что означало возобновление официального процесса переговоров о вступлении Узбекистана в ВТО.

Во-первых, пока в Узбекистане многие товарные рынки монополизированы из-за высоких таможенных платежей за импорт, предоставления индивидуальных льгот по налогам, таможенным платежам, кредитам и т. д. Снижение импортных тарифов и нетарифных барьеров на пути импорта в соответствии с нормами и правилами ВТО будет способствовать формированию конкурентной среды в экономике, расширению выбора для потребителей. Одновременно конкуренция на товарных рынках будет повышать у производителей стимулы к внедрению современных научно-технических разработок, повышению качества, снижению себестоимости и постоянному обновлению ассортимента выпускаемой продукции исходя из запросов и предпочтений потребителей.

Во-вторых, отказ от протекционистской политики и упразднение сильных искажений цен в результате либерализации внешнеторгового режима в процессе вступления в ВТО будут стимулировать развитие эффективных отраслей экономики и видов производств, ускорят темпы модернизации, структурной перестройки и роста экономики, повысят эффективность распределения и использования ресурсов.

В-третьих, снижение цен и ужесточение конкуренции на внутреннем рынке товаров, имеющих высокий уровень импортного протекционизма, будут стимулировать активность производителей в поиске рыночных ниш на зарубежных рынках, что приведет к росту экспорта страны.

В-четвертых, членство в ВТО повышает степень открытости экономики, предсказуемость экономической политики и доверие к ней, ограничивает поле для лоббизма и неэффективной протекционистской политики и тем самым улучшает инвестиционный климат в стране. Все это будет стимулировать не только внутренние, но и прямые иностранные инвестиции в экономику, выступающие важнейшим фактором ее модернизации и диверсификации ее структуры.

В-пятых, низкий уровень импортного протекционизма будет сдерживать развитие контрабандного импорта, способствовать формированию здоровой конкуренции на многих товарных рынках, увеличению поступлений в государственный бюджет от импортных тарифов.

В-шестых, поскольку все члены ВТО обязаны предоставлять всем другим членам режим наибольшего благоприятствования в торговле (РНБ)[1], членство в ней значительно расширяет возможности доступа отечественных производителей на рынки стран-членов ВТО.

В-седьмых, ВТО обеспечивает правовые и институциональные рамки для реализации и мониторинга выполнения заключенных соглашений, для урегулирования споров, возникающих в связи с их толкованием и применением. В частности, у страны появится возможность использовать механизмы ВТО по урегулированию торговых споров с другими странами, согласно которым обязательства по торговым тарифам стран регулируются в основном органами ВТО, а не взаимоотношениями между странами, а в случае ухудшения условий торговли в какой-нибудь стране в конкретном секторе ущемленная сторона может требовать компенсаций в других секторах.

В последнее время в центре внимания экспертов и общественности не только в Узбекистане, но и за его пределами находятся вопросы взаимодействия Узбекистана и ЕАЭС.

В-восьмых, членство в ВТО открывает стране возможность участвовать в разработке правил международной торговли и отстаивать интересы страны в этом процессе.

В центре внимания экспертов и общественности не только в Узбекистане, но и за его пределами оказались вопросы взаимодействия Узбе-

[1] Исключения из принципа РНБ составляют наименее развитые страны, имеющие льготный режим в ВТО, а также региональные торговые блоки (зоны свободной торговли и таможенные союзы).

кистана и ЕАЭС. Многие эксперты вхождение Узбекистана в ЕАЭС рассматривают как важный шаг на пути либерализации экономики и углубления интеграции экономики в мировое хозяйство.

В Концепции комплексного социально-экономического развития Республики Узбекистан до 2030 года на первом этапе (2020-2021 гг.) предусматривается расширение внешней торговли за счет подписания соглашений о зоне свободной торговли ЕАЭС и рядом других стран, а на втором этапе (2022-2025 гг.) – последовательное изучение вхождения страны в ЕАЭС и ВТО, либерализация торговой политики и экспорта, пересмотр нетарифных торговых барьеров и приведение их в соответствие с соглашениями и нормами ВТО [2].

7 марта 2020 г. Правительство Узбекистана одобрило предложение о сотрудничестве с ЕАЭС в качестве государства-наблюдателя. Законодательная палата Олий Мажлиса на заседании 28 апреля 2020 г. одобрила предложение Правительства об участии Узбекистана в Евразийском экономическом союзе в качестве государства-наблюдателя. 11 мая 2020 г. Сенат Узбекистана одобрил участие республики в работе ЕАЭС на правах наблюдателя. 11 декабря 2020 г. на заседании Высшего Евразийского Экономического Совета Узбекистану предоставлен статус наблюдателя в Евразийском Экономическом Союзе.

Практически во всех исследованиях, посвященных вступлению Узбекистана в ЕАЭС, основное внимание исследователей уделяется анализу статических, т.е. краткосрочных эффектов вступления.

В многочисленных высказываниях экспертов по этому вопросу можно встретить доводы как «за», так и «против» вступления Узбекистана в эту организацию [2, 3,4 и др.]. Это и естественно, так как членство в этой организации несет в себе и преимущества, и риски для Узбекистана. Однако практически во всех этих высказываниях основное внимание уделяется анализу статических, т.е. краткосрочных эффектов вступления. На самом деле такие эффекты от вступления Узбекистана в ЕАЭС будут положительными для страны, поскольку внешнеторговый режим в ЕАЭС более либеральный, чем в Узбекистане.

Следовательно, вступление в ЕАЭС и адаптация внешнеторгового режима к его нормам и правилам для Узбекистана означает снижение тарифов и нетарифных барьеров в торговле с третьими странами до уровня ЕАЭС. Это позволит формировать конкурентную среду на многих товарных рынках, создать более благоприятный режим в торговле со странами ЕАЭС из-за существенного сокращения «исключений» из режима свободной торговли в рамках зоны свободной

Принимая решение о вхождении Узбекистана в ЕАЭС, важно быть уверенным в том, что этот шаг является наиболее оптимальным для страны не только в статическим, но и в динамическом аспекте, т.е. с точки зрения долгосрочных перспектив экономического развития.

торговли СНГ и снижения нетарифных барьеров в торговле со странами ЕАЭС.

Возможность снижения транспортных расходов экспортно-импортных операций путем присоединения к договорам, существующим в этой сфере между членами ЕАЭС, облегчение правовых условий пребывания узбекистанских рабочих на территории стран-членов ЕАЭС и рост поступлений денежных переводов от них, расширение емкости рынка и возможность достижения эффекта масштаба при производстве многих товаров выступают дополнительными и не менее важными аргументами в пользу вступления страны в ЕАЭС.

Вместе с тем, принимая решение о вхождении Узбекистана в ЕАЭС, важно быть уверенным в том, что этот шаг является наиболее оптимальным для страны не только в статическим, но и в динамическом аспекте, т.е. с точки зрения долгосрочных перспектив экономического развития. В связи с этим возникает необходимость глубокого анализа не только статических, но и динамических последствий всех альтернативных вариантов интеграции экономики страны в мировое хозяйство и проведение сопоставительного анализа в целях выбора самого оптимального. Исходя из существующих и предполагаемых тенденций развития, важно ответить на несколько вопросов.

- Как будут меняться тарифные и нетарифные методы регулирования внешней торговли по отношению к третьим странам и в ЕАЭС, и в Узбекистане в долгосрочной перспективе, без членства страны в этой организации? Хотя действующий внешнеторговый режим ЕАЭС и является более либеральным, чем в Узбекистане, однако он характеризуется довольно высоким уровнем импортного протекционизма по сравнению с внешнеторговым режимом передовых стран, особенно в сфере нетарифных барьеров. В этих условиях вступление Узбекистана в ЕАЭС оправдает себя в том случае, если ЕАЭС будет реформировать свой внешнеторговый режим более высокими темпами, чем Узбекистан, и создавать более открытую и конкурентоспособную экономику в долгосрочной перспективе. При таком положении Узбекистан выиграет от вступления в ЕАЭС в результате ускорения реформ внешнеторгового режима, преодоления лоббизма и формирования более либеральных, справедливых и конкурентных условий хозяйственной деятельности, повышения качества государственных институтов и предоставляемых

ими услуг. Тогда результатом вступления Узбекистана в ЕАЭС будет ускорение темпов экономических реформ и либерализации экономики, повышение качества государственных институтов, более эффективное распределение и использование ресурсов, повышение темпов модернизации экономики, ускорение темпов экономического роста и благосостояния народа с точки зрения долгосрочного развития. Однако если Узбекистан реализует свои шансы построить более открытую экономику, чем ЕАЭС, повысить качество государственных институтов и экономической политики до уровня выше, чем в ЕАЭС, то начиная с определенного этапа развития членство в ЕАЭС может стать препятствием на пути углубления экономических реформ, повышения ее открытости и конкурентоспособности, снижая выгоду от участия в международном разделении труда и в международной торговле.

Вступление Узбекистана в ЕАЭС оправдает себя в том случае, если ЕАЭС будет более высокими темпами, чем Узбекистан, реформировать свой внешнеторговый режим и создавать более открытую и конкурентоспособную экономику в долгосрочной перспективе.

• Каково будет влияние вступления Узбекистана в ЕАЭС на миграцию рабочей силы, состояние рынка труда и качество человеческого капитала в долгосрочной перспективе? Вступление Узбекистана в ЕАЭС будет целесообразным в том случае, если в результате этого в долгосрочной перспективе в Узбекистане будут происходить более значимые качественные изменения в улучшении инвестиционного климата, создании новых эффективных рабочих мест и уменьшении эмиграции рабочей силы, особенно высококвалифицированной («утечки умов»), повышении качества человеческого капитала, чем без вступления в эту организацию.

Политика, направленная на упрощение условий пребывания узбекистанских трудовых мигрантов на территории стран-членов ЕАЭС в целях увеличения поступления денежных переводов от них в страну в краткосрочной и среднесрочной перспективе, может оказать в долгосрочной перспективе отрицательное влияние на темпы экономического развития страны и превратить ее в сырьевой придаток мировой экономики. По этой причине для выбора наиболее оптимального пути интеграции экономики в мировое хозяйство важно прогнозировать, оценить и сопоставить возможности создания эффективных рабочих мест в стране как в составе ЕАЭС, так и без вступления в эту организацию.

• Каково будет влияние вступления Узбекистана в ЕАЭС на приток инвестиций, в том числе прямых иностранных, в экономику Узбе-

кистана, темпы модернизации, структурной перестройки и роста экономики в долгосрочной перспективе? Страна получает выигрыш от вступления в ЕАЭС в том случае, если членство позволит ускорить эти процессы, чтобы повысить темпы экономического роста и благосостояния народа в долгосрочной перспективе, чем без членства в этой организации. Если вступление в эту организацию в долгосрочной перспективе приведет к уменьшению потенциального объема инвестиций и экономического роста в долгосрочной перспективе, то вступление Узбекистана в ЕАЭС не оправдает себя.

Целесообразность вступления Узбекистана в ЕАЭС также зависит от того, как будут меняться тарифные и нетарифные методы регулирования внешней торговли между самими странами ЕАЭС в долгосрочной перспективе. Не секрет, что существуют значительные нетарифные барьеры в торговле между странами ЕАЭС. При прочих равных условиях чем выше будет глубина интеграции, меньше разного рода «исключений» и нетарифных барьеров в торговле товарами и услугами во взаимной торговле, миграции рабочей силы и капитала между странами-членами ЕАЭС, тем выше будет выигрыш Узбекистана от вступления в ЕАЭС в долгосрочной перспективе. По этой причине важно спрогнозировать и оценить торговый режим как между странами-членами, так и между ними и Узбекистаном в долгосрочной перспективе. Вступление в ЕАЭС оправдает себя в том случае, если в ЕАЭС в долгосрочной перспективе сформируется более благоприятный и либеральный торговый режим между его членами, чем между ЕАЭС и Узбекистаном.

Страна получает выигрыш от вступления в ЕАЭС в том случае, если членство будет улучшать инвестиционный климат, стимулировать приток иностранных инвестиций, ускорять темпы экономического роста и благосостояния народа в долгосрочной перспективе, чем без членства в этой организации.

Учитывая непроработанность названных вопросов, получение статуса наблюдателя является наиболее оптимальным вариантом на данном этапе экономического развития Узбекистана. Хотя этот статус не даёт права участвовать в принятии решений в органах Союза, он даёт возможность уполномоченным представителям государства-наблюдателя присутствовать по приглашению на заседаниях Высшего совета и Евразийского межправительственного совета, получать принимаемые органами Союза документы, не являющиеся документами конфиденциального характера. Это будет способствовать установлению и поддержанию регулярных контактов органов исполнительной власти государства-наблюдателя с комиссией по вопросам развития торгово-

экономического взаимодействия, технического, таможенного, санитарного и фитосанитарного регулирования и т.д. Кроме того, государство-наблюдатель имеет право знакомиться с копиями актов органов ЕАЭС по вопросам, предоставляющим интерес для государства-наблюдателя, за исключением документов ограниченного распространения (конфиденциальных и для служебного пользования).

Учитывая не проработанность вышеуказанных проблем, получение статуса наблюдателя является наиболее оптимальным вариантов на данном этапе экономического развития Узбекистана.

Все это позволяет спрогнозировать не только статические, но и динамические эффекты вступления Узбекистана в ЕАЭС и верно определить тот самый оптимальный путь интеграции Узбекистана в мировую экономику, который обеспечит максимальные темпы роста экономики и благосостояния народа в долгосрочной перспективе.

Говоря о перспективах вступления Узбекистана в ВТО и ЕАЭС, важно отметить, что эти два варианта интеграции экономики Узбекистана в мировое хозяйство не являются альтернативными. Другими словами, вступление в ВТО не исключает вступления и в ЕАЭС. Более того, многие нормы и правила торгового режима у ВТО и ЕАЭС схожи, поскольку требования ЕАЭС в этой области разработаны с учетом требований ВТО. По этой причине членство в одной из них значительно облегчает стране вступление в другую. Из стран членов ЕАЭС лишь Белоруссия не является членом ВТО, тогда как Армения, Казахстан Кыргызстан и Россия являются членами ВТО.

Однако, несмотря на возможность вступления в обе организации, с точки зрения интересов Узбекистана важной является, на наш взгляд, очередность вступления страны в эти организации. Учитывая, что статус наблюдателя не обязывает страну унифицировать свой торговый режим с режимом ЕАЭС, Узбекистану, находящемуся в этом статусе, чрезвычайно важно сначала вступить в ВТО и реформировать свой торговый режим в соответствии с ее стандартами.

С одной стороны, этим шагом Узбекистан не только снизит тарифные и нетарифные барьеры в торговле, повысит качество государственных институтов и экономической политики, но и расширит свои экспортные возможности за счет получения РНБ в торговле со странами-членами ВТО, которых насчитывается 164 участника.

[1] Связывание (консолидация) ставок таможенных пошлин - это юридическое обязательство страны, взятое в ходе торговых переговоров, не повышать ставки пошлин на конкретные товары, указанные в ее перечне тарифных обязательств, выше обозначенных в перечне уровней.

С другой стороны, членство в ВТО и установление связанных ставок таможенных пошлин[1] могут служить основанием для установления более низких ставок импортных таможенных пошлин на важные с точки зрения благосостояния населения и конкурентоспособности экономики товарные позиции по сравнению со ставками пошлин единого таможенного тарифа ЕАЭС и после возможного членства Узбекистана в этой организации. Именно так поступил Казахстан, который в момент вступления в ЕАЭС еще не был членом ВТО, но уже согласовал с ее членами ставки связанных импортных тарифов. Согласно Решению Совета ЕЭК от 14.10.2015 № 59 [6], перечень изъятий Казахстана в рамках членства в ВТО в соответствии с товарной номенклатурой ЕАЭС состоит из 3317 наименований. На эти товары в Казахстане ставки импортных таможенных пошлин ниже, чем в ЕАЭС. Конечно, при этом участник ЕАЭС должен будет обеспечивать прослеживаемость товаров, включенных в перечень изъятий и ввезенных по заниженным ставкам, не допускать их вывоза на территорию стран-членов ЕАЭС и использовать эти товары только на территории данной страны. В том случае, когда товар планируется к последующему вывозу с территории данной страны в государства-члены Союза, необходимо будет произвести его таможенную очистку по ставкам единого таможенного тарифа ЕАЭС.

Учитывая, что статус наблюдателя не обязывает страну унифицировать свой торговый режим с режимом ЕАЭС, находясь в этом статусе Узбекистану чрезвычайно важно сначала вступить в ВТО и реформировать свой торговый режим в соответствии с ее стандартами.

Важным фактором либерализации внешнеторгового режима Узбекистана и усиления интеграции ее экономики в мировое хозяйство рассматривается заключение соглашений о зонах свободной торговле с основными торговыми партнерами, предусматривающих беспошлинную торговлю с ними и гармонизацию нетарифных барьеров. В Концепции комплексного социально-экономического развития Республики Узбекистан до 2030 г. [7] предусмотрено расширение внешней торговли страны за счет подписания соглашений о свободной торговле с ЕАЭС и рядом других стран. Узбекистан уже ведет переговоры о создании зоны свободной торговли с Турцией [8], Южней Кореей [9, 10] и Сингапуром [11].

Безусловно, заключение соглашений о зонах свободной торговли с основными торговыми партнерами является важным шагом в сторону либерализации внешнеторгового режима и эффективным инструментом ускорения интеграции экономики в мировое хозяйство. По этой

причине ВТО делает исключение от режима наибольшего благоприятствования для региональных таможенных союзов и зон свободной торговли.

Вхождение страны в ВТО и заключение соглашения о создании зоны свободной торговли с ЕАЭС, Турцией, Южной Кореей и другими торговыми партнерами является альтернативным видом политики по отношению к вхождению в ВТО и ЕАЭС.

Пока не совсем понятно, как заключение соглашений о зоне свободной торговли с третьими странами сочетается с намерением страны вступить в ЕАЭС. Ведь, став членом ЕАЭС, страна не сможет поддерживать режим свободной торговли с третьими странами, если только эти третьи страны одновременно не имеют соглашений о зоне свободной торговли с ЕАЭС. Введение специального механизма перечня изъятий для импорта из стран, с которыми страна имеет соглашение о зоне свободной торговле, в рамках ЕАЭС вряд ли реализуемо на практике.

Литература

1. Послание Президента Узбекистана Шавката Мирзиёева Олий Мажлису. https://president.uz/ru/lists/view/4057

2. *Равшан Назаров*. Аргументы против вступления Узбекистана в ЕАЭС не выдерживают критики. http://mirperemen.net/2020/01/argumenty-protiv-vstupleniya-uzbekistana-v-eaes-ne-vyderzhivayut-kritiki-ekspert/

3. Узбекистан на пороге ЕАЭС: что ждет республику и подтянется ли Таджикистан? Интернет-портал СНГ. https://e-cis.info/news/566/89810/

4. *Сэм Бутия*. Будет ли Узбекистан в выигрыше от членства в ЕАЭС? https://russian.eurasianet.org/

5. Концепция комплексного социально-экономического развития Республики Узбекистан до 2030 года. Портал обсуждения нормативно-правовых актов. https://regulation.gov.uz/ru/document/8839?fbclid=IwAR1kMErSCXKJm7NoslF_GmOhaxSBRz6WBnhye3raQ__HuASy...

6. Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 14 октября 2015 г. N 59 «О перечне товаров, в отношении которых Республикой Казахстан в соответствии с обязательствами, принятыми в качестве условия присоединения к Всемирной Торговой Организации, применяются ставки ввозных таможенных пошлин, более низкие по сравнению со ставками пошлин Единого таможенного тарифа Евразийского Экономического Союза, и размеров таких ставок пошлин» / https://www.alta.ru/tamdoc/15sr0059/#pril

7. Концепция комплексного социально-экономического развития Республики Узбекистан до 2030 г. Министерство экономического развития и сокращения бедности

Республики Узбекистан. Постановление Президента Республики Узбекистан. Портал обсуждения нормативно-правовых актов. https://regulation.gov.uz/ru/document/8839?fbclid=IwAR1kMErSCXKJm7NoslF_GmOhaxSBRz6WBnhye3raQ__HuASy...

8. Узбекистан и Турция планируют создать зону свободной торговли// https://kun.uz/ru/news/2020/02/21/uzbekistan-i-tu rsiya-planiruyut-sozdat-zonu-svobodnoy-torgovli

9. Узбекистан и Южная Корея обсуждают подписание соглашения о свободной торговле // https://kun.uz/ru/73885295;

10. Узбекистан и Корея договорились ускорить подписание соглашения о свободной торговле//https://kun.uz/ru/news/2020/05/08/uzbekistan-i-koreya-dogovorilis-uskorit-podpisaniye-soglasheniya-o-svobodnoy-torgovle

11. Узбекистан и Сингапур планируют заключить соглашение о свободной торговле// https://kun.uz/ru/26274244

И.А. Хамедов

Проблемы обучения применению принципов правового государства в деле содействия справедливому правосудию и противодействию коррупции (на примере современного административного права)

Главным приоритетом государственной политики остается обеспечение принципов правового государства, в частности, верховенство закона и правосудия, способного обеспечить справедливость в обществе.

Важнейшей юридической частью государственно-правовой и антикоррупционной политики наряду с правотворчеством является правоприменительная деятельность как деятельность по воплощению норм и механизмов антикоррупционного законодательства.

Касаясь принципов правового государства и вытекающих из них требований к правоприменительной практике, подчеркнем, что правовое государство можно рассматривать как комплекс политико- и организационно-правовых принципов, задающих правовую «систему координат», в которой должно осуществляться взаимодействие государства и гражданина в современном обществе.

Правовое государство от самых его истоков в античной философии основывается на идее о том, что *осуществление государственной власти должно быть связано или обуздано правом*. Доктринальные представления о праве видоизменялись и существенно разнятся между англосаксонской и континентальной правовыми семьями, все современные

Хамедов И.А., профессор, докт. юр. наук, руководитель Центра международно-правовых исследований и сравнительного публичного права, УМЭД.

Главным приоритетом государственной политики остается обеспечение принципов правового государства, в частности, верховенство закона и правосудия, способного обеспечить справедливость в обществе.

представления о правовом государстве сходятся на том, что государственная власть должна быть *связана законом*.

В переходный период в центральноазиатских республиках никаких кардинальных улучшений не произошло. И в Узбекистане, *несмотря на более чем четверть века самостоятельного развития, преодолеть советский юридический позитивизм все еще не удается*. Большинство специалистов и даже судьи скептически относятся к возможности применения принципов права в правоприменительной деятельности. Между тем признание принципов права и их применение в нормотворческой и правоприменительной деятельности могло бы существенно повысить правовую культуру в сфере государственного управления, приблизив ее к стандартам правового государства даже без кардинального улучшения действующего законодательства.

Таким образом, судебно-правовая и административная реформы, призванные имплементировать принципы правового государства в сферу государственного управления, не привели еще к ожидаемым результатам, поскольку не были преодолены общие пороки правовой системы. Например, в республике приняты Закон «Об административных процедурах» [1] и Кодекс «Об административном судопроизводстве» [2], выступающие единым процессуально-правовым стандартом для правоприменительной деятельности административных органов, *незаменимый и в судебном контроле правомерности административных решений и действий*. Он содержит принципы административных процедур, которые, как и все правовые принципы, являются доктринальными ориентирами справедливости в публично-правовом контексте.

Будучи закрепленными новым законом (ЗАП) как нормы прямого действия, принципы административных процедур служат универсальными критериями оценки правомерности административных решений и действий административным судом, что подразумевает *кардинальный сдвиг в доктрине правомерности от постсоветского юридического формализма к содержательной справедливости*. Поэтому можно было утверждать, что ЗАП создает предпосылки для развития принципов правосудия, служит утверждению справедливости в сфере государственного управления.

Однако почему же ЗАП, имеющий столь важное значение для развития страны, все еще не доведен до исполнения, несмотря на то, что с момента его вступления в силу прошло полтора года, а с момента при-

нятия – уже два с половиной. На этот вопрос можно было бы ответить формально: план мер по имплементации ЗАП не был своевременно утвержден, поэтому подготовка к введению его в действие не была проведена на должном уровне. До сих пор действующее законодательство об административных процедурах не приведено в соответствие с ЗАП, не систематизировано, не приняты административные регламенты для административных ведомств и органов исполнительной власти на местах, переподготовка кадров не завершена и практически не затронула юридические службы административных органов и т.д.

Конечно, надо отдавать себе отчет в сложности преобразований, которые инициированы принятием ЗАП. Речь не идет о «косметическом ремонте» административной системы и даже не о внедрении в нее отдельных современных институтов государственного управления (в том числе электронное правительство, государственные услуги, «одно окно»). Речь идет о кардинальной перестройке всей административно-правовой деятельности, всего механизма административного правоприменения в стране. Инерция прежних отживших административных механизмов и практик будет препятствовать реформе и серьезно осложнять ее. Это со всей наглядностью продемонстрировал опыт первых лет действия ЗАП.

Судебно-правовая и административная реформы, призванные имплементировать принципы правового государства в сфере государственного управления, не привели еще к ожидаемым результатам, поскольку не были преодолены общие пороки правовой системы.

Исследование, проведенное в рамках контрольно-аналитической деятельности Сената в конце 2019 г., выявило, что ЗАП практически не применялся административными органами и крайне редко применялся административными судами: всего 24 решения из более чем 4000 рассмотренных административными судами споров ссылались на ЗАП. Соразмерность административных актов, ключевой принцип административной процедуры, не была проверена ни разу! Полагаем, что до сих пор это не проверяется ни административными органами, ни судами. В СМИ широко освещались некоторые дела, которые прошли все три инстанции административного суда, и ни в одной инстанции ЗАП не был применен, несмотря на настойчивые требования заявителей.

Подобную ситуацию нельзя объяснить лишь недостатками действующей редакции. Нам приходилось слышать упреки в адрес ЗАП: **мол, закон не работает**. Но давайте уточним: закон ведь не техническое устройство, которое работает само по себе при нажатии кнопки. Закон «работает» только путем его применения правоприменительными органами в конкретных административных или судебных делах. Поэтому,

соглашаясь с оценкой об отсутствии у ЗАП практического регуляторного результата на данный момент, следует принципиально изменить формулировку: **«закон не применяют!»**. И нередко сознательно не применяют. При этом некоторые должностные лица и даже судьи оправдывают свое пренебрежение к действующему закону тем, что их не обучили его применять. Но давайте зададимся вопросом: при всей важности переподготовки кадров и неудовлетворительном ее состоянии в случае ЗАП, разве может это служить основанием для отказа применить действующий закон в том или ином административном или судебном производстве?

Принцип верховенства закона и статус правоприменителя заставляют дать твердый отрицательный ответ на поставленный вопрос. Ни государственный служащий, ни тем более судья не вправе уклоняться от применения закона, который принят Парламентом, подписан Президентом и вступил в силу! Долг правоприменителя обязывает административные органы и суды применять ЗАП уже сейчас, без специальных мер по повышению квалификации и переподготовке. Ошибки при этом, разумеется, будут, их придется исправлять, но это рабочие моменты, а игнорирование закона просто недопустимо в правовом государстве!

Будучи закрепленными новым законом (ЗАП) как нормы прямого действия, принципы административных процедур служат универсальными критериями оценки правомерности административных решений и действий административным судом, что подразумевает кардинальный сдвиг в доктрине правомерности от постсоветского юридического формализма к содержательной справедливости.

Когда в законе есть недостатки, его применяют, хотя возможно и с ошибками. Но если закон вообще не применяют, тут проблема более глубокая: она коренится в «исходном коде», в самих базовых настройках отечественной правовой системы. И здесь мы можем задаться ключевым вопросом: что не так с нашими фундаментальными представлениями о праве, о законе и о правоприменении, если даже судьи административных судов и даже судьи Верховного суда позволяют себе произвольно не применять действующий закон к отношениям, попадающим в сферу его применения, ссылаясь на то, что они не понимают этот закон, или отдавая предпочтение более привычным для них актам законодательства? Если суд так относится к закону, то что можно сказать об административных органах, в частности об органах исполнительной власти (хокимиятах)? Конечно, они тоже часто игнорируют ЗАП, допуская фактически выборочное, фрагментарное применение законодательства.

Наши исследования выявили, что это явление – фрагментарное правоприменение – феномен, присущий постсоветским правовым системам. Обусловлен он так называемым юридическим формализмом и механистичным правоприменением, которые в зарубежной литературе также изучаются как феномены, свойственные советской и постсоветской правоприменительной практике. Кстати, феномен неработающих законов или законов, лишенных прямого действия, также происходит из этих институциональных особенностей постсоветской правовой системы и типичен именно для стран нашего региона. И эту особенность необходимо учитывать в реформе, поскольку иначе результата не будет. Реформу административных процедур провели все страны Центральной Азии, но ни в одной из них пока не наблюдается успех, сопоставимый с результатами аналогичной реформы в странах Балтии или даже в более близком нам Азербайджане. Напомним: в Таджикистане Кодекс об административных процедурах был принят в 2007 г., но так и не «заработал». В Кыргызской Республике ЗАП приняли дважды: в 2004 и 2015 гг. Но пока даже не все судьи осведомлены о нем, а во многих сферах продолжают действовать акты законодательства, не соответствующие ЗАП. Почему так? Потому что инерция институтов и практик, сложившихся в предыдущую эпоху и переходный период, буквально блокирует действие прогрессивных принципов и институтов ЗАП.

Для того, чтобы по-настоящему определить причину, по которой ЗАП не может быть исполнен без принятия масштабных мер по его имплементации, необходимо рассмотреть *институциональные условия* реформы административных процедур: особенности отечественной правовой системы и правоприменительной практики. Отчасти эти особенности унаследованы от советской правовой системы, отчасти – обусловлены регуляторной практикой переходного периода.

Механистичность правоприменения подкреплялась доктринальным отрицанием роли и значения правового толкования. Фактически государственные органы и даже суды применяли только один метод толкования: грамматический, или буквальный. Исторический, систематический и телеологический методы толкования изучались в теории права, но на практике не находили применения. Всеобщей практикой стало буквальное правоприменение, не требующее особого толкования. Такая механистичная юриспруденция была архаичной и ущербной даже для советского права, что доказывает наличие такого феномена, как постановления Пленума Верховного Суда, которые восполняли в какой-то мере недостаток толкования в советской правовой системе.

Пороки юридического формализма и механистичного правоприменения усугублялись **отрицанием принципов права** в советской право-

вой доктрине. Хотя в советских законах эти принципы декларировались, но носили лишь идеологический и правообразующий характер, а прямого действия не имели.

Отрицание принципов права лишало советского правоприменителя возможности отойти от юридического формализма даже в тех, случаях, когда несправедливость решения была очевидной. *Суд, не имея возможности применить принцип права, фактически следовал той же логике механистичного правоприменения, что и административный орган.* Поэтому судебный контроль оказывался неэффективным. Суд, следуя лишь формальной законности, просто не мог обеспечить надежную правовую защиту гражданину.

Смысл принципа правовой определенности и требований к правовой системе состоит в том, чтобы правовой порядок общественной жизнедеятельности был достаточно ясен, доступен для граждан, стабилен, предсказуем и безопасен.

В переходный период правовое регулирование также осуществлялось преимущественно на подзаконном уровне. Качество законов по объективным причинам не могло быть высоким: в 90-е годы в Узбекистане не было даже постоянно действующего парламента, не говоря уже о необходимом для законотворчества экспертно-аналитическом потенциале. Поэтому в первое десятилетие независимого развития сложилась практика принятия кратких законов декларативного характера, изобилующих отсылочными нормами с последующим детальным регулированием основных вопросов подзаконными нормативно-правовыми актами.

Высокая интенсивность нормотворческой деятельности в переходный период привела к резкому росту удельного веса подзаконных нормативно-правовых актов в системе законодательства, что в условиях унаследованного от советского права юридического формализма неизбежно вело к подрыву верховенства закона. *Фактически закон так и не обрел ведущую роль в регуляторной и правоприменительной практике.* Такая ситуация в правовом регулировании сохраняется до сих пор, несмотря на все усилия по улучшению качества законов и повышению роли законодательной ветви власти в государственной политике. На эту проблему не раз обращали внимание и первый Президент Узбекистана, и действующий глава государства.

Весьма маловероятным представляется применение принципов права, принципов административных процедур административными органами и административными судами, несмотря на то, что это уже не просто принципы права, а *правовые принципы*, закрепленные законом, причем имеющие прямое действие, о чем свидетельствует статья 19 ЗАП [3]. Сложившаяся в течение нескольких десятилетий механистич-

ная правоприменительная практика по инерции будет и дальше игнорировать принципы административных процедур, несмотря на их законодательное закрепление, поскольку она может игнорировать даже сам закон. Потребуются кардинальные меры, чтобы переломить институциональную инерцию сложившейся правоприменительной практики.

Таким образом, становится очевидным, что системные пороки сложившейся в Узбекистане регуляторной и правоприменительной практики крайне затрудняют и даже ставят под сомнение саму возможность успешной имплементации реформы административных процедур. Если не принять срочных мер по преодолению этих пороков, реформирование административного права окажется бесплодным. Такой неутешительный прогноз подтверждается опытом аналогичных реформ в Таджикистане и Кыргызской Республике.

Правозащитное назначение и содержание современного административного права сформировано в эпоху становления правового государства в странах континентальной Европы (конец XIX в.). Оно несет в себе идейное и концептуальное содержание правового государства как государства, способного уважать достоинство человека, защищать его права и находить оптимальный баланс публичных и частных интересов в правоприменительной деятельности.

Именно эти идеи и концепции стали необычайно актуальными и легли в основу реформ в Узбекистане **согласно установкам: «государство должно служить народу!» и «приоритет имеют интересы человека»**. Реализация этих принципов подразумевает необходимость развития институтов правового государства.

Другое приоритетное направление реформ также требует улучшения деловой среды и создания благоприятного инвестиционного климата, потому что рыночная экономика, инвестиционная и деловая активность, создание новых рабочих мест невозможны без правовой определенности и безопасности, а это один из основополагающих принципов правового государства.

Правовое государство служит интересам народа и уважительно относится к интересам каждого гражданина. Вот почему принцип соразмерности является для него основополагающим. Принцип соразмерности требует от государства поиска разумного баланса публичных и частных интересов при вмешательстве в правовой статус частного лица.

Смысл принципа правовой определенности и требований к правовой системе состоит в том, чтобы правовой порядок общественной жизнедеятельности был достаточно ясен, доступен для граждан, стабилен, предсказуем и безопасен.

Весьма сложные вопросы предстоит решать в связи с имплементацией

Принцип законности в деятельности административных органов должен означать следующее: административные органы обязаны осуществлять административное производство на основании и в соответствии с ЗАП и иными законами Республики Узбекистан; административным органам запрещается применять подзаконные нормативно-правовые акты в части, не соответствующей ЗАП; административные органы не вправе отклоняться от требований закона.

принципа соразмерности, абсолютно нового для отечественной правовой системы. Правовое государство действует соразмерно, т.е. с чувством меры, а этому административным органам предстоит долго учиться. И административные суды должны заставить их перестроиться путем тотальной проверки всех оспариваемых административных актов на соразмерность.

Сущность правового государства в наибольшей мере выражает соразмерность. Ее смысл состоит в том, что государственная власть должна применяться к правовому статусу частного лица строго *дозированно*, т.е. с чувством меры. Умеренность в административном вмешательстве свидетельствует о бережном отношении правового государства к индивидуальной свободе, к автономии частной воли, потому что именно эти ценности лежат в его доктринальной основе. Напомним, что правовое государство – это союз свободных и равных граждан под властью справедливых законов. Такова философская основа этого типа государства. Правовое государство служит интересам народа и уважительно относится к интересам каждого гражданина. Вот почему принцип соразмерности является для него основополагающим. Принцип соразмерности требует от государства поиска разумного баланса публичных и частных интересов при вмешательстве в правовой статус частного лица.

Принцип законности в свете доктрины правового государства имеет гораздо более сложное содержание. Рассмотрим для примера принцип законности в ФРГ. Он включает в себя следующие элементы:

- *верховенство закона;* вполне привычный принцип для нас, но его применение обеспечивается очень четко: если в каком-либо подзаконном нормативно-правовом акте встречается противоречие закону, такая норма ничтожна и не подлежит применению. Применительно к ЗАП, исходя из принципа верховенства закона, можно утверждать, что с момента его вступления в силу около 500 подзаконных актов должны были автоматически утратить силу и без всякой систематизации, чтобы этот принцип полноценно действовал;
- *основанность на законе, или оговорка закона.* Для любого применения власти административным органом должно быть основание в законе. Подзаконные нормативно-правовые акты могут служить право-

вым основанием лишь в редких случаях, когда законодатель прямо делегирует регуляторные полномочия Правительству. Оговорка закона – это опора верховенства закона, потому что в вопросах правомерности административных решений и действий внимание сосредоточено на законе, а не на других актах законодательства;

• *запрет отклонения от закона.* Этот принцип запрещает правоприменителям как административным органам, так и суду произвольно игнорировать или пренебрегать требованиями норм закона. Применяя этот принцип к ЗАП, можно утверждать, что все случаи, когда ЗАП не был применен административными органами или судами к отношениям, входящим в его предмет, представляют не что иное, как отклонение от закона, а, значит, нарушают принцип законности. Проще говоря, все это противозаконные решения и практики.

Рассмотренное содержание принципа законности в ФРГ выработано доктриной и не нуждается в законодательном закреплении. Но для нас крайне важно закрепить все содержательные элементы подлинной законности в законе.

Учитывая изложенное, можно сделать вывод, что необходимо обучать принципу законности таким образом, чтобы он отражал все его содержание, свойственное правовому государству. Следовательно, принцип законности в деятельности административных органов должен означать следующее: *административные органы обязаны осуществлять административное производство на основании и в соответствии с ЗАП и иными законами Республики Узбекистан; административным органам запрещается применять подзаконные нормативно-правовые акты в части, не соответствующей ЗАП; административные органы не вправе отклоняться от требований закона.* Из этого следует, что принцип законности в правовом государстве предъявляет весьма жесткие требования к административным органам и суду, надежно связывая правоприменительную практику законом.

В период активных реформ, коренных преобразований, затрагивающих все аспекты жизни общества, кардинальные изменения в правовой системе необходимы и неизбежны. Медлить с обновлением правовых механизмов - означает тормозить реформы и обрекать их на неэффективность.

Таким образом, есть стратегические приоритеты развития Узбекистана – интересы человека, хорошая деловая среда и справедливость в обществе – и есть препятствующие их реализации пережитки советского прошлого – юридический формализм, механистичное фрагментарное правоприменение, пренебрежение к закону, инерция сложившейся административной практики и слабость судебного контроля над государственным управлением. Полагаем, что

необходимо сделать все, чтобы преодолеть инерцию отживших институтов и выстроить новую правовую систему, которая позволит достичь определенных Стратегией действий 2017-2021 целей развития страны [4].

Безусловно, **«незнание закона не освобождает от обязанности его исполнять» – общепризнанный принцип [5]**, известный еще из римского права, который подразумевает всеобщую обязанность знать закон и соблюдать его. Эта презумпция знания закона является неотъемлемой чертой правового порядка любого современного общества, она известна каждому юристу, хотя, как правило, законодательно не закрепляется, оставаясь неписаным принципом права. Мы привычно относим данную презумпцию к гражданам, например, в контексте уголовного правосудия, но порой забываем о том, что обязанность знать закон и исполнять его лежит на государственных органах, которые призваны претворять волю законодателя в реальную жизнь посредством применения закона к конкретным жизненным обстоятельствам.

Проблема незнания закона и неумения его применять становится тем острее, чем более инновационным и прогрессивным является новый закон, чем больше он отходит от сложившейся практики, от устоявшихся привычных институтов правовой системы. Однако в период активных реформ, коренных преобразований, затрагивающих все аспекты жизни общества, кардинальные изменения в правовой системе необходимы и неизбежны. Медлить с обновлением правовых механизмов – означает тормозить реформы и обрекать их на неэффективность. Все эти доводы в полной мере относятся не только к Закону Республики Узбекистан «Об административных процедурах».

Литература

1. Закон Республики Узбекистан «Об административных процедурах» №ЗРУ-457 от 08.01.2018 г.

2. Кодекс Республики Узбекистан «Об административном судопроизводстве» (Национальная база данных законодательства, 26.01.2018 г., № 02/18/АПК/0627).

3. Закон Республики Узбекистан «Об административных процедурах» №ЗРУ-457 от 08.01.2018 г.

4. Указ Президента Республики Узбекистан «О Стратегии действий по дальнейшему развитию Республики Узбекистан» №УП-4947 07.02.2017.

5. «Nemo ignorantia juris recusare potest» («Никто не может отговариваться незнанием закона») или более известный вариант «Ignorantia juris semper nocet» («Незнание закона не освобождает от ответственности»).

Ҳ. Юнусов

Атроф-муҳитга трансчегаравий таъсир орқали етказилган зарар учун халқаро-ҳуқуқий жавобгарлик

Инсон ва табиат, жумладан, биосферадаги барча мавжудотлар ўзаро алоқадорликда яшайди. Дунёнинг моддий асосини ташкил этувчи ноорганик моддалар ҳам атроф-муҳит таъсири остида доимо ўзгаришда бўлади. Кўзга кўринмас энг кичик микроорганизмлардан тортиб ердан минглаб чақирим узоқликдаги метеоритлар сайёрамиз биомайдонига ўз таъсирини ўтказади. Буларнинг барчаси табиат қонунлари асосида бошқарилади ва ўзига хос мувозанат касб этади.

Инсоният табиатга таъсир этувчи энг қудратли мавжудотдир. Унинг атроф-муҳитга таъсири аллақачон Ер қобиғидан ташқарига чиқиб кетган. Инсон ақл-идроки ва фаолияти натижасида яратилган йирик қудратли иншоотлар, учувчи ва сузувчи жисмлар, сайёр фазовий станциялар ва термо-ядровий плазмалар атроф-муҳитга мисли кўрилмаган таъсирни келтириб чиқармоқда.

Бугунги кунда атроф-муҳитга таъсирнинг аксарияти трансчегаравий хусусиятга эга. Яъни, қанчалик йирикроқ ва қудратлироқ иншоот барпо этилса, унинг атроф-муҳитга таъсири шунчалик кенгроқ кўламга ёйилмоқда. Масалан, бир давлатда қурилган кимёвий хомашёни қайта ишлаш заводидан чиқаётган заҳарли газ ёки чиқиндилардан қўшни давлатлар зарар кўрмоқда.

Юнусов Ҳ., Жаҳон иқтисодиёти ва дипломатия университети доценти, юридик фанлар номзоди.

Ушбу мақола Европа Иттифоқининг Эразмус+ дастури томонидан қўллаб-қувватланган "Тошкент Жан Моне номидаги Европа тадқиқотлари бўйича илғор тажриба маркази (620528-EPP-1-2020-1-UZ-EPPJMO-CoE)" лойиҳаси доирасида тайёрланди / This article is prepared within the project «Tashkent Jean Monnet Centre of Excellence for European studies» (620528-EPP-1-2020-1-UZ-EPPJMO-CoE)» supported by the EU ERASMUS + Programme.

Йирик иншоотлар қуриш, баъзан, айрим давлатлар учун кўпроқ сиёсий аҳамиятга эга бўлиб қолмоқда. Иқтисодий жиҳатдан ўзини оқламаган ҳолларда ҳам, улар ўз қудратларини намойиш этиш мақсадида, энг баланд тўғонлар, энг узун кўприклар, энг баҳайбат заводлар, энг тезкор машиналар яратишга ҳаракат қилади. Кейин эса, йирик иншоотларнинг атроф-муҳитга таъсири олдида ўзлари ожиз бўлиб қолмоқда, уларнинг трансчегаравий таъсиридан қўшни мамлакатларда яшовчи халқлар ва оддий кишилар жабрланмоқда.

Трансчегаравий таъсир деганда, 1991 йил 25 февралда қабул қилинган ва 1997 йил 10 сентябрда кучга кирган "Атроф-муҳитга трансчегаравий кўламда етказиладиган таъсирни баҳолаш тўғрисида"ги Эспо конвенциясининг 1.viii-моддасига мувофиқ, "моддий манбаси бошқа бир Томоннинг юрисдикцияси остидаги ҳудудда қисман ёки бутунлай жойлашган ҳолда режалаштирилаётган фаолиятнинг бошқа бир Томон юрисдикцияси остидаги ҳудудда ёки унинг маълум бир қисмида келтириб чиқарадиган ҳар қандай таъсири" [1] тушунилади. Оддий қилиб айтганда, трансчегаравий таъсир бир давлат ҳудудидан бошқа давлат ҳудудига кўчиб ўтувчи ва муайян оқибат туғдирувчи таъсирдир.

Конвенцияга илова қилинган **I Тўлдириш**да эса зарарли трансчегаравий таъсирни келтириб чиқарувчи фаолият турлари ва объектлари санаб ўтилади. Атроф-муҳитга салбий таъсир кўрсатувчи энг кенг тарқалган объектлар рўйхатига, масалан, қуйидагилар киради: нефть тозалаш заводлари, иссиқлик электр станциялари, ядро ёқилғисини ишлаб чиқариш ёки тўйинтириш ва уларни йўқотиш учун мўлжалланган махсус мосламалар, рангли металлургия корхоналари, цемент заводлари, кимёвий комбинатлар, автомагистраллар, катта диаметрдаги нефть ва газ қувурлари; савдо портлари, йирик тўғонлар, сув омборлари ва ҳоказо.

Трансчегаравий таъсир деганда, 1991 йил 25 февралда қабул қилинган ва 1997 йил 10 сентябрда кучга кирган "Атроф-муҳитга трансчегаравий кўламда етказиладиган таъсирни баҳолаш тўғрисида"ги Эспо конвенциясининг 1.viii-моддасига мувофиқ, "моддий манбаси бошқа бир Томоннинг юрисдикцияси остидаги ҳудудда қисман ёки бутунлай жойлашган ҳолда режалаш-тирилаётган фаолиятнинг бошқа бир Томон юрисдикцияси остидаги ҳудудда ёки унинг маълум бир қисмида келтириб чиқарадиган ҳар қандай таъсири" тушунилади.

Атроф-муҳитга кўрсатилаётган таъсирнинг тури ва кўлами таъсир кўрсатувчи объектнинг табиати ва фаолият шаклига қараб турлича бўлиши мумкин.

Эспо конвенциясига илова қилинган **I Тўлдириш**нинг 6 ва 10-бандларида кимёвий комбинатлар ва токсик ҳамда заҳарловчи чиқиндиларни кимёвий қайта ишлаш мосламалари атроф-муҳитга таъсир

қилувчи объектлар туркумига киритилган. Масалан, Собиқ Иттифоқ даврида Тожикистоннинг Ўзбекистон жанубий чегараларига туташ ҳудудларида қурилиб, ҳозирги кунга қадар фаолият кўрсатаётган "Талко" давлат унитар корхонаси ҳам мана шундай объектлар жумласидандир.

Тўлдиришнинг 11-бандида йирик тўғонлар ва сув омборлари трансчегаравий таъсирга эга объектлар сифатида малакаланган. Мазкур объектлардан кутиладиган хавфнинг турига қараб, уларни "аралаш таъсир қилувчи объектлар" деб аташ мумкин. Бундай иншоотларнинг трансчегаравий дарёларда қурилиши уларнинг трансчегаравий таъсирини янада ошириб юборади.

Атроф-муҳитни муҳофаза қилишнинг халқаро-ҳуқуқий қоидаларидан бири – трансчегаравий сув оқимларидан фойдаланишда атроф-муҳитга келтирилган зарар учун жавобгарлик ва келтирилган зарарни қоплаш тамойилларидир. Мазкур тамойил, айнан, "Трансчегаравий сув оқимлари ва халқаро кўлларни муҳофаза қилиш ва улардан фойдаланиш тўғрисида"ги БМТнинг ЕИК конвенцияси (2.5.(в)-модда) ва "Халқаро сув оқимларидан кема қатновларидан бошқа йўналишларда фойдаланиш ҳуқуқи тўғрисида"ги Нью-Йорк конвенцияси (7-моддаси) да ўз аксини топган.

Трансчегаравий таъсир оқибатида атроф-муҳитга келтирилган зарар трансмиллий характер касб этганда, халқаро-ҳуқуқий жавобгарлик вужудга келади. Ҳаво ва сув оқимлари трансчегаравий зарарни тарқатувчи воситалар ҳисобланади. Шу боис, БМТ Европа иқтисодий комиссиясининг "Трансчегаравий сув оқимлари ва халқаро кўлларни муҳофаза қилиш ва улардан фойдаланиш тўғрисида"ги Хельсинки конвенциясига илова қилинган 2003 йилдаги "Трансчегаравий дарёларга саноат авариялари-нинг трансчегаравий таъсири оқибатида етказиладиган зарарга нисбатан фуқаровий жавобгарлик ва зарарни қоплашга оид" Киев Қўшимча Баённомасида трансчегаравий сув оқимларига етказилган зарарни тиклаш йўлидаги харажатларнинг қопланиши кўзда тутилган.

Атроф-муҳитни муҳофаза қилишнинг халқаро-ҳуқуқий қоидаларидан бири – трансчегаравий сув оқимларидан фойдаланишда атроф-муҳитга келтирилган зарар учун жавобгарлик ва келтирилган зарарни қоплаш тамойилларидир. Мазкур тамойил, айнан, "Трансчегаравий сув оқимлари ва халқаро кўлларни муҳофаза қилиш ва улардан фойдаланиш тўғрисида"ги БМТнинг ЕИК конвенцияси (2.5.(в)-модда) [2] ва "Халқаро сув оқимларидан кема қатновларидан бошқа йўналишларда фойдаланиш ҳуқуқи тўғрисида"ги Нью-Йорк конвенцияси (7-моддаси) да [3] ўз аксини топган.

Атроф-муҳитга етказилган зарар учун экологик жавобгарликнинг айрим жиҳатлари "Атроф-муҳитга трансчегаравий кўламда етказиладиган таъсирни баҳолаш тўғрисида"ги Эспо конвенцияси ва унга қўшимча

қилинган 2003 йилдаги "Стратегик экологик баҳолаш" тўғрисидаги Баённома ҳамда "Атроф-муҳитга оид масалаларда маълумот олиш, қарор қабул қилиш жараёнида жамоатчилик иштироки ва одил судловга мурожаат қилиш ҳуқуқи тўғрисида"ги 1998 йилда қабул қилинган Орхус конвенцияси ва унга қўшимча қилинган 2003 йилдаги "Чиқиндиларни рўйхатга олиш ва ифлослантирувчи ашёларни ташишга оид Баённома"-да баён этилган.

Эспо конвенциясида мазкур шартнома меъёрларини бузганлик учун тегишли давлатга санкция қўллаш, шубҳа остидаги фаолиятни тўхтатиб қўйишгача бўлган чоралар кўриш имкониятлари белгилаб қўйилган. Унга кўра, Конвенция меъёрларини имплементация қилиш бўйича назорат органи – Ижроий қўмита регламентига мувофиқ, ҳуқуқбузар давлатга нисбатан чора кўриш масаласи Конвенциянинг олий органи – Иштирокчи томонлар кенгашига тақдим этилади ва овозга қўйилади.

Атроф-муҳитга етказилган зарар учун халқаро-ҳуқуқий жавобгарлик масаласи бир қатор халқаро конференцияларнинг ҳам бош мавзуси бўлган ҳамда уларнинг якунловчи ҳужжатларида ўз аксини топган. Жумладан, халқаро ҳуқуқ тизимида етказилган экологик зарар учун ҳуқуқий жавобгарликнинг асосий тамойиллари 1972 йилдаги Стокгольм декларацияси ва 1992 йилдаги Рио-де-Жанейро декларациясида санаб ўтилади.

Давлатларни экологик зарар учун халқаро-ҳуқуқий жавобгарликка тортиш соҳасидаги ҳамкорлик 1969 йилда қабул қилинган ва 1992 йилда ўзгартирилган "Нефтдан ифлосланиш учун фуқаролик жавобгарлиги тўғрисида"ги халқаро конвенция мисол бўла олади. Унда соҳилбўйи давлатларининг тегишли товон тўлови олишлари учун юридик тўсиқларни бартараф этиш, ҳуқуқнинг умумий қоидаларига асосланган жавобгарликка тортиш тартибини мувофиқлаштириш ва ифлосланиш манбаи томонидан етказилган зарар учун тўлов тўланишини таъминлаш масалалари кўтарилган [4].

1989 йил 22 мартда қабул қилинган ва 1992 йил 5 майда кучга кирган "Хавфли чиқиндиларни трансчегаравий ташиш ва уларни йўқ қилишни назорат қилиш бўйича Базель конвенцияси" ва унинг 1999 йилдаги "Хавфли чиқиндиларни трансчегаравий ташиш ва уларни йўқ қилиш оқибатида етказилган зарар учун жавобгарлик ва компенсация тўғрисида"ги Баённомаси трансчегаравий зарарни қоплаш қоидаларини ўрнатади [5].

Атроф-муҳитга етказилган зарар учун халқаро-ҳуқуқий жавобгарлик масаласи бир қатор халқаро конференцияларнинг ҳам бош мавзуси бўлган ҳамда уларнинг якунловчи ҳужжатларида ўз аксини топган. Жумладан, халқаро ҳуқуқ тизимида етказилган экологик зарар учун

ҳуқуқий жавобгарликнинг асосий тамойиллари 1972 йилдаги Стокгольм декларацияси ва 1992 йилдаги Рио-де-Жанейро декларациясида санаб ўтилади. Айниқса, 1992 йил 5 июндаги Атроф-муҳит ва тараққиёт бўйича БМТ конференциясининг Рио-де-Жанейро декларацияси давлатлараро ҳамкорликнинг 27 та тамойилини илгари сурар экан, келтирилган экологик зарарнинг салбий оқибатларини компенсациялаш ва жавобгарликка тортишга оид халқаро ҳуқуқ нормаларини такомиллаштириш борасидаги ҳамкорлик (13-принцип) тамойилларини эълон қилади [6].

Халқаро ташкилотларнинг халқаро-ҳуқуқий ҳужжатлари ва норматив актларида давлат ўз хўжалик фаолиятига ўз юрисдикцияси ёки назорати чегарасида етказилган зарар учун жавобгарликни таъминлашга масъуллиги тўғрисидаги қоидаларни топиш мумкин. Ушбу қоидалар БМТ Хавфсизлик Кенгаши ва Бош Ассамблеясининг қатор резолюциялари билан мустаҳкамланган.

Халқаро судлар амалиётида атроф-муҳитга етказилган трансчегаравий таъсир ва унинг оқибатларини бартараф этиш чораларини учратиш мумкин. Бунга Канада комбинати "Трейл Смелтер"нинг зарарли чиқиндилари юзасидан "АҚШ Канадага қарши" суд иши (1938–1941 йй.) бўйича халқаро арбитраж қарори ёрқин мисол бўлиши мумкин. Қарорда "халқаро ҳуқуқ тамойиллари, шунингдек, Қўшма Штатлар ҳуқуқи бўйича ҳеч қайси давлат ўз ҳудудидан унинг ўзи ёки бошқа бировнинг зарар етказувчи тарзда ёки бошқа давлатнинг ҳудудидаги мулкка ва шахсларга зарар етказиш мақсадида фойдаланишига рухсат беришга ҳақли эмас" [7] деган қоида илгари сурилади.

Кейинчалик, мазкур тамойилга асосланган ҳолда Халқаро одил суд Венгрия ва Словакия ўртасидаги Дунай дарёси оқимида ГЭС қурилиши билан боғлиқ низони кўриб чиқар экан, "Габчикова-Надьмарош" суд ишида қуйидагича қарор қабул қилган эди: "...зарар кўрган давлат халқаро ҳуқуқбузарлик содир этган давлатдан келтирилган зарар учун товон талаб қилишга ҳақлидир" [8].

Трансчегаравий таъсирдан келиб чиқадиган зарарни ҳисоблаш ва унга дифференциал ёндашиш тамойили Франция ва Испания ўртасидаги низога оид Лану кўли бўйича арбитраж қарорида ўз аксини топган [9].

Халқаро ташкилотларнинг халқаро-ҳуқуқий ҳужжатлари ва норматив актларида давлат ўз хўжалик фаолиятига ўз юрисдикцияси ёки назорати чегарасида етказилган зарар учун жавобгарликни таъминлашга масъуллиги тўғрисидаги қоидаларни топиш мумкин. Ушбу қоидалар БМТ Хавфсизлик Кенгаши ва Бош Ассамблеясининг қатор резолюциялари билан мустаҳкамланган.

БМТнинг Атроф-муҳит дастури (United Nations Environment Programme UNEP) доирасида экспертлар гуруҳи томонидан тайёрланган ва 1992 йилда қабул қилинган "Биологик хилма-хиллик тўғрисида"ги Конвенциянинг 3-моддасига мувофиқ, "Бирлашган Миллатлар Ташкилоти Низомига ва халқаро ҳуқуқ тамойилларига мувофиқ, давлатлар ўзларининг атроф-муҳит соҳасидаги сиёсатига биноан ўз тасарруфидаги захиралардан фойдаланишнинг суверен ҳуқуқига эга ва уларнинг юрисдикциялари ёки назорати остидаги фаолият миллий юрисдикция доирасидан ташқаридаги бошқа давлат ёки ҳудудларнинг атроф-муҳитига зарар етказмаслиги учун жавобгардирлар" [10].

Минтақавий ташкилотлар орасида Европа Иттифоқининг экологик жавобгарлик тўғрисидаги қонунчилик ҳужжатлари намунавий андоза бўлиб хизмат қилиши мумкин. Жумладан, Европа Парламенти ва Кенгашининг 2004 йил 21 апрелдаги 2004/35/ЕК-сонли "Атроф-муҳитга етказилган зарарнинг олдини олиш ва тиклашга нисбатан экологик жавобгарлик тўғрисида"ги Директиваси [11] экологик зарарга таъриф беради, экологик зарарни ундиришнинг маъмурий ва фуқаролик-ҳуқуқий тартибларини белгилайди, объектив экологик жавобгарлик шартларини изоҳлайди, зарарни ҳисоблаш, унинг моддий қийматини аниқлаш, зарар оқибатларини бартараф этиш усулларини тақдим этади, солидар ва индивидуал жавобгарлик ҳолатларини аниқлаштиради. Директиванинг II Иловасида зарарни бартараф этиш бўйича мақсадга мувофиқ чоралар танлашнинг мезонлари, III Иловасида эса операторларни объектив жавобгарликдан озод этувчи хавфли фаолият турлари санаб ўтилади. Бундай фаолият турлари учун комплекс рухсатнома олиниши лозимлиги қайд этилади.

Халқаро ҳуқуқда жавобгарликка тортиладиган трансмиллий зарарнинг бир неча тури бор. Бугунги кунда трансмиллий зарар комплекс характерга эга бўлиб, шахсий (шахснинг жисмоний соғлиғи ва психологик-руҳий ҳолатига келтирилган зарар, меҳнатга лаёқатсизликни келтириб чиқарувчи зарар), мулкий (кўчар ва кўчмас мулкка зиён, бевосита ёки билвосита иқтисодий зарар) ҳамда экологик зарарни ўз ичига олади.

Иқтисодий ҳамкорлик ва тараққиёт ташкилоти доирасида олиб борилган кенг қамровли тадқиқотлар дунё мамлакатларидаги экологик зарарни қоплаш билан боғлиқ ҳолатларни қиёслаш имкониятини беради [12].

Келтирилган зарарни қоплаш масаласи халқаро-ҳуқуқий жавобгарлик тушунчаси билан боғлиқдир. Чунончи, халқаро-ҳуқуқий жавобгарликнинг моддий ва номоддий (маънавий, сиёсий) турлари эътироф этилади.

Номоддий жавобгарликнинг энг тарқалган турлари сатисфакция, репрессалия, реторсия, ресторация, санкциялар шаклида амалга оширилади.

Одатда, атроф-муҳитга зарар етказиш ҳолатлари кучайган пайтда экологик зарар учун молиявий жавобгарликни кучайтириш талаб этилади ёки зарарни қоплаб бериш қобилиятига эга бўлмаган корхоналар учун атроф-муҳитга зарар келтириши эҳтимоли юқори бўлган фаолият тури билан шуғулланиш маълум доирада чекланади.

Моддий халқаро-ҳуқуқий жавобгарлик етказилган моддий-ашёвий зарарни қоплаш (*компенсациялаш*) мажбуриятида ўз ифодасини топади ва ҳуқуқбузарликка қадар бўлган моддий ҳолатни тиклаш (*реституция*) ҳамда келтирилган зарарни унга тенг қийматдаги пул ёки бошқа кўринишдаги бойлик билан қоплаш (*репарация*) орқали амалга оширилади.

Халқаро ҳуқуқда жавобгарликка тортиладиган трансмиллий зарарнинг бир неча тури бор. Бугунги кунда трансмиллий зарар комплекс характерга эга бўлиб, шахсий (шахснинг жисмоний соғлиғи ва психологик-руҳий ҳолатига келтирилган зарар, меҳнатга лаёқатсизликни келтириб чиқарувчи зарар), мулкий (кўчар ва кўчмас мулкка зиён, бевосита ёки билвосита иқтисодий зарар) ҳамда экологик зарарни ўз ичига олади.

Трансчегаравий таъсир остида атроф-муҳитга етказиладиган экологик зарарни малакалаш ва унинг қийматини аниқлаш анча мураккабдир. Атроф-муҳит ва экологик зарарнинг барча томонидан қабул қилинган таърифи бўлмаганлиги сабабли, бугунги кунда бу каби зарарнинг моҳиятини, компенсация томонларини, экологик зарарни белгилаш учун қандай мезонлар қўйилиши лозимлигини аниқлаш қийин кечмоқда. Масалан, АҚШ қонунчилигида табиий захираларга зиён етказиш, уларни тугатиш ёки бутунлай йўқ қилиш ҳамда мазкур ҳаракатларнинг зарарини асослантирилган ҳолда аниқлаш харажатлари экологик жавобгарликни англатса, Европа Иттифоқи ҳуқуқида қонун билан муҳофаза этиладиган табиий атроф-муҳит ва биологик турлар, сув объектлари ва тупроққа келтирилган зарар, агар инсон соғлиғига хавф солаётган бўлса, экологик зарар сифатида кўрилади. Шарқий Европа ва Осиё давлатларининг миллий қонунчилигида ҳам турлича қарашлар мавжуд.

Таърифдаги фарқлар ва ёндашувлар хилма-хиллиги компенсация қилиниши лозим бўлган трансчегаравий зарарни баҳолашни мураккаблаштиради. Халқаро амалиётда атроф-муҳитга етказилган зарар таъсир йўналтирилган объектлар, табиий захиралар ва омиллар воситасида белгиланади. Улар сирасига флора, фауна, тупроқ, табиий қазилмалар, ландшафт, иқлим ва бошқалар киради. Одатда, фақат табиий захираларга етказилган зарар – тор доирадаги зарар, табиий захиралар билан бирга маданий меросни ташкил қилувчи мулклар, табиий ландшафт ва муайян атроф-муҳитга етказилган зарар – кенг доирадаги зарар, табиий захираларга, маданий меросни ташкил қилувчи табиий за-

хираларга, шунингдек, табиий ландшафтга ҳамда унга узвий бўлган атроф-муҳитга етказилган зарар – ёйиқ доирадаги зарар сифатида қабул қилинади [13].

Қоида тариқасида, мулкий зарар алоҳида кўриб чиқилади, бироқ уни, баъзан, атроф-муҳитга етказилган бошқа турдаги экологик зарардан ажратиб олиш осон кечмайди. Аксарият ҳолатларда, атроф-муҳитга етказилган соф иқтисодий зарарни баҳолашда жиддий муаммолар юзага чиқади, чунки зарарнинг компенсациясини пул муқобилида ифодалашнинг иложи бўлмайди. Шунга қарамасдан, зиён кўрган давлат томонидан асослантирилган даъвога мувофиқ ушбу зарарнинг ўрни қопланиши лозим [14]. Бундай ҳолатларда, суд ва арбитражлар атроф-муҳитга салбий таъсирнинг пул қийматини адолат мезонларини қўллаган ҳолда мустақил белгилаши лозим.

Ҳозирги даврда Марказий Осиёда атроф-муҳитга трансчегаравий таъсир орқали етказилаётган зарар учун халқаро-ҳуқуқий жавобгарлик механизмларини такомиллаштириш зарурати сезилмоқда. Жумладан, Марказий Осиё минтақасида атроф-муҳитга трансчегаравий таъсир оқибатида етказилаётган зарарни аниқлаш ва компенсациялаш соҳасида мукаммал дастурлар ишлаб чиқилиши лозим.

Атроф-муҳитга етказилган зарар учун жавобгарликка тортиш ва унинг оқибатларини бартараф этиш кучли институционал ва норматив-ҳуқуқий механизмлар билан бир қаторда салмоқли молиявий захираларни ҳам талаб этади.

Одатда, атроф-муҳитга зарар етказиш ҳолатлари кучайган пайтда экологик зарар учун молиявий жавобгарликни кучайтириш талаб этилади ёки зарарни қоплаб бериш қобилиятига эга бўлмаган корхоналар учун атроф-муҳитга зарар келтириши эҳтимоли юқори бўлган фаолият тури билан шуғулланиш маълум доирада чекланади. Зарарни қоплашга қаратилган тўлов қобилиятининг йўқлиги жавобгарликни таъминлашнинг самарали механизми мавжуд эмаслигини кўрсатади.

Зарарни қоплаш ва уни бартараф этиш бўйича йирик молиявий жавобгарликлардан халос бўлишнинг кенг тарқалган механизмларидан бири экологик суғурталашдир. Бироқ, у атроф-муҳитга етказилган зарарни қоплаш мажбуриятини таъминловчи ягона восита эмас. Халқаро амалиётда банк кафолати, ўз-ўзини суғурталаш, жамоавий кафолат каби тажрибалар ҳам учрайди. Испания ва Чехияда экологик зарарни қоплашни кафолатловчи исталган молиявий воситадан фойдаланиш имконияти мавжуд.

Марказий Осиё минтақасида атроф-муҳитга трансчегаравий таъсир оқибатида етказилаётган зарарни аниқлаш ва компенсациялаш соҳаси-

да мукаммал дастурлар ишлаб чиқилмаган. Мана шундай вазиятда Марказий Осиёда атроф-муҳитга трансчегаравий таъсир орқали етказилаётган зарар учун халқаро-ҳуқуқий жавобгарлик механизмларини такомиллаштириш зарурати сезилмоқда. Жумладан, Марказий Осиё минтақасида атроф-муҳитга трансчегаравий таъсир оқибатида етказилаётган зарарни аниқлаш ва компенсациялаш соҳасида мукаммал дастурлар ишлаб чиқилиши лозим.

Шу билан бирга атроф-муҳитга трансчегаравий таъсир орқали етказилган зарар учун халқаро-ҳуқуқий жавобгарликни кўзда тутувчи бир қатор нуфузли халқаро шартномалар Марказий Осиёнинг барча давлатлари томонидан ратификация қилинган эмас. "Трансчегаравий сув оқимлари ва халқаро кўлларни муҳофаза қилиш ва улардан фойдаланиш тўғрисида"ги БМТнинг ЕИК конвенцияси (Хельсинки конвенцияси) ва "Халқаро сув оқимларидан кема қатновларидан бошқа йўналишларда фойдаланиш ҳуқуқи тўғрисида"ги Нью-Йорк конвенцияси, "Атроф-муҳитга трансчегаравий кўламда етказиладиган таъсирни баҳолаш тўғрисида"ги Эспо конвенцияси ва унинг қўшимча протоколлари, "Атроф-муҳитга оид масалаларда маълумот олиш, қарор қабул қилиш жараёнида жамоатчилик иштироки ва одил судловга мурожаат қилиш ҳуқуқи тўғрисида"ги Орхус конвенцияси ва унинг қўшимча протоколлари шулар жумласидандир. Хусусан, Қозоғистон, Ўзбекистон, Туркманистон Хельсинки конвенциясига аъзо бўлиб қўшилган ҳолда Тожикистон мазкур конвенцияни ратификация қилмаган. Конвенцияга қўшимча қилинган "Сув ва соғлиқ" Лондон протоколи ҳамда "Трансчегаравий дарёларга саноат авариялариниг трансчегаравий таъсири оқибатида етказиладиган зарарга нисбатан фуқаровий жавобгарлик ва зарарни қоплашга оид" Киев Протоколига Марказий Осиё республикаларининг ҳеч бири аъзо эмас. Нью-Йорк конвенциясига Марказий Осиё республикаларидан фақат Ўзбекистонгина 2007 йил 4 сентябрда қўшилган. Шу ўринда таъкидлаш жоизки, универсал ва минтақавий шартномаларга нисбатан минтақа давлатларининг якдил ёндашуви ва уларнинг мувофиқлаштирилган ҳуқуқий сиёсатигина аниқ натижалар беради. Халқаро шартномаларнинг миллий ҳуқуқий тизимларга тўлиқ имплементация қилиниши халқаро-ҳуқуқий мажбуриятларнинг тўлиқ ижро этилишига имкон яратади.

Хулоса шуки, трансчегаравий таъсирга эга объектлардан фойдаланиш, атроф-муҳитни муҳофаза қилиш ҳамда атроф-муҳитга трансчегаравий таъсир орқали етказилган зарар учун жавобгарликни белгилаш соҳасида халқаро ҳуқуқ нормаларини ва миллий қонунчиликни такомиллаштириш минтақамизни экологик бўҳронлардан сақлаб қолишда муҳим аҳамият касб этади.

Хулоса ўрнида айтиш мумкинки, трансчегаравий таъсирга эга объектлардан фойдаланиш, атроф-муҳитни муҳофаза қилиш ҳамда атроф-муҳитга трансчегаравий таъсир орқали етказилган зарар учун жавобгарликни белгилаш соҳасида халқаро ҳуқуқ нормаларини ва миллий қонунчиликни такомиллаштириш минтақамизни экологик бўҳронлардан сақлаб қолишда муҳим аҳамият касб этади. Бу соҳада *қуйидаги тавсияларни* илгари суриш мумкин:

– Марказий Осиёда мавжуд бўлган трансчегаравий таъсирга эга объектларнинг тугал рўйхатини тузиш ва реестрини юритиш;

Марказий Осиё шароитида, иқтисодий ва атроф-муҳитни экологик ривожлантириш нуқтаи назаридан, минтақа мамлакатларида тадбиркорлик фаолиятини чеклаш эмас, балки экологик суғурта бозорини такомиллаштириш манфаатлироқдир.

– халқаро-ҳуқуқий шартномалар ва миллий қонунчиликда "трансчегаравий таъсир ёйилган ҳудуд" ("the extended effect zone") тушунчасига таъриф бериш ва унинг чегарасини белгилашнинг рационал механизмларини ишлаб чиқиш;

– трансчегаравий таъсир оқибатларини бартараф этишда минтақа мамлакатларининг халқаро-ҳуқуқий ҳамкорлигини кучайтириш, универсал ва минтақавий шартномаларга нисбатан минтақа давлатларининг якдил ёндашуви ва мувофиқлаштирилган ҳуқуқий сиёсатини қарор топтириш;

– трансчегаравий таъсирга эга объектларни бошқариш ва улардан фойдаланишда тегишли давлатлар, компаниялар, мансабдор шахсларнинг жавобгарлигини кучайтириш, келтирилаётган бевосита ва билвосита экологик зарарни моддийлаштириш, ҳисоблаш, жавобгарликка тортиш ва зарарни қоплаш мезонларини халқаро шартномаларда ва миллий қонунчиликда аниқ акс эттириш муҳимдир. Келтирилган экологик зиёнларни қоплаш ва қарзларни тўлашга оид қоидаларни амалга ошириш бўйича икки ва кўп томонлама ҳуқуқий механизмларни кучайтириш, зиён келтирувчи томоннинг зарарни тўлиқ қоплашга қаратилган мажбуриятини таъминлаш амалиётини такомиллаштириш тақозо этилади.

Одатда, атроф-муҳитга зарар етказиш ҳолатлари кучайган пайтда экологик зарар учун молиявий жавобгарликни кўзда тутувчи ҳуқуқий механизмларни кучайтириш талаб этилади ёки зарарни қоплаб бериш қобилиятига эга бўлмаган корхоналар учун атроф-муҳитга зарар келтириши эҳтимоли юқори бўлган фаолият тури билан шуғулланиш маълум доирада чекланади.

Марказий Осиё шароитида иқтисодий ва атроф-муҳитни экологик ривожлантириш нуқтаи назаридан минтақа мамлакатларида тадбиркорлик фаолиятини чеклаш эмас, балки экологик суғурта бозорини

такомиллаштириш манфаатлирокдир. Чунки, биринчидан, экологик суғурта ишлаб чиқариш корхоналарини молиявий ҳимоялабгина қолмай, шу билан бирга, экологик зарарни келтириб чиқарувчи хатти-ҳаракатларнинг олдини олишга ундайди. Натижада хўжалик юритувчи субъектлар орасида экологик онг ва тарбия таъсири кенгаяди. Иккинчидан, атроф-муҳитни муҳофазаловчи ва жавобгарликни таъминловчи кучли ҳуқуқий тартибот хўжалик субъектлари учун юқори иқтисодий таваккални келтириб чиқаради ва, шу орқали, экологик суғуртага талабни кучайтиради. Бу эса, ўз навбатида, минтақада экологик суғурта бозори ва унинг молиявий инфратузилмалари ривожланишини рағбатлантиради.

Адабиётлар

1. Convention on Environmental Impact Assessment in a Transboundary Context: http://www.unece.org/index.php?id=40450&L=0

2. "Трансчегаравий сув оқимлари ва халқаро кўлларни муҳофаза қилиш ва улардан фойдаланиш тўғрисида"ги конвенция (Convention on the Protection and Use of Transboundary Watercourses and International Lakes – Helsinki, 1992) БМТ Европа иқтисодий комиссияси томонидан ишлаб чиқилган ва 1992 йил 18 мартда Хельсинкида эълон қилинган. 1996 йил 6 октябрда кучга кирган. Шартнома ва протоколлар матни учун қаранг: http://www.unece.org/env/water/text/text.html

3. "Халқаро сув оқимларидан кема қатновларидан бошқа йўналишларда фойдаланиш ҳуқуқи тўғрисида"ги конвенция (Convention on the Law of the Non-Navigational Uses of the International Watercourses – New York, 1997) Халқаро ҳуқуқ комиссияси томонидан 26 йил давомида (1970–1997) ишлаб чиқилган ва 1997 йил 21 майда қабул қилинган. Шартнома матни учун қаранг: http://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/conventions/8_3_1997.pdf

4. The International Convention on Civil Liability for Oil Pollution Damage, 1969, renewed in 1992: http://www.imo.org/en/About/Conventions/Pages/Home.aspx

5. Basel Convention on the control of transboundary movements of hazardous wastes and their disposal of 22.03.1989 and its Protocol on Liability and Compensation for Damage Resulting from Transboundary Movements of Hazardous Wastes and their Disposal of 1999 (Базельская конвенция о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением и Протокол об ответственности и компенсации за ущерб, причиненный в результате трансграничной перевозки опасных отходов и их удаления): http://www.basel.int/Portals/4/Basel%20Convention/docs/text/BaselConventionText-r.pdf

6. Rio declaration on environment and development //Документ ООН A/CONF.151/26/Rev.1 (Vol. I), стр. 37. http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml

7. Суд амалиёти тафсилотлари учун қаранг: Reports of International Arbitral Awards/Recueil des Sentences Arbitrales. Trail Smelter Case (United States, Canada) 16 April 1938 and 11 march 1941. Volume iii pp. 19051982: http://legal.un.org/riaa/cases/vol_III/1905-1982.pdf

8. Суд амалиёти тафсилотлари учун каранг: http://www.fao.org/DOCREP/005/W9549E/w9549e00.htm ёки http://www.cawater-info.net/library/int_dec.htm

9. Lake Lanoux arbitration (France v. Spain) (1957) 12 R.I.A.A. 281; 24 I.L.R. 101 Arbitral Tribunal. November 16, 1957. Full text: http://www.ecolex.org/server2.php/libcat/docs/cou/full/en/cou-143747e.pdf

10. UN Convention on Biological Diversity //Конвенция о биологическом разнообразии от 5.06.1992: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/biodiv.shtml

11. Environmental Liability Directive, Directive 2004/35/EC of the European Parliament and of the Council of 21 April 2004 on environmental liability with regard to the prevention and remedying of environmental damage: ec.europa.eu/environment/legal/liability/index.htm

12. Environmental Risk and Insurance: A Comparative Analysis of the Role of Insurance in the Management of Environment-Related Risks, DAFFE/AS/WD (2002) 27/REV1, Organization for Economic Co-operation and Development, Paris, 2003.; Environmental Liability for Damage to Natural Resources in OECD Countries: The Concept and Key Approaches, Discussion Paper, ENV/EPOC/EAP/REPIN (2009)1, Organization for Economic Co-operation and Development, Paris, 2009.

13. Basel Protocol on Liability and Compensation for Damage Resulting from Transboundary Movements of Hazardous Wastes and their Disposal: https://treaties.un.org

14. Interpretation of Peace Treaties, Advisory Opinion //I.C.J. Reports. The Hague, I.C.J., 1950.

А. Рахимов

Региональная безопасность в Южной Азии: проблемы, тенденции, перспективы[1]

Южноазиатские страны привлекают пристальное внимание политических, научных и экспертных кругов. В течение последних десятилетий крупнейшие страны Азиатского региона – Китай и Индия – продемонстрировали потенциал к превращению в новые геоэкономические центры. Из десяти наиболее густонаселенных стран мира три относятся к Южной Азии (Индия, Пакистан, Бангладеш), при этом по численности населения Индия сопоставима с Китаем, который сам граничит и достаточно тесно связан с Южноазиатским регионом.

Не менее значимым фактором, определяющим место Южной Азии в формирующихся глобальных геополитической и макроэкономической архитектурах, является молодость населения, средний возраст которого менее 30 лет [1]. В странах же прежнего доминирующего мира ситуация обратная, где доля экономически активных граждан постоянно уменьшается. Совокупная численность населения стран региона близка к 2 млрд чел., причем демографический рост еще продолжается. Этот фактор подразумевает, что приток дешевой рабочей силы в экспортные отрасли промышленности региона гарантирован надолго.

Рахимов А., главный специалист Центра международных экономических и политических исследований.

[1] Статья посвящена историческому и современному анализу субрегиональной системы безопасности в Южной Азии (Пакистан, Индия, Бангладеш, Шри-Ланка, Непал, Бутан). Вовлеченность Афганистана в южноазиатскую систему безопасности специально не рассматривается, так как в данном номере журнала эта проблема поднимается в статье А.Умарова «Афганистан – объединяющий фактор между Центральной и Южной Азией».

Структура населения региона может позволить южноазиатским странам совершить скачок в экономическом развитии и увеличить свой геополитический вес. Стабильно высокие темпы экономического роста Индии с началом преобразований в 1991 г., создавших условия для ускоренного развития национальной экономики, позволили ей утвердиться в качестве признанного лидера региона. Примером достигнутого экономического прогресса могут служить успехи Индии в сфере новых информационных технологий.

Решая важные стратегические, политические и экономические задачи, южноазиатские государства способны существенно изменить конфигурацию сил на мировой арене.

Не менее стремительно развиваются и другие страны Южной Азии. Стимулируя рост внутреннего рынка, КНР запустила крупнейшие инфраструктурные проекты в центральных, западных провинциях и Тибете, что привело к ряду важных последствий для Южной Азии.

Пакистан, Шри-Ланка и Бангладеш становятся сферой приложения китайского капитала и активно используются в программах «Один пояс, один путь» и «Жемчужное ожерелье». Несмотря на непростые международные отношения, в Южной Азии отмечены некоторые тенденции к усилению интеграционных процессов, катализатором которых являются глобализация и необходимость обеспечения экономической безопасности стран региона. Решая важные стратегические, политические и экономические задачи, южноазиатские государства способны существенно изменить конфигурацию сил на мировой арене.

Наряду с факторами, определяющими поступательное геоэкономическое развитие этого субрегиона современной Азии, наблюдается множество угроз безопасности, исходящих из внутренней динамики и внешней политики. Государства Южной Азии сталкиваются с огромными проблемами в области развития и отсутствием необходимых ресурсов для продвижения социально-экономических и иных программ. Будучи самым густонаселенным регионом мира, регион остается одним из самых бедных и наименее интегрированных в экономическом плане. Спустя полвека после обретения независимости страны Южной Азии попрежнему находятся в порочном круге бедности, где лишения и отсталость создают благодатную почву для нетерпимости и экстремизма, что, в свою очередь, способствует конфликтам и насилию.

Уязвимость региона усиливается политической нестабильностью, а также усложненной средой безопасности. Дисбаланс в распределении сил в регионе и сложные процессы формирования национальных идентичностей имели серьезные негативные последствия. Южная Азия кон-

струировалась государствами региона в расходящихся, а порой и противоположных направлениях.

Лидеры Южной Азии сталкнулись с серьезными препятствиями на пути государственной консолидации, поскольку им необходимо было управлять необычайно разнообразным населением, расселенным вдоль изрезанных горными хребтами и джунглями колониальных границ. Внерегиональные субъекты также налагают ограничения, часто способствуя идеологическому разделению и локальному соперничеству посредством военных поставок. Указанные противоречия определелили характерные источники угроз региональной безопасности в Южной Азии: 1) оспариваемые границы и национализм; 2) значительная географическая, демографическая, экономическая и военная асимметрия; 3) продолжающийся двусторонний конфликт между Индией и Пакистаном [2].

Наиболее острые конфликты, с которыми столкнулись постколониальные государства, были связаны с несовпадением территориальных границ и национальной идентичности, возникшим как прямое следствие осуществления колониальной политики Великобритании в Индии и раздела субконтинента на религиозно-общинной основе.

В процессе исторического развития на Индийском субконтиненте сформировалась определенная культурная общность народов региона, между ними издавна существовали тесные связи в сферах материальной и духовной культуры. Однако колониальная политика в отношении Индии во времена Ост-Индской компании и в период прямого правления Великобритании руководствовалась прежде всего соображениями коммерческой выгоды. Игнорировались сложившиеся в регионе на протяжении столетий политические традиции, в зависимости от собственной выгоды снимались и назначались местные правители. Фактически было ликвидировано местное самоуправление на уровне деревень, которое было основой индийской политической традиции, учитывая, что только централизованное управление могло обеспечить колониальным властям собираемость грабительских налогов. Классическим примером нацеленности на извлечение прибыли и нежелания вникать в проблемы региона может служить предоставление подвассальным местным династиям широкой автономии для управления значительных территорий Индии [3]. Так, в 1846 г. британцы отвоевали Кашмир у сикхов и привели к власти ин-

Наиболее острые конфликты, с которыми столкнулись постколониальные государства, были связаны с несовпадением территориальных границ и проблемами национальной идентичности.

дуистскую династию во главе с махараджей, хотя две трети жителей региона не были индуистами.

Более того, несмотря на то, что индийское освободительное движение поначалу объединяло представителей всех конфессий, прецедент с разделом Бенгалии в 1905 г. с имеющимся в его основе политико-религиозным подтекстом в значительной степени определил траекторию, по которой региональный комплекс безопасности Южной Азии развивался на протяжении десятилетий. Первый раздел Бенгалии по конфессиональному принципу активировал импульсы, которые способствовали разделу субконтинента в 1947 г. На фоне развернувшихся грандиозных общемировых социально-политических изменений после Второй мировой войны и в результате беспрецедентного обострения конфликта между индусской и мусульманской общинами поспешное разделение Индии стало вынужденной мерой со стороны колониальных властей, когда созданная при их активном участии ситуация практически вышла из-под контроля.

Колониализм ускорил экономическое развитие колониальной периферии, так как развитие колоний шло быстрее, чем полуколоний. Однако к середине XX столетия экономическая значимость колоний для метрополий стала снижаться, а научно-техническая революция привела к кардинальным сдвигам в международном разделении труда и подорвала экономические основы колониализма. Использование прежде применяемых механизмов принуждения оказалось малоэффективным или встретило сопротивление народных масс и национальной буржуазии. В Индостане организованный и широкий характер народно-освободительное движение приобрело в 1945 г., чему способствовала массовая кампания протеста против попыток использования Великобританией индийских войск для подавления антиимпериалистической борьбы в Индокитае и Индонезии. Сам колониализм породил противодействующие себе социально-политические силы в странах Востока, что вылилось в такое явление, как национально-освободительное движение, способствовавшее крушению мировой колониальной системы [4].

Несмотря на то, что страны Южной Азии были колониями одной и той же державы, модели их постколониального развития оказались различными.

Несмотря на то, что страны Южной Азии были колониями одной и той же державы, модели их постколониального развития оказались различными. В Европе формирование многих национальных государств, повлекшее за собой значительный уровень насилия и подчинение разрозненных языковых и религиозных сообществ общим источникам вла-

сти, оказалось длительным, кровопролитным и сложным процессом. Южная Азия как более крупный по масштабам регион с несравненно большим набором религиозных, этнических и языковых групп столкнулась с дополнительными политическими, социальными и экономическими проблемами, которые должны учитываться при анализе источников межнациональных конфликтов в странах Южноазиатского субконтинента.

Исторически сложившиеся различия на индийском субконтиненте, особенно экономического и социального характера, имеют мощную инерцию.

Освобождение Индостана от колониальной зависимости проходило в условиях драматических потрясений. Раскол в национально-освободительном движении привел к возникновению двух независимых государств, процесс консолидации которых включал, помимо определения границ, и вхождение в их состав полусамостоятельных индийских княжеств. Диспут вокруг будущего самого северного из наследственных владений, княжества Джамму и Кашмир, привел к вооруженному конфликту между Индией и Пакистаном. Кроме того, сопровождавшаяся насилием борьба за независимость стала причиной одной из наиболее масштабных миграций населения в истории, когда миллионы мусульман стремились попасть в Западный и Восточный Пакистан, а миллионы индуистов и сикхов перемещались в противоположном направлении, в сторону Индии. За несколько месяцев после объявления о разделе страны более 15 млн чел. мигрировали, и, по разным оценкам, от полумиллиона до двух млн при этом погибли [5].

Следствием миграции разных этнических групп становился новый виток социальных и экономических противоречий, когда возникала не только угроза изменения демографического состава регионов, но и соперничество между этническими группами за ограниченные ресурсы. Подобное соперничество, с одной стороны, усиливало этническую идентификацию и групповую солидарность, с другой – вызывало недовольство коренного населения против «чужаков», которых считали захватчиками ресурсов региона.

Исторически сложившиеся различия на Индийском субконтиненте, особенно экономического и социального характера, имеют мощную инерцию, поэтому борьба за построение жизнеспособных государств шла в странах региона в течение десятилетий после их деколонизации и противоречивые внутриполитические процессы не раз становились причинами региональной напряженности.

В процессе строительства индийского государства политика секуляризма, закрепленная в конституции 1950 г., означала равноправное отношение к гражданам Индии вне зависимости от их религиозной и

этнической принадлежности. Поэтому важным консолидирующим элементом государственного строительства постколониальной Индии была выдвинута идея использования единого языка. Официальным языком провозглашался хинди, который должен был стать языком общения между индийскими штатами, внутри самих штатов и вскоре полностью заменить английский язык. Однако в условиях многомиллионного населения, говорящего на 447 различных языках и 2 тыс. диалектах (при этом на хинди в Индии говорит 41% населения, а остальные 59% населения страны в качестве основного языка указывают другой), административное деление страны на штаты и территории началось без какого-либо учета региональных языков и культур [6].

Нововведение привело к беспорядкам в тех штатах Индии, которые рассматривали превращение хинди в единственный официальный язык как ущемление политических и социальных прав граждан, для кого этот язык не являлся родным. Против навязывания хинди особенно сильно выступали южные штаты, где хинди распространен крайне слабо. После изменения конституции в 1956 г. правительство реорганизовало штаты, приняв за основу деления самые крупные региональные языки Индии. В 2007 г. список официальных языков расширился до 22, на котором говорит 97% населения Индии. Тем самым языковые различия стали иметь ключевое значение в функционировании индийской федерации [7].

Неудачей обернулась и попытка молодого пакистанского государства сделать общенациональным языком урду. На нем говорило незначительное меньшинство населения страны, главным образом городская интеллигенция северных индийских провинций. В Восточном Пакистане, где численность населения составляла 54%, в обиходе использовался бенгали. Процесс «урдуизации» вызвал протесты и демонстрации в этой части страны, в результате которых статус бенгали и урду языка был уравнен в 1954 г. [8].

Для государств Южной Азии значительное религиозное, этническое и языковое многообразие стало благодатной почвой для развития этнического национализма и религиозного экстремизма.

В Шри-Ланке в первые годы независимости проблема неразрешенности национальных языков привела к началу длительного кризиса государственности. В период колониального правления языком всеобщей языковой коммуникации выступал английский язык, в то время как местные языки выполняли функции языков, используемых для этнокультурных коммуникаций, и не имели каких-либо преимуществ по сравнению с другими. В 1956 г. правительство Шри-Ланки ввело в действие Закон об официальном языке, придававший сингальскому языку статус основ-

ного государственного языка, что было воспринято тамильскими и другими меньшинствами как дискриминация.

Приведенные примеры иллюстрируют тот факт, что язык в государствах Южной Азии может иметь двойное значение – как объединяющее для малых этносов и групп, так и обособляющее для больших этносов. На начальном этапе зарождения государственности элиты постколониальных южноазиатских государств видели свою миссию в строительстве не столько государства, сколько нации. Поэтому независимое государство рассматривалось ими лишь в виде территориального или институционального выражения прав, идентичности и судьбы нации.

Одним из важнейших средств групповой этнической идентификации в странах Южной Азии стал религиозный фактор в связи с тем, что нередко различные родственные этносы или религиозные группы составляют большинство или значительную часть населения. К примеру, конфессиональная структура Индии представлена следующим образом: индуисты – 79,8%, мусульмане – 14,2%, христиане – 2,3%, сикхи – 1,7%, другие – 2% [9]. Отмечая существование локальных форм национализма у крупных народов Индии (бенгалы, тамилы, маратхи и др.), специалисты подчеркивают, что для индийцев в общей массе главным фактором идентификации является принадлежность к определенной конфессии, а для индусов – также к касте [10]. Для государств Южной Азии подобное значительное религиозное, этническое и языковое многообразие стало почвой для развития этнического национализма и религиозного экстремизма [11]. В частности, отношения между представителями индуизма и ислама имеют первостепенное значение как для Индии, так и для всей Южной Азии, так как их обострение мгновенно сказывается на политической обстановке в стране и всем Южноазиатском регионе. Со дня обретения колонией независимости отношения между представителями разных конфессий были крайне напряженными, периодически перераставшими в открытые вооруженные столкновения и акты террора.

Основными очагами напряженности в Индии, связанными с межконфессиональными противоречиями, остаются Кашмир и северо-восточные провинции. Хотя 60% территории бывшего кашмирского княжества осталось под контролем Индии (штат Джамму и Кашмир), там продолжают действовать исламистские организации, стремящиеся к ее отделению от Индии и присоединению к Пакистану. В северо-восточных штатах Индии представлены разнообразные религиозные течения: индуисты представляют религиозное большинство в штатах Ассам и Трипура, христиане по большей степени проживают в штатах Мегхалая (64% населения), Мизорам (85%), Нагаленд (87%), в то время как

мусульмане представлены в штатах Ассам, Нагаленд [12]. Широко распространены здесь и религиозные общины буддистов. Начиная с 1950-х годов недовольство малых народов (ассамцы, бенгальцы, нага, мизо, кхаси и др.) положением «изгоев» постоянно провоцирует радикально настроенное население на беспорядки и протесты.

Будучи преимущественно исламской страной, Пакистан лишен столь характерной для Индии кастовой системы. В то же время, как отмечают некоторые британские эксперты, Пакистан учреждался даже без каких-либо территориальных или институциональных «рудиментов» функционального государства [13]. Идея «исламской нации», ставшая теоретическим обоснованием создания Пакистана, фактически свела понятие нации к религиозной общности, отрицая существование национальных различий. Пакистан был создан из пяти провинций, населенных разными народами, но исповедующими общую религию. Среди многообразия проживающих в Пакистане народностей можно выделить шесть основных групп: пенджабцы (45%), пуштуны (15%), синдхи (14%), сарьяки (8,4%), мухаджиры (7,6%) — выходцы из Северо-Западной Индии и белуджи (3,6%) [14].

Ассимметричные отношения между Индией и другими странами Южной Азии изначально являлись одним из препятствий на пути развития и укрепления сотрудничества в области безопасности в регионе.

Многие из этих народностей с самого начала создания государства стали требовать себе особых прав и привилегий вплоть до отделения. В частности, особенности белуджского сепаратизма проявились в том, что при создании Пакистана только часть земель народа белуджей была включена в его состав. Как указывают некоторые эксперты, снижение роли ислама в различных сферах общественно-политической жизни Пакистана способно пробудить этнонациональные движения белуджей, пуштунов, синдхов, у которых преобладают сепаратистские настроения, что снова обострит проблему целостности страны, как это было с бенгальским движением в Восточном Пакистане в 1960-1970-х гг. [15].

Обострение этнорелигиозного конфликта в Республике Шри-Ланка между сингалами-буддистами и тамилами-индуистами привело к появлению нового взрывоопасного очага политической и военной напряженности в Южной Азии. В 1970-е годы военизированное движение «Тигры освобождения Тамил-Илама», состоявшее из этнических тамилов, потребовали создания на острове тамильского государства. В 1983 г. противостояние с правительством вылилось в открытый вооруженный конфликт, длившийся 26 лет и приведший к жертвам 110 тыс. чел., включая 60 тыс. мирных жителей [16]. Таким образом, динамика государ-

ственного строительства с преобладающими политическими и религиозными факторами существенно повлияла на развитие регионального комплекса безопасности Южной Азии [17].

Конфликты на основе конфессиональных и межэтнических противоречий также во многом определяют продолжительность некоторых межгосударственных конфликтов в регионе. Причина этого кроется в том, что нередко родственные этносы или религиозные группы в Индии и других государствах Южной Азии составляют большинство или весьма значимую часть населения, например, мусульманская община в Индии, Пакистане и Бангладеш, тамильская община в Индии и Шри-Ланке. Кроме того, на общественное мнение пакистанцев и индийцев повлияли кровавые события при разделе Британской Индии в виде высокого уровня недоверия, отсутствия стремления к компромиссу и взаимовыгодному сотрудничеству. Если первое поколение политиков Индии и Пакистана, объединенное общими культурными корнями, ратовало за мирное сосуществование и сотрудничество двух государств, то следующие поколения политиков оказалось втянутым в межнациональные распри. Продолжающийся спор за территориальное определение штата Джамму и Кашмир, характеризующийся сложным сочетанием этнических и конфессиональных противоречий, напрямую отразился на стабильности региона, ставшего основным очагом вооруженного сепаратизма в Индии и ареной противостояния двух держав в военных конфликтах различных масштабов и интенсивности (1947–1948 гг., дважды в 1965 г., а также в 1971 и 1999 гг.).

Асимметричные отношения между Индией и другими странами Южной Азии изначально являлись одним из препятствий на пути развития и укрепления сотрудничества в области безопасности в регионе. Индоцентричный характер региональной политики просматривался в постколониальной карте государств Южной Азии. Обладая характеристиками субконтинентальной державы (77% численности населения, 72% общей площади, 84% пахотных земель, 81% лесных угодий, 69% орошаемых земель, 90% углеводородных и практически 100% минеральных запасов), Индия в несколько раз превышает ресурсную базу остальных стран региона, вместе взятых [18]. Подобный асимметричный баланс сил и размеров между Индией и большинством ее соседей стал одним из основных источников региональной напряженности.

В отличие от возникновения таких региональных группировок, как Евросоюз и АСЕАН, являющихся продуктом «холодной войны», Южная Азия не имела вынужденных обстоятельств для объединения из-за опасения возникновения всеобщей угрозы.

С первых дней своего независимого развития Индия стремилась утвердить свое господство над наиболее слабыми государствами Южной Азии – Бутаном и Непалом, которые не имели выхода к морю и зависели от Нью-Дели в доступе к Индийскому океану. Бутан и Непал были вынуждены подписать неравноправные договоры с индийской стороной в 1949 и 1950 гг., которые позволили Индии играть доминирующую «консультативную» роль в отношении этих стран. В 1981 г. во время разгоревшегося территориального спора между Индией и Бангладеш по поводу принадлежности острова Нью-Мур (Южный Талпатти) в Бенгальском заливе Нью-Дели направил свои военные катера для установления контроля над островом. В 1987 г., вопреки желанию властей Шри-Ланки Индия ввела миротворческую миссию с целью положить конец гражданской войне в этой стране. В 1989 г. в ответ на попытки Непала закупить оружие у Китая Индия перекрыла транспортно-коммуникационные маршруты Непала с Индийским океаном, что вызвало серьезный внутриполитический кризис в этой стране.

Пытаясь уменьшить влияние Индии и усилить собственный переговорный потенциал, малые государства во главе с Бангладеш инициировали в 1981 г. создание Южно-Азиатской ассоциации регионального сотрудничества. Предложение Дакки о создании экономико-политической организации стран Южной Азии было сразу поддержано Непалом, Шри-Ланкой, Бутаном и Мальдивами. Нью-Дели первоначально встретил данную инициативу скептически, опасаясь, что региональная организация может предоставить возможность малым и средним соседям интернационализировать вопросы двусторонних отношений и объединиться друг с другом для формирования оппозиции против Индии. В отличие от возникновения таких региональных группировок, как Евросоюз и АСЕАН, являющихся продуктом «холодной войны», Южная Азия не имела вынужденных обстоятельств для объединения из-за опасения возникновения всеобщей угрозы. Для Индии как доминирующего регионального игрока, сторонника Движения неприсоединения и критика глобального блокового соперничества в «холодной войне», этот вариант никогда не рассматривался, в то время как большинство ее соседей главную угрозу рассматривали в самой Индии.

Обострение напряженности с Индией побуждало ее соседей время от времени обращаться к международному сообществу. В частности, Пакистан неоднократно пытался привлечь ООН и США для вмешательства в его спорах с Индией по поводу принадлежности Кашмира, Бангладеш призывал мировое сообщество к превращению Бенгальского залива в зону мира, а Мальдивы поддержали предложение о создании механизма ООН для защиты малых государств [19]. В 1971 г. прямое

военное вмешательство Индии привело к расколу Пакистана и появлению нового государства Бангладеш. Это событие привнесло существенные изменения в соотношения сил и характера отношений между Нью-Дели и Исламабадом. Индия утвердила свое положение доминирующей державы Южной Азии, так как «новообразованный Бангладеш отказался от идеологических основ Пакистана, а с восточной границы Индии был удален военный раздражитель» [20].

Нью-Дели последовательно противодействовал посягательству крупных держав в дела региона и стремился сохранять для себя автономное стратегическое пространство путем сочетания политики неприсоединения и автаркической экономической политики.

События в начале 1970-х годов в индийско-пакистанских отношениях обрели широкий международный аспект. Причиной стало то, что этот военно-политический кризис имел непосредственную связь с общей международной обстановкой, в том числе с политикой СССР, США и КНР. Исследователи отмечают, что в Южной Азии произошло очевидное взаимодействие между региональным и глобальным уровнями, учитывая, что региональные столкновения во время «холодной войны» требовали вмешательства мировых держав в проблемы региональной безопасности [21]. США рассматривали роль Индии и Пакистана через призму большой игры с СССР и КНР. В конфликте за раздел Пакистана Соединенные Штаты оказали поддержку Пакистану, считая это противовесом советско-индийскому доминированию в регионе. Дело в том, что мировой порядок во времена «холодной войны» отражал жесткий военный баланс между США и СССР, в котором ключевыми принципами были зоны влияния или «блоки», поэтому любые региональные или национальные порядки были в значительной степени подчинены общей структуре конфликта между сверхдержавами.

Внешнеполитическая линия Индии на международной арене представляла иную картину. Ведя себя как крупная держава в Южноазиатском регионе, в глобальном масштабе Индия имела тенденцию проецировать себя как развивающаяся страна, используя риторику о невмешательстве и уважении суверенитета, которая отсутствовала в ее отношениях с небольшими соседями. Это означало, что Нью-Дели последовательно противодействовал посягательству крупных держав в дела региона и стремился сохранять для себя автономное стратегическое пространство путем сочетания политики неприсоединения и автаркической экономической политики [22].

С другой стороны, способность Пакистана бросать вызов региональному доминированию Индии во многом стала результатом успешных

усилий Исламабада в «заимствовании силы» за пределами Южной Азии [23]. После присоединения Пакистана в 1954-1955 гг. к возглавляемым США антикоммунистическим коллективным оборонным союзам – Организации Договора о Юго-Восточной Азии (SEATO) и Организации Центрального договора (CENTO) – Соединенные Штаты начали оказывать военную помощь Пакистану. Однако объемы американской помощи были не в состоянии решить его фундаментальные экономические и политические проблемы. Кроме того, в самих США шла переоценка роли Индии в регионе. Рассмотрение Вашингтоном возможности оказания военной помощи Индии в индо-китайском пограничном конфликте в 1962 г. подтолкнуло Исламабад дополнить противовес в отношениях с Индией установлением стратегического партнерства с КНР.

Наряду с процессом исламизации Пакистана на общую ситуацию в регионе воздействовал и военный конфликт в Афганистане.

С начала 1950-х годов Китай сохранял в основном нейтральную позицию между Пакистаном и Индией. Он присоединился к выдвинутым первым премьер-министром Индии Дж.Неру пяти принципам мирного сосуществования двух стран. Главным для индийского лидера являлась идея азиатского возрождения двух стран, составными компонентами которой являлись концепция социализма, устремленного к более справедливой социально-экономической организации общества, и идея афро-азиатизма, направленная на объединение усилий народов Азии и Африки в отстаивании независимости перед угрозой нового экономического и культурного колониализма со стороны Запада. Считая, что Китай и Индия имеют общую колониальную историю, индийское руководство предполагало, что любые возникающие противоречия между сторонами могут быть решены методами дипломатии без применения военной силы [24].

Однако вскоре отношения были подорваны пограничными спорами и обвинениями Китая по поводу участия Индии в беспорядках в Тибете в 1959 г. С 1962 г. и до конца «холодной войны» Пекин всегда поддерживал позицию Исламабада в проблемных пакистано-индийских отношениях, включая Кашмир. КНР предоставляла Пакистан экономическую и военную помощь с целью уравновешивания и сдерживания индийской мощи. Поддержка Китая компенсировалась Исламабадом быстрым урегулированием двусторонних приграничных проблем, а также полной поддержкой восстановления статуса КНР в качестве постоянного члена Совета Безопасности ООН. Кроме того, Пакистан сыграл важную роль в неформальных переговорах между Китаем и США по вопросу китайско-американского сближения. С целью предотвращения

проникновения КНР в регион Индия установила тесные связи с Советским Союзом, с которым Нью-Дели в 1971 г. подписала Договор о мире, дружбе и сотрудничестве. Договор включал в себя положения, направленные на укрепление безопасности обеих стран и предусматривающие возможность принятия в этих целях определенных согласованных мер, носящих взаимоприемлемый и взаимовыгодный характер [25].

Пакистан также пытался уравновесить доминирование Индии в регионе путем поиска внешних связей с ключевыми мусульманскими странами – с Турцией, Ираном и Саудовской Аравией. В 1964 г. Эр-Рияд стал оказывать явное предпочтение Пакистану перед Индией, но лишь в начале 1970-х годов вследствие резкого роста цен на нефть и превращения Саудовской Аравии в богатое государство дружба с королевством обрела стратегическую ценность для Пакистана [26]. Подъем центров финансовой мощи в прилегающем к Пакистану с запада мусульманском регионе оказал значительное воздействие на характер и формы протекания внутренних конфликтов в Пакистане; например, возросшее саудовское влияние сказалось на усилении позиций ряда исламских партий и организаций.

Внешнее проникновение не могло остановить или абсорбировать внутренний процесс секьюритизации в регионе. Так, неподконтрольными влиянию «ядерного клуба» и международных политических институтов оказалось последовательное обретение ядерного оружия Индией и Пакистаном [27]. В то же время внешнее влияние было способно усиливать ранее существовавшие линии разлома в южноазиатских странах, унаследованные проблемами идентичности.

На территории Индии в течение многих десятилетий наблюдаются все основные формы терроризма.

Внутриисламские различия, ранее почти незаметные в пакистанской общественной жизни, по мере нарастания процессов исламизации стали выступать на передний план. В частности, данный процесс вызвал недовольство религиозных меньшинств – христиан, индусов, а также шиитов, поскольку исламизация в Пакистане проводилась по канонам суннизма. Главным последствием внутриисламских противоречий стала радикализация политического ислама и обострение суннито-шиитских отношений. С начала 1980-х годов наряду с процессом исламизации Пакистана на общую ситуацию в регионе воздействовал и военный конфликт в Афганистане. Эти два фактора определили предпосылки для качественно нового этапа в развитии некоторых видов современного терроризма, а также обозначили вектор внутри- и межгосударственных отношений, как для Пакистана, так и для Индии.

Очередная фаза усиления радикального исламизма в Пакистане пришлась на 2000-е годы с резкой сменой внешнеполитического и внутриполитического курса Исламабада.

В течение долгого времени после раздела Индийского субконтинента беспорядки в регионе рассматривались как коммунальное (межобщинное) насилие, а не как терроризм. Тем не менее отношения между конфессиями всегда оставались крайне напряженными, периодически перераставшими в открытые вооруженные столкновения и террористические акты.

В 1980-е годы в Южной Азии активное развитие получил региональный терроризм, когда, руководствуясь расчетами национальных интересов, некоторые страны региона стали оказывать помощь террористическим группировкам в соседних государствах. Пакистан и Бангладеш считали выгодным поддержку групп боевиков, действующих на индийской территории, в то время как Индия, требуя прекращения поддержки трансграничного терроризма в Кашмире, сама поддерживала насильственные действия со стороны организации «Тигры Освобождения Тамил-Илама» в Шри-Ланке [28].

На территории Индии в течение многих десятилетий наблюдаются все основные формы терроризма. Индийское государство столкнулось с источниками террористической активности одновременно в трех географических регионах, представленных в виде религиозных, националистических (этнических) и леворадикальных организаций. Напряженная социально-экономическая ситуация, понижение правового статуса и введение ограничений на автономию штата, неспособность центральных и местных властей обеспечить нормальные условия для прохождения выборов стали причинами резкого роста активных форм политической борьбы в Джамму и Кашмире. На массовое использование террора в этих штатах также повлиял поток боевиков после окончания антисоветской войны в Афганистане.

Размножившиеся исламистские группировки в Джамму и Кашмире использовали террор для вытеснения немусульманского населения с территории штатов и давления на правительство провинции. По некоторым данным, с 1988 г. по 2014 г. в Джамму и Кашмире произошло более 66 тыс. террористических актов, в результате которых были убиты около 70 тыс. человек [29]. Пик террористической активности пришелся на 1999-2001 гг., что было обусловлено событиями на демаркационной линии между Индией и Пакистаном, когда проникновение группы террористов при поддержке пакистанских военных на территорию Индии привело к боевым действиям между соседями и всплеску насилия.

Между тем в соседнем с Джамму и Кашмир штате Пенджаб в 1980-е годы достигло наивысшего расцвета противостояние сикхских сепаратистов и центрального правительства Индии, когда широкое распространение в сикхской общине получила идея создания независимого государства Халистан. В отличие от ситуации в Кашмире борьба за независимость сикхов не имела идеологических корней в Пакистане. По оценкам некоторых исследователей, появление террористической активности в Пенджабе явилось результатом сложного комплекса «исторических, экономических, политических и культурных причин, особенностями развития сикхской общины и самой религии сикхизма» [30]. В частности, трансформация мирных протестов в вооруженную борьбу изначально была предопределена сикхской религией и культурой, для которых характерно единство религии и политики, а нормой для сикхизма является применение оружия в борьбе за интересы общины.

Одно из самых противоречивых событий в истории постколониальной Индии стал штурм в 1984 г. Золотого храма в Амритсаре, в результате которого погибло около 400 человек, в том числе сотни паломников и 87 военнослужащих правительственных сил [31]. Операция вокруг главной религиозной святыни сикхов в дальнейшем спровоцировала массовое дезертирство военнослужащих-сикхов, убийство премьер-министра Индии И.Ганди ее телохранителями-сикхами, многочисленные антисикхские погромы в индийских городах, новую волну миграционных потоков. По некоторым данным, длившиеся несколько недель стихийные сикхские погромы в Нью-Дели и других населенных пунктах страны унесли жизни 30 тыс. сикхов [32].

Третье средоточие террористической деятельности охватывало обширный пояс в Центральной и Восточной Индии. Здесь на протяжении десятилетий действуют маоистские повстанческие группы, известные как наксалиты, социальную базу которых составляют представители наиболее социально незащищенных категорий населения. Их идеология базируется на принципах маоизма с учетом конкретных индийских исторических условий. Она ориентирована на свержение существующего государственного строя путем вооруженной партизанской борьбы. В соседнем с Индией Непале в 1996 г. вооруженное крыло Коммунистической партии Непала (маоистская) Народная непальская армия начала боевые действия против правительства, требуя введения республики, проведения новых выборов в конституционную ассамблею и принятия новой конституции. Перемирие 2001 г. продержалось недолго, сторонам не удалось урегулировать конфликт и боевые действия возобновились.

Очередная фаза усиления радикального исламизма в Пакистане пришлась на 2000-е годы с резкой сменой внешнеполитического и внут-

риполитического курса Исламабада, поддержавшего борьбу с терроризмом в рамках международной коалиции и внутри страны [33]. После событий 11 сентября Пакистан активно помогал Западу в борьбе с терроризмом. В частности, при помощи Исламабада был обезврежен костяк международной террористической организации «Аль-Каида». В то же время как государство, находящееся в эпицентре борьбы с международным терроризмом, Пакистан серьезно пострадал от террористических атак. На пике в 2009 г. в Пакистане было зарегистрировано 11 317 погибших, в том числе 2154 человек среди мирного населения [34].

Беспрецедентный вызов со времен войны 1971 г. исходил от террористического движения «Техрик-и-Талибан Пакистан». Резкий рост военной активности со стороны пакистанских талибов с конца 2000-х годов унес жизни десятков тысяч людей и привел к перемещению сотни тысяч беженцев. В конце 2014 г. боевики «Техрик-и-Талибан Пакистан» атаковали школу в Пешаваре, в которой обучались дети военной элиты Пакистана, что привело к гибели 141 чел., в том числе 132 школьников [35]. После этого теракта отношение пакистанских силовиков к «местным» талибам изменилось, а опасения по поводу краха Пакистана и распространения джихадистского проекта побудили международное сообщество активизировать усилия по укреплению потенциала пакистанского государства в борьбе с террористами.

После присоединения всех государств Южной Азии к международной антитеррористической коалиции ситуация в регионе стала постепенно улучшаться. По мнению ряда экспертов, это было обусловлено рядом обстоятельств. Во-первых, ряд сепаратистских организаций региона, применявших терроризм в качестве средства достижения своих целей, но ранее признаваемых борцами за свободу, были переведены мировым сообществом в разряд террористических организаций со всеми вытекающими последствиями. Во-вторых, правительства ряда государств, которые ранее оказывали поддержку сепаратистским террористическим организациям в других странах, получили всеобщее осуждение как пособники терроризма и были вынуждены отказаться от такой поддержки. В-третьих, ведущие страны мира значительно увеличили финансовую и техническую помощь развивающимся государствам для организации противодействия терроризму на их территориях [36].

Возросшая эффективность функционирования антитеррористических систем государств региона стала главным фактором снижения масштабов политического насилия в Южной Азии за последнее десятилетие.

Широкое распространение в международном дискурсе термина «терроризм» дало правительствам стран Южной Азии возможность пред-

ставлять все виды политически мотивированного насилия (мятежи, воинственность, вооруженная борьба, религиозно мотивированный джихад, конфликты низкой интенсивности, политические убийства, леворадикальное насилие, общинные беспорядки) как проблемы террористического характера. Такой подход позволил национальным правительствам выводить антиправительственные группы за пределы «правовых» рамок [37].

Решение проблемы терроризма в ИРП не может быть одномоментным, так как за радикальными группировками стоят определенные идеи, которые поддерживаются частью населения.

За последнее десятилетие возросшая эффективность функционирования антитеррористических систем государств региона стала главным фактором снижения масштабов политического насилия в Южной Азии. С увеличением бюджета и численности персонала сил безопасности государственный потенциал принуждения во всем регионе увеличился, что позволило правительствам установить больший контроль над ранее оспариваемыми территориями, активно внедрять инновационные системы безопасности, в том числе новые технологии видеонаблюдения, избирательно применять инструменты сдерживания радикально настроенных политических сил.

Согласно оценкам Глобального индекса терроризма, подготовленного Институтом экономики и мира Сиднейского университета, наибольший прогресс в борьбе с терроризмом наблюдается в Пакистане. Из 37 террористических организаций, действовавших в стране в 2015 г., свою активность в 2019 г. сохранили только десять группировок [38]. Если в 2017 г. в результате террористических актов в Пакистане было зафиксировано 543 летальных исходов, то в 2018 г. их число снизилось до 369, а в 2019 г. до 279. Это самый низкий показатель смертности от терроризма, наблюдаемый с 2006 г. Данная тенденция связана прежде всего с подавлением активности в стране террористических групп «Техрик-и-Талибан Пакистан», «Исламское государство – Хорасан», «Лашкар-е-Тайба» и «Джейш-е-Мухаммад».

В рамках реализации национального плана действий по ликвидации террористических группировок на своей территории были разгромлены опорные пункты боевиков «Техрик-и-Талибан Пакистан» в Северном Вазиристане и Территориях племен федерального управления, а в 2015 г. пакистанскими властями наложен запрет на деятельность «Исламского государства – Хорасан». Кроме этого, в результате активных мероприятий со стороны пакистанских Сил безопасности удалось погасить уровень насилия в Белуджистане. Таким образом, благодаря усилиям властей Пакистан не погрузился в трясину терроризма, как это про-

изошло с Ираком, Йеменом и другими странами. В то же время решение проблемы терроризма не может быть краткосрочным, так как за радикальными группировками стоят определенные идеи, которые поддерживаются частью населения.

Снижение уровня насилия со стороны антиправительственных сил наблюдается в Индии, где за последние два десятилетия произошел заметный рост внутренней безопасности. Этому способствует усиленное присутствие индийской армии в штате Джамму и Кашмире и на северо-востоке для подавления насилия со стороны повстанцев. К примеру, трансграничному терроризму в Кашмире противостоят подразделения Центральной резервной полиции и Пограничной службы, а также 400 тыс. военнослужащих [39]. Индийским военным предоставлена значительная свобода действий Законом об общественной безопасности, позволяющим без судебного разбирательства лишать задержанных свободы сроком до двух лет, а также Законом об особых полномочиях Вооруженных сил, дающим военнослужащим расширенные полномочия и правовой иммунитет. Кроме того, с 2011 г. расходы на деятельность правоохранительных органов Индии последовательно растут в среднем на 12-15% в год [40]. За счет вливания ресурсов центрального правительства в зонах конфликтов были сформированы, в частности, органы государственной полиции. На северо-востоке страны индийские власти также стали более эффективно использовать возможности соглашений о прекращении огня, роспуске военизированных групп и амнистии повстанцев.

Окончание «холодной войны» имело немаловажное влияние на сферу региональной безопасности в Южной Азии, предоставив странам региона больше пространства для политического маневрирования.

На внутренние конфликты в малых странах Южной Азии оказало влияние заключенное в 1997 г. Читтагонгское соглашение о мире, что положило конец двадцатилетнему вооруженному конфликту в горных районах Бангладеш между коренным населением и центральным правительством. Согласно договору, повстанцы получили всеобщую амнистию в обмен на разоружение и самоуправление, а 65 тыс. представителей коренных племен вернулись в родные места из Индии. Соглашение предусматривало создание министерства по делам Читтагонгских горных районов, а Объединенная народная партия Читтагонгского горного района была вскоре интегрирована в политическую систему страны [41]. Исламистские ячейки отметились серией террористических атак в Бангладеш, однако в результате интенсивных репрессий со стороны правительства их частота, особенно после 2016 г., заметно снизилась. В част-

ности, за террористическую деятельность вне закона оказались организации «Джаграта муслим джаната Бангладеш» и «Джамиат-уль-муджахеддин».

В Непале правительство и повстанцы заключили мирные соглашения в 2006 г., в которых предусматривалось разоружение маоистов с последующей их интеграцией в состав армии и государственного аппарата. Несмотря на то, что после окончания гражданской войны наблюдались различные формы политического насилия и конфликтов, главным достижением стало окончательное завершение десятилетней гражданской войны. В 2009 г. завершилась также гражданская война в Шри-Ланке, обусловленная этнически-религиозным противостоянием между сингальским буддистским большинством и тамильским индуистским меньшинством. Поражению повстанцев под натиском Вооруженных сил Шри-Ланки способствовало невмешательство международного сообщества на последнем этапе конфликта. Отсутствие поддержки из рубежа, обусловленное отказом лидеров группировки от любых компромиссных решений и их нежеланием как можно скорее прийти к деэскалации конфликта, предопределило судьбу сепаратистов.

По мнению ряда исследователей, указанные изменения в сфере безопасности свидетельствуют об усилении потенциала государств региона в противодействии внутренним угрозам [42]. Направление дополнительных ресурсов на укрепление национальных структур безопасности, консолидация политических режимов и изменившаяся международная обстановка снизили уровень насилия даже при сохранении недовольства различных внутриполитических сил. Правительства стран Южной Азии также стали признавать, что не существует простых военных решений в борьбе с террористической угрозой. В то время как бескомпромиссная позиция лидеров была оправданна в отношении террористических организаций, получающих поддержку извне, в решении проблем с «внутренними» группами, использующими терроризм в качестве средства защиты политических прав, практиковались комбинированные методы, сочетающие в себе применение силы и проведение переговоров [43]. Примеры включения маоистов в новую политическую систему Непала и усилия по снижению активности сикхского терроризма в индийском штате Пенджаб доказали способность правительств региона выявлять «умеренные» элементы внутри повстанческих групп и находить с ними консенсус для урегулирования внутренних конфликтов.

Окончание «холодной войны» имело немаловажное влияние на сферу региональной безопасности в Южной Азии, предоставив странам региона больше пространства для политического маневрирования за

Высокие темпы роста индийской экономики заставляют малые государства региона смотреть на Индию не только через призму вызовов национальной безопасности, но и с точки зрения экономической целесообразности.

счет ослабления идеологических барьеров, имевших место при межблоковом противостоянии биполярного мира. Произошла определенная переориентация и перестройка во внешней политике Индии, что отразилось в улучшении отношений Нью-Дели со своими небольшими соседями. В 2006 г. Нью-Дели продемонстрировал готовность пересмотра неравноправных договоров с Бутаном, что, в свою очередь, способствовало потеплению отношений с Непалом. Заметно улучшились отношения Индии с Бангладеш, который в прошлом оказывал поддержку антииндийским повстанцам. С 2011 г., стороны заключали соглашения по демаркации границ, урегулированию морской границы, а также заявили о планах совместного использования водных ресурсов. Нормализация отношений Нью-Дели с Мьянмой также способствовала ограничению передвижения повстанцев через индийскую границу.

Вместе с тем, даже несмотря на быстрый рост своего военного потенциала, Индия проявляет сдержанность в использовании силы. В частности, Нью-Дели отклонил приглашение о военном вмешательстве в Шри-Ланке в 2009 г. и воздержался от интервенций в Афганистане и Мальдивах. Использование или угроза применения силы имели место только в тех случаях, когда Индия сталкивалась с угрозой на своих границах с Пакистаном (конфликт в Каргиле в 1999 г. и авиаудар по Балакоту в 2019 г.) и Китаем (в Докламе в 2017 г. и Ладакхе в 2020 г.).

С учетом высоких темпов роста индийской экономики малые государства региона начинают смотреть на Индию не только через призму вызовов национальной безопасности, но и с точки зрения экономической целесообразности. К примеру, Шри-Ланка в 1998 г. наладила более тесные торгово-экономические отношения с Индией, подписав соглашение о свободной торговле между двумя странами. Бангладеш также поддержал приход индийских инвестиций в страну, отказавших от страхов перед экономическим превосходством своего соседа. Индийской стороной был также пересмотрен подход к участию в Южно-Азиатской ассоциации регионального сотрудничества, так как организация предоставляет ей возможность для регионального лидерства.

В то же время, несмотря на изменения в южноазиатской подсистеме глобальной политики после окончания «холодной войны», региональные власти не исключают возможности воздействия на Южную Азию внешнего проникновения. Китай вкладывает значительные финансо-

вые ресурсы в Южную Азию в рамках своей инициативы «Один пояс, один путь» и, более того, усиливает свое военно-морское присутствие в Индийском океане, тем самым, по мнению Нью-Дели, посягая на традиционные морские владения Индии. В противовес китайской экспансии в регионе Нью-Дели инициировал концепцию субрегиональной экономической интеграции в рамках блока Бангладеш-Бутан-Индия-Непал и, что более важно, проявляет готовность взаимодействовать в рамках Четырехстороннего диалога по безопасности, объединяющего Индию с США, Австралией и Японией [44].

Таким образом, как показывает анализ современных проблем региональной безопасности, Южная Азия демонстрирует ограниченный прогресс в направлении мирных перемен из-за ряда фундаментальных факторов.

Прогресс Южной Азии будет зависеть от нахождения путей решения разнообразных конфликтов, что имеет решающее значение для высвобождения востребованных ресурсов для достижения экономического прогресса и занятия достойного места в мировой политике

Во-первых, сохраняется структурная напряженность между государствами региона, особенно между Индией и Пакистаном. Доминирование Индии в регионе заставляет другие государства опасаться, хотя и в меньшей степени, чем раньше, сближения с Нью-Дели. В то же время негативный эффект от доминирования Индии компенсируется способностью таких государств, как Бангладеш, Непал и Шри-Ланка, налаживать более тесные связи с Китаем.

Во-вторых, растущее присутствие Китая в регионе периодически вызывает напряженность в отношениях между Индией и некоторыми из ее соседей. Это усугубляется усилением напряженности внутри государств, когда, например, Мальдивы, Непал и Шри-Ланки идут на сближение с КНР, стремясь уравновесить доминирование Индии. Между тем, если двусторонние отношения стран региона с Индией длительное время остаются нормальными (Афганистан, Бутан, в последнее десятилетие Бангладеш), китайский фактор не вызывает у этих государств напряженности в отношениях с Индией.

В-третьих, внутренние конфликты время от времени распространяются на соседние государства, тем самым обостряя напряженность в межгосударственных отношениях. Этот тезис подтверждается тем, что политика Н.Моди в поддержку индийского коммунализма продолжает вызывать обеспокоенность в Бангладеш или напряженностью в индо-пакистанских отношениях, или тем, что тамилско-сингальский конфликт нанес серьезный ущерб развитию отношений между Индией и Шри-Ланкой.

В-четвертых, перспектива роста региональных экономических отношений ограничивается гораздо более активным участием государств Южной Азии во внерегиональной экономике и отсутствием политической воли Индии и Пакистана в установлении взаимовыгодных торгово-экономических отношений.

Наконец, *в-пятых*, Южно-Азиатская ассоциация регионального сотрудничества не имеет возможности обеспечить процесс региональной интеграции из-за политических ограничений, препятствующих сотрудничеству между ее государствами-членами, особенно между Индией и Пакистаном; об этом свидетельствует ограниченный рост доли внутрирегиональной торговли между странами-членами ассоциации.

По сравнению с эпохой «холодной войны» наблюдается некоторый позитивный сдвиг в сфере региональной безопасности в Южной Азии, однако перспективы укрепления стабильности в регионе остаются относительно низкими. Представители экспертного сообщества сходятся во мнении, что движение в сторону мирных изменений в Южной Азии должно прежде всего включать улучшение отношений между Индией и Пакистаном. В конечном итоге прогресс Южной Азии будет зависеть от выбора путей решения разнообразных конфликтов (национальных, международных, региональных, кастовых, общинных, этнических), что имеет решающее значение для высвобождения востребованных ресурсов и достижения экономического прогресса и позволит региону занять достойное место в мировой политике. Вряд ли можно сомневаться в многообещающих мирных дивидендах для народов региона и экономических выгодах для мировой экономики от безопасной и стабильной Южной Азии.

Литература

1. *Яковлев А.* Проблемы построения системы региональной безопасности в Южной Азии // Социально-гуманитарные знания, 2013, №6. – С. 282-293.

2. In South Asia's Weak States: Understanding the Regional Insecurity Predicament. Edited by V. Paul. Stanford University Press, 2010.

3. Wurzeln des Kaschmirkonflikts liegen in der Struktur der britischen Herrschaft // Die Welt. 27.02.2019. https://www.welt.de/geschichte/article189487113/Kaschmir-Konflikt-Fuenf-blutige-Kriege-zwischen-Indien-und-Pakistan.html

4. *Лицарева Е.* История стран Азии и Африки новейшего времени. 1945–2011 гг.: Учебное пособие. Томский государственный университет, 2012. С.6.

5. *Dalrymple W.* The Great Divide. The violent legacy of Indian Partition // The New Yorker. June 29, 2015. https://www.newyorker.com/magazine/2015/06/29/the-great-divide-books-dalrymple

6. *Кашин В.* Индия: корни регионального сепаратизма// Азия и Африка сегодня, 2010, № 7. – С. 28–35.

7. *Смокотин В.* Многоязычие и проблемы преодоления межъязыковых и межкультурных коммуникативных барьеров в современном мире. – Томск. Изд-во Томского университета, 2010.

8. *Васильева Л.* История языка урду и его статус в Пакистане// Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность, Вып. 4, 2020. – С. 138-149.

9. India. The World Fact Book. 2015. https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/in.html

10. *Празаускас А.* Межэтнические конфликты в странах зарубежного Востока. – М.: Изд-во «Наука». 1991.

11. South Asia's Weak States: Understanding the Regional Insecurity Predicament. – Stanford University Press, 2010.

12. *Staniland P.* Political Violence in South Asia: The Triumph of the State? September 3, 2020. https://carnegieendowment.org/2020/09/03/political-violence-in-south-asia-triumph-of-state-pub-82641

13. *Ziring L.* Pakistan in the twentieth century: a political history. – Oxford University Press, 1997. – P. 172.

14. *Хашханов А.* Этнический сепаратизм в Пакистане как угроза региональной безопасности // Вестник РУДН, серия «Международные отношения», сентябрь 2015. Т. 15, № 3. – С. 145.

15. *Топычканов П.* Ислам и пути государственного развития Пакистана // Московский Центр Карнеги. Брифинг. Т. 11. Вып. 2, 2009. – С. 6.

16. Двухсерийная война. Почему тамильские тигры проиграли армии Шри-Ланки // Независимое военное обозрение. 09.08.2019. https://nvo.ng.ru/wars/2019-08-09/15_1056_srilanka.html

17. *Wжver O., Buzan B.* Regions and Powers. – Cambridge University Press, 2003.

18. *Sridhar Khatri.* South Asian Regional Cooperation: Its Implications for Nepal // Asian Survey. Vol. 25. No. 4, 1985. – P. 428.

19. *Basrur R.* Modi's Foreign Policy Fundamentals: A Trajectory Unchanged // International Affairs, 2017, №1. – P. 7–26.

20. *Rajat Ganguly.* The consequences of partisan intervention in secessionist wars: Lessons from South Asia// Contemporary South Asia, 1997, 6(1). – P. 8.

21. *Buzan B.* Security Architecture in Asia: the Interplay of Regional and Global Levels // The Pacific Review. Vol. 16, No.2. 2003. – P. 143-173.

22. *Rajesh Basrur, Kate Sullivan de Estrada.* Rising India. Status and Power. – Routledge. 2017.

23. *Ayoob M.* From Regional System to Regional Society: Exploring Key Variables in the Construction of Regional Order//Australian Journal of International Affairs. 1999. Vol.53. No. 3. – P. 83.

24. *Толмачев Ю.* Проблема пограничного урегулирования в китайско-индийских отношениях в 1950-е годы // Вестник Рязанского государственного университета, 2013, №2 (39). – С. 88–96.

25. *Никитина В.* Индийско-советские отношения: заключение договора о мире, дружбе и сотрудничестве // Вестник Воронежского государственного университета, серия: история. политология. социология, 2007, № 2. – С. 105.

26. *Белокреницкий В.* Между индийским молотом и афганской наковальней// Международные процессы. Т.9. № 2, май-август 2011. – С. 108.

27. *Володин А.* «Ядерное противостояние» в Южной Азии// Контуры глобальных трансформаций. Т. 11, №6, 2018. – С. 52.

28. *Kumaraswamy P.* Terrorism in South Asia: The Changing Trends//South Asia: Journal of South Asian Studies, Vol.XXX, no.1, April 2007. – P. 7-24.

29. The Other Side of Terror: An Anthology of Writings on Terrorism in South Asia. – New Delhi: Oxford University Press, 2009. – P.26.

30. См.: *Туляганова Н.* Сикхское сепаратистское движение в Пенджабе и проблема сохранения целостности Индии (1970-1980 годы): Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. Ташкент, 1993. – С. 18.

31. Индия: столкновения в годовщину штурма Золотого храма // BBC. 6 июня 2014. https://www.bbc.com/russian/rolling_news/2014/06/140606_rn_india_golden_temple_clashes

32. *Кожушко Е.* Современный терроризм: анализ основных направлений. – Минск: Изд-во Харвест, 2000. – С. 204.

33. *Чекризова О.* Особенности эволюции исламского радикализма в Пакистане// Вестник МГИМО-Университета, 2013, №5. – С. 108.

34. Pakistan: Assessment – 2020. South Asia Terrorism Portal. https://www.satp.org/

35. In Pakistan, Taliban massacre of schoolchildren fuels broad outrage // The Washington Post. December 16, 2014. https://www.washingtonpost.com/world/taliban-storm-a-public-school-in-pakistan/2014/12/16/bcd6f928-84f8-11e4-b9b7-b8632ae73d25_story.html

36. *Васильев Л.* Проблемы безопасности в Восточной Евразии. Борьба с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. – М.: Учреждение Российской академии наук, Институт Дальнего Востока РАН, 2009. – С. 118.

37. *Kumaraswamy P.* Terrorism in South Asia: The Changing Trends//South Asia: Journal of South Asian Studies, Vol.XXX, no.1, April 2007. – P. 7-24.

38. Global Terrorism Index 2020. Measuring the impact of terrorism/ Institute for Economics & Peace, Sydney, November 2020. http://visionofhumanity.org/reports

39. *Кашин В.* Индия – Пакистан: восьмой десяток военного противостояния// Азия и Африка сегодня, 2018, №6. – С. 18-25.

40. Demand for Grants 2020-21 Analysis: Home Affairs // PRS Legislative Research. February 11, 2020. https://www.prsindia.org/parliamenttrack/budgets/demand-grants-2020-21-analysis-home-affairs

41. *Хак М.* Борьба за автономию и этнорелигиозный фактор в политической жизни Народной Республики Бангладеш // Вестник РУДН, серия «Политология», 2009, №2. – С. 73-79.

42. *Staniland P.* Political Violence in South Asia: The Triumph of the State? September 3, 2020. https://carnegieendowment.org/2020/09/03/political-violence-in-south-asia-triumph-of-state-pub-82641

43. *Kumaraswamy P.* Terrorism in South Asia: The Changing Trends//South Asia: Journal of South Asian Studies, Vol.XXX, №1, April 2007. – P. 23.

44. *Си Раджа Мохан.* Политика присоединения? Стратегические и экономические интересы Индии в Quad // Международный дискуссионный клуб «Валдай», 01.12.2020. https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/politika-prisoedineniya/

А. Умаров

Афганистан – объединяющий фактор между Центральной и Южной Азией

Во внешнеполитической стратегии Узбекистана уделяется существенное внимание стабилизации ситуации в Исламской Республике Афганистан (ИРА) и поиску компромиссных решений длительного вооруженного конфликта в этой стране. В данном направлении Ташкент налаживает все более тесные двусторонние контакты с такими важными странами Южной Азии, как Индия и Пакистан, которые оказывают серьезное влияние на развитие событий в Афганистане. В выступлениях Президента Узбекистана Ш.М. Мирзиёева отмечается приоритет Южной Азии в обновленной внешней политике страны, подчеркивается особое внимание строительству Трансафганского траспортного корридора, соединяющего регионы Центральной и Южной Азии [1].

Краткая история взаимодействия регионов. Афганистан в контексте исторического развития не раз менял формат взаимодействия с Центральной Азией под влиянием складывающихся реалий. В период греко-бактрийского царства, Кушанской империи, Газневидов, Темуридов и Бабуридов Афганистан входил в региональный комплекс безопасности, простиравшийся от северных областей современного Казахстана (Золотая Орда) до прибрежных регионов современной Индии. После похода Бабура в Индию и основания государства Бабуридов в этой стране фактически было образовано новое геополитическое и геоэкономическое пространство, объединяющее современные территории Центральной и Южной Азии. Поскольку Бабуриды происходили из Цент-

Умаров А., главный научный сотрудник Центра международных экономических и политических исследований УМЭД.

ральной Азии, они способствовали активному расширению политических, торгово-экономических и культурно-гуманитарных связей между двумя регионами. Афганистан стал центральным элементом, соединяющим мостом этого обновленного пространства.

После развала империи Бабуридов и завоевания Индии Британией Афганистан начал выполнять функцию инсулятора/изолятора, были достигнуты договоренности между Российской империей и Великобританией в 1885, 1895 и 1907 гг. о разграничении сфер влияния и установлении «буферной зоны» на афганской территории [2]. Таким образом, общее пространство, включающее Центральную и Южную Азии, распалось и Афганистан вместо интегрирующего фактора превратился в разъединяющую два крупных региона территорию. Этот статус-кво сохранялся чуть более 70 лет до начала военной операции СССР в Афганистане в 1979 г.

Афганистан в контексте исторического развития менял формат взаимодействия с Центральной Азией под влиянием складывающихся реалий различных периодов.

Разрушение колониальной системы после Второй мировой войны, возникновение Пакистана и Индии, а также ввод войск СССР в Афганистан привели к фактическому аннулированию российско-британских договоренностей об этом регионе. В результате центральноазиатские государства в 1979-1989 гг. не по своей воле вновь стали вовлеченными в военно-политические и социально-экономические процессы в соседней стране. Усилилась взаимосвязь в сфере безопасности между Центральной и Южной Азией через Афганистан.

Вывод советских войск из Афганистана в 1989 г. сопровождался постепенной дестабилизацией внутриполитической ситуации и в СССР, и в послевоенном Афганистане. В результате развала Советского Союза в 1991 г. в Центральной Азии образовались 5 независимых государств, которые начали предпринимать деятельные шаги в целях укрепления собственного суверенитета. В этих условиях разрастающийся внутренний конфликт в Афганистане все в большей степени воспринимался как потенциальная угроза безопасности странам Центральной Азии. Более того, внутренний хаос в соседней стране привел к созданию там базы подготовки и размещения террористических вооруженных образований [3]. Ряд их попыток инфильтрации в Узбекистан и Кыргызстан в конце 1990-х годов был пресечен национальными вооруженными силами стран Центральной Азии [4].

Последние четыре десятилетия афганский фактор оказывает все большое влияние на региональную безопасность всей Южной Азии. События в Афганистане напрямую воздействуют на ситуацию в Пакис-

тане и становятся одним из факторов перетекания нестабильности на приграничные пакистанские провинции.

Вместе с тем события в Афганистане и приграничных с ним территориях Пакистана привлекают повышенное внимание и участие в них другой крупной державы Южной Азии – Индии, которая рассматривает эти процессы не только в контексте внутренней безопасности, но и в плане ослабления своего регионального соперника – Пакистана. Таким образом, афганский фактор обретает особое значение в индо-пакистанских отношениях. Еще с начала военной операции СССР в ИРА Индия и Пакистан все в большей степени расширяли свое присутствие в этой стране для установления значимого влияния и недопущения превращения афганской территории в зону доминирования противника [5].

События в Афганистане напрямую воздействуют на ситуацию в Пакистане и становятся одним из факторов перетекания нестабильности на приграничные пакистанские провинции.

Самым спорным вопросом во взаимоотношениях Афганистана и Пакистана является то, что статус пограничных территорий, на которых проживают пуштуны, так до конца и не определен. Эти государства разделяет так называемая «Линия Дюранда», получившая это название по имени высокопоставленного чиновника британской колониальной администрации, который в 1893 г. договорился с афганским эмиром Абдуррахман-ханом о разделении английских колониальных владений в Пакистане от Ирана до Китая [6]. Ни одно афганское правительство с уходом англичан из Индии так и не признало ее полноценной государственной границей [7].

Возможность влиять на ситуацию в соседней стране у Пакистана увеличилась после ввода советских войск на территорию Афганистана в декабре 1979 г. США и страны Запада, а также радикальные организации на Ближнем Востоке выделяли значительные средства на поддержку противостоящим советской армии афганским моджахедам. Основная часть этих средств передавалась через Пакистан, поскольку именно в этой стране проходили подготовку основные силы моджахедов [8]. Однако после вывода советских войск из Афганистана в 1989 г. Пакистан оказался в затруднительном положении, так как не обладал финансовы-

События в Афганистане и приграничных с ним территориях Пакистана привлекают повышенное внимание и участие в них Индии, которая рассматривает эти процессы как в контексте внутренней безопасности, так и в плане ослабления своего регионального соперника – Пакистана.

ми возможностями для постоянного поддержания влияния на ситуацию в Афганистане.

В 1994 г. при непосредственной поддержке межведомственной разведки (ISI) Пакистана в южных районах Афганистана сформировалось движение «Талибан» [9]. В течение двух лет талибы установили свою власть на большей части территории Афганистана. Антиталибские силы оставались только на севере страны. В период правления движения «Талибан» в 1996-2001 гг. Пакистан обладал широкими возможностями влияния на ситуацию в соседней стране.

Индия встревоженно наблюдала постепенное увеличение участия Исламабада в афганских процессах в течение 1980-1990-х гг. Афганистан чаще всего рассматривался исключительно через призму безопасности и при доминанте террористической угрозы Нью-Дели с этой территории. В противовес тесным связям Пакистана с движением «Талибан» Индия целенаправленно укрепляла контакты с альтернативной афганской политической силой в лице так называемого «Северного альянса» [10]. Такая поддержка ставила цель сбалансировать влияние Исламабада на афганской территории и поддерживать связи с противоборствующими талибам силами. В этом контексте индийская сторона установила тесное сотрудничество с Россией и Ираном для оказания последовательной помощи «Северному альянсу» [11] и недопущения захвата всего Афганистана политическими силами, сотрудничающими с Пакистаном.

В период правления движения «Талибан» в 1996-2001 гг. Пакистан обладал широкими возможностями влияния на ситуацию в соседней стране.

Так Афганистан превратился в источник угроз безопасности региона и стал определяющим фактором комплексов безопасности стран Центральной и Южной Азии. Поэтапное наращивание взаимодействия стран Центральной и Южной Азии как в двустороннем, так и в многостороннем формате (например, контактная группа «6+2») по вопросам урегулирования афганского конфликта актуализировало постепенное возвращение Афганистана к исторической роли в качестве интегрирующего моста двух регионов.

Территориальное соседство имеет тенденцию генерировать более тесное взаимодействие по вопросам безопасности и экономики между соседями, чем среди государств, расположенных в разных регионах. Модели сотрудничества или соперничества наиболее отчетливо проявляются на региональном уровне. Ощущение конкуренции или позитивных взаимоотношений между странами региона, как правило, не импортируется из системного уровня, а генерируется внутри региона под влиянием истории, политики и материальных условий [12]. Для боль-

шинства государств в международной системе региональный уровень является решающим для их процветания и устойчивого развития.

Рассмотрим развитие отношений между Центральной и Южной Азией: возможности и потенциальные сложности.

Поэтапное наращивание взаимодействие стран Центральной и Южной Азии как в двустороннем, так и в многостороннем формате по вопросам урегулирования афганского конфликта актуализировало постепенное возвращение Афганистана к исторической роли в качестве интегрирующего моста двух регионов.

По мере вовлечения международных сил в процесс стабилизации ситуации в Афганистане эта страна становилась ключевой площадкой возобновления исторических контактов между Центральной и Южной Азией, жизненно заинтересованных в стабильности соседней страны. В этой связи ранее выполнявший функции изолятора Афганистан, разделяющий противоборствующие силы, становится центром нового макрорегиона, соединяющего Центральную и Южную Азию.

Нарастающие столкновения между правительственными силами и другими вооруженными группами в Афганистане, а также противоречия между политическими лидерами, представляющими разные провинции страны, угрожают единству государства. Внутренние проблемы Афганистана влияют и на его внешние контакты. Провинции Афганистана все в большей степени налаживают тесные отношения в сферах экономики и безопасности с приграничными государствами, нежели с другими соседними афганскими регионами. Региональный комплекс безопасности Центральной Азии подвержен сильному влиянию северных провинций Афганистана по сравнению с западными и южными регионами. В то же время южные и восточные районы страны имеют близкие связи практически во всех сферах с Пакистаном и с комплексом безопасности Южной Азии.

Уникальность Афганистана заключается в том, что страна может переформатировать линии разграничения между Центральной и Южной Азией, проходящие внутри ее территории, в границу добрососедства, взаимопонимания, доверия и разностороннего сотрудничества. На наш взгляд, своеобразная граница между Центральной и Южной Азией проходит через центральные провинции Афганистана, при этом северные и северо-западные провинции страны ближе к Центральной Азии, а южные и восточные провинции – к Южной Азии. Природным разделителем Северного Афганистана от остальной части страны служит горная система Гиндикуш, которая протянулась практически через всю центральную часть страны.

Реализация инфраструктурных проектов, объединяющих разделенные провинции Афганистана, также обернется ростом взаимодействия между регионами Центральной и Южной Азии. Строительство автомобильных и железных дорог, пересекающих Афганистан, как наиболее короткий маршрут соединения регионов способно подтолкнуть не только рост социально-экономического сотрудничества, но и наращивание политических и культурно-гуманитарных контактов. Более того, имплементация масштабных экономических проектов может стимулировать возникновение новых рабочих мест, генерации доходов государственного бюджета и цепочек сервисного обеспечения эффективной работы авто- и железных дорог.

По мере вовлечения международных сил в стабилизацию ситуации в Афганистане эта страна становилась ключевой площадкой возобновления исторических контактов между Центральной и Южной Азией, жизненно заинтересованных в стабильности соседней страны.

Учитывая экспортоориентированные модели экономического развития, страны Центральной Азии остро нуждаются в новых рынках сбыта производимых в регионе товаров и услуг. В последнее столетие основными рынками распространения для стран Центральной Азии служило нынешнее постсоветское пространство. Наряду с позитивными результатами подобное однобокое развитие экспортных возможностей сужает возможности региона по выбору наиболее оптимальных рынков реализации. Более того, население стран на этой территории с 1989 по 2019 г. выросло всего на 4,2 % – с 285,7 до 297,8 млн человек [13]. Основной вклад в этот рост внесли страны Центральной Азии и Азербайджан, а в остальных постсоветских странах наблюдается неуклонное снижение населения, которое может существенно убавится к 2050 г. до 284 млн и быть меньше населения одной такой страны, как Нигерия [14].

В этом ракурсе население Южной Азии в 1,95 млрд [15], высокие темпы экономического развития и наличие в этой части света таких ведущих региональных держав, как Индия и Пакистан, делают регион привлекательным партнером для стран Центральной Азии. Ожидается, что при полной реализации проекта железной дороги Мазари-Шариф – Кабул – Пешавар на транспортировку товаров из Пакистана в Узбекистан придется тратить не 35 дней, а всего 3–5 дней [16]. Согласно прогнозным оценкам, расходы на перевозку контейнера от Ташкента до Карачи ориентировочно составят 1400-1600 долл. США, тогда как по уже эксплуатируемому маршруту Ташкент – Бандар-Аббас – 2600-3000 долл. США [17].

Уникальность Афганистана в том, что страна может переформатировать линии разграничения между Центральной и Южной Азией, проходящих внутри ее территории, в границу добрососедства, взаимопонимания, доверия и разностороннего прогресса.

Возведение железной дороги из Мазари-Шарифа до Пешавара предполагает создание системной инфраструктуры в виде 264 мостов, 7 тоннелей и 641 водопропускного сооружения [18], которые могут дать новый импульс развитию территорий и в Афганистане, и в Пакистане. Уже длительное время обсуждаются проекты строительства линий электропередач «CASA-1000» из Центральной в Южную Азию, а также трансафганского газопровода ТАПИ (Туркменистан-Афганистан-Пакистан-Индия), которые также могли бы углубить уровень кооперации соседних регионов и создать полноценную соединенность между севером и югом Евразии, оказав стимулирующее воздействие на экономическое развитие различных частей континента.

Наряду с перспективными возможностями, которые появляются в процессе более тесной интеграции регионов Центральной и Южной Азии, следует отметить ряд потенциальных сложностей на этом пути.

1. Безусловно, нестабильная ситуация в Афганистане сильно усугубляет реализацию каких-либо проектов, не говоря уже о крупных инфраструктурных объектах, требующих существенных вложений при высоких инвестиционных рисках и обеспечение высокого уровня безопасности при скоплении большого количества зарубежных и местных специалистов. Трудности в мирном переговорном процессе между правительством ИРА и движением «Талибан» в Дохе спустя шесть месяцев после их запуска в сентябре 2020 г. пока не демонстрируют возможность скорого нахождения компромиссных решений между противоборствующими сторонами. В то же время уровень боеспособности афганских Вооруженных сил и их контроль территорий внутри страны остаются ограниченными. Отмечается несогласованность и соперничество в действиях различных представителей афганского руководства по различным вопросам современного и будущего развития страны.

2. Разногласия между правительством Афганистана и пакистанским руководством могут серьезно усугубить создание соединяющего моста между Центральной и Южной Азией через афганскую территорию. В афганском политическом истеблишменте есть многочисленная группа людей, воспринимающая Исламабад в негативном ключе и не доверяющая его намерениям по поддержке урегулирования афганского конфликта, а тем более по созданию важной социально-экономической инфраструктуры. Одной из программных целей президента А.Гани сразу после избрания в 2014 г. было объявлено налаживание близких отно-

шений с Пакистаном с целью прекращения войны в Афганистане. В ходе своего первого визита в Пакистан в ноябре 2014 г. он заявил о необходимости начать новую эру в отношениях двух государств и установить «настоящую и честную дружбу» между ними [19]. Однако впоследствии отношения вновь ухудшились и заявленные планы сотрудничества так и не удалось реализовать.

3. Сохраняющийся высокий уровень недоверия и враждебности во взаимоотношениях между Нью-Дели и Исламабадом также проецируется на взаимоотношения стран вокруг урегулирования афганского конфликта. Продвигаемые планы по экономическому восстановлению страны и возведение на ее территории крупных инфраструктурных объектов не всегда имеют равнозначные роли для Индии и Пакистана. В то же время Индия поощряет усилия правительства Афганистана по сотрудничеству с индийской стороной, чтобы ограничить потенциальные преимущества Пакистана в Афганистане. Пользуясь противоречиями между политикой ИРП и ИРА, индийское правительство активно способствует созданию благоприятных условий для продвижения собственных национальных интересов на афганской территории. В этом свете, учитывая тесные контакты Нью-Дели с Кабулом, особое значение Индии в афганском мирном процессе и широкое присутствие в различных афганских провинциях, несогласованная с индийской стороной имплементация проектов в Афганистане может оказаться неудачной и неплодотворной.

Стабильный, предсказуемый и динамично развивающийся Афганистан может стать важным мостом между Центральной и Южной Азией, а также ключевым игроком в восстановлении исторического Шелкового пути с учетом современных обстоятельств.

Можно утверждать, что Центральная и Южная Азия относятся к наименее интегрированным регионам мира. Наряду с безусловно важными внутренними проблемами фактор нестабильности в Афганистане продолжает оказывать деструктивное воздействие на укрепление и внутрирегионального, и межрегионального взаимодействия между Центральной и Южной Азией. Однако, как показывает многолетний опыт, выстраивание чрезмерно секьюритизированной внешнеполитической линии государствами обоих регионов на афганском направлении не способно принести конструктивные результаты в интересах государств этих регионов. Десекьюритизация афганского вопроса, планирование и имплементация важных инфраструктурных проектов, пересекающих ИРА и связывающих регионы Центральной Азии и Южной Азии, может дать позитивный толчок политической, социально-экономической и куль-

турно-гуманитарной интеграции данного масштабного пространства от Каспийского моря до Индийского океана.

Перспективы устойчивого развития стран Центральной и Южной Азии неразрывно связаны с достижением мира в соседнем Афганистане. Стабильный, предсказуемый и динамично развивающийся Афганистан может стать важным мостом между Центральной и Южной Азией, а также ключевым игроком в восстановлении исторического Шелкового пути с учетом современных обстоятельств. Важно реалистично оценивать возможности государств Центральной и Южной Азии в урегулировании афганского конфликта, проявлять долгосрочную приверженность к установлению мира в этой стране и выстраиванию комплексного межрегионального сотрудничества. Ряд серьезных проблем, сдерживающих развитие контактов между Центральной и Южной Азией, подтверждает необходимость прохождения тернистого пути по интеграции двух регионов и выработке нестандартных решений по установлению компромиссного мира в Афганистане.

Литература

1. South Asia is one of the priority directions of Uzbekistan's foreign policy in 2021. // UzDaily.com, 5 January 2021. https://www.uzdaily.uz/en/post/62853

2. Сборник договоров России с другими государствами. 1856-1917. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1952. – С. 264-266, 284-286, 386-394. http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/FOREIGN/cntrasia.htm

3. *Parham Steven.* "The Problem with Our Borders in Batken": Local Understandings of Border Control and Sovereignty in Kyrgyzstan // The Regional Security Puzzle around Afghanistan: Bordering Practices in Central Asia and Beyond, edited by Rytцvuori-Apunen Helena. – Opladen; Berlin; Toronto: Verlag Barbara Budrich, 2016.

4. *Fredholm Michael.* Uzbek Islamic Extremists in the Civil Wars of Tajikistan, Afghanistan, and Pakistan: From Radical Islamic Awakening in the Ferghana Valley to Terrorism with Islamic Vocabulary in Waziristan // Krawchuk A., Bremer T. (eds) Eastern Orthodox Encounters of Identity and Otherness. – New York: Palgrave Macmillan. 2014. https://doi.org/10.1057/9781137377388_21

5. *Ahmed, Zahid Shahab* and *Stuti Bhatnagar.* Pakistan-Afghanistan Relations and the Indian Factor // Pakistan Horizon 60, no. 2 (2007) – P. 159-74. http://www.jstor.org/stable/41500069

6. *Omrani Bijan.* The Durand Line: history and Problems of the Afghan-Pakistan Border // Asian Affairs, 40:2 (2009): 177-195, DOI: 10.1080/03068370902871508

7. *Пахомов Е.* Пакистан – Афганистан: синдром неразделенных братьев // Pro et Contra, 2009, № 2. – С.56.

8. *Hilali A.Z.* (Ed.). US-Pakistan Relationship: Soviet Invasion of Afghanistan (1st ed.). – Routledge. 2017. https://doi.org/10.4324/9781315235165

9. *Rashid A.* Taliban. – New Haven, London. 2000.

10. Ganguly Sumit and Howenstein Nicholas. India-Pakistan Rivalry in Afghanistan // Journal of International Affairs 63, no. 1 (2009). – P. 127-40. http://www.jstor.org/stable/24384176

11. *Harsh V.* Pant. India in Afghanistan: a test case for a rising power, Contemporary South Asia, 18:2, 2010: 133-153, DOI: 10.1080/09584931003674984

12. *Buzan Barry & Waever Ole.* Regions and Powers. The Structure of International Security. – Cambridge, Cambridge University Press, 2003.

13. За прошедшие 30 лет численность населения увеличилась в 6 бывших союзных республиках, в 9 она сократилась. // Демоскоп Weekly Института демографии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», № 833 – 834 от 4 - 17 ноября 2019. http://www.demoscope.ru/weekly/2019/0833/barom02.php

14. *Luo Li Ping.* Demographic Divergence. // Radio Free Europe/Radio Liberty, 2016. https://www.rferl.org/a/27927989.html#:~:text=Twenty%2Dfive%20years%20after%20its,a%20lower%20estimate%20than%20Nigeria's.

15. Southern Asia Population. // Worldometer, February 2021. https://www.worldometers.info/world-population/southern-asia-population/

16. ИСМИ: Афганистан – это связующий мост между Центральной и Южной Азией. // Институт стратегических и межрегиональных исследований при Президенте Республики Узбекистан, 2 февраля 2021. http://isrs.uz/ru/yangiliklar/ismi-afganistan-eto-svazuusij-most-mezdu-centralnoj-i-uznoj-aziej

17. *Арипов Элдор.* «Мазари-Шариф – Пешавар»: коридор в новое будущее Центральной и Южной Азии. // Газета.уз, 11 февраля 2021. https://www.gazeta.uz/ru/2021/02/11/route/

18. Там же.

19. *Haider M.* Afghan president wants "real and honest friendship" with Pakistan // Dawn, 10 Novemver 2014. http://www.dawn.com/news/1143505

У.А. Хасанов

Феномен нации-государства в международных отношениях

Глобальная экономическая рецессия, вызванная пандемией COVID-19, внесла серьезные коррективы в планы развития многих государств и регионов мира. Ряд государств и регионов смогли мобилизовать внутренние и внешние финансовые ресурсы, проработать пакет антикризисных мер и удержать собственные экономики в резистентном состоянии, даже добиться некоторого оживления в деловой среде уже в начале 2021 г.

Оценки многих ученых и международных экспертов, в том числе и авторов ежегодного отчета Всемирного банка по итогам истекшего года, содержат примеры устойчивого сохранения базовых показателей экономической системы, среди них упоминается и правительство Республики Узбекистан.

Защитные программные действия национальной экономики от спада, вызванного пандемией, сопровождались реализацией комплексных антикризисных мер в социальной сфере и поддержкой малого и среднего бизнеса. Именно такие приоритеты, стоявшие перед страной, были обозначены в недавнем Послании Президента Ш.Мирзиёева Олий Мажлису: «Чтобы смягчить экономические, социальные и медицинские последствия пандемии, правительство республики предприняло антикризисные меры, направленные на продолжение реформ. Усилия правительства по смягчению экономических последствий пандемии включали значительные дополнительные расходы на здравоохранение и социальную помощь, а также финансовую поддержку фирм.» [1].

Хасанов У.А., зав. кафедрой «Международные отношения», УМЭД.

Защитные программные действия национальной экономики от спада, вызванного пандемией, сопровождались реализацией комплексных антикризисных мер в социальной сфере и поддержкой малого и среднего бизнеса. Именно такие приоритеты, стоявшие перед страной, были обозначены в недавнем Послании Президента Ш.Мирзиеева Олий Мажлису.

Глобальная пандемия COVID-19 внесла существенные коррективы и в споры о роли государства в современном мире. В большинстве государств приступили к разработке программных мер по смягчению воздействия нынешнего кризиса на экономику и социальную сферу. Главным приоритетом была обозначена задача создания благоприятных условий для функционирования государства как целостной системы.

В рамках научного дискурса не утихают споры о роли государства и его первооснов. В исследованиях всего сложного комплекса проблем пятитысячелетней истории международных отношений политологи сходятся во мнении об уникальном опыте становления государства в качестве его фундаментальной институции. Особую значимость придают документу, оставившему значимый след – Вестфальскому мирному договору 1648 г., заложившему основы современной государственно-национальной системы с четко оформленными принципами суверенитета.

Как считают многие политологи, Вестфальская система, ассоциируемая с моделью государства-нации, включает «...все атрибуты общепринятой формулы: общество + государственная политическая организация + суверенитет + территория» [2]. «Вестфалия» была моментом перехода от туманного средневекового христианства к современным державным государствам, отсюда и термин «Вестфальское государство».

В менее упрощенном виде многие ученые описывают сложность феномена «Вестфалия» и множество его значений. Американский юрист-международник Ричард Фальк [3] дает следующую развернутую характеристику: «Вестфалия» одновременно используется для обозначения события, идеи, процесса и нормативного оценочного принципа. Как событие, Вестфалия относится к мирному урегулированию, заключенному в конце Тридцатилетней войны (1618-1648), которое также послужило установлению структурной основы для сохранения мирового порядка, который время от времени претерпевал изменения, до настоящего времени. Как идея, Вестфалия относится к государство-центричному характеру мирового порядка, основанному на равном участии членов, предоставляемом исключительно территориально расположенным суверенным государствам. Как процесс, Вестфалия относится к меняющемуся характеру государства и государственного управления, как оно

развивалось в течение последних 350 лет с момента заключения договоров, с такими важнейшими вехами, как колониализм и деколонизация, появление новых видов вооружений, создание международных институтов и структур, рост глобальных рыночных механизмов и появление новых трансформационных процессов в мире» [4].

Вместе с тем сами по себе Вестфальские договоры никогда не рассматривались как происхождение современного государства или государства-нации и поэтому термин «Вестфальское государство» всегда был условным. Понять его характер и особенности можно только при детальном анализе обстоятельств, причин и рамификаций эпохи Тридцатилетней войны для Европы.

Государства-нации как главные субъекты. Ценность значения модели нации-государства в его Вестфальской интерпретации заключалась в территориальном оформлении Европы. Оно сопровождалось формированием государствоцентричной системы, которая будет доминировать в международных отношениях; эти изменения будут определять появление современных суверенных государств-наций с жестко фиксированными границами, чего ранее не наблюдалось.

Следует подчеркнуть, что события той эпохи затрагивали судьбы многих народов, которые сталкивались с комплексом проблем, напрямую определявших само существование и безопасность государств. Именно они легли в основу того, что обычно трактуется современными учеными как Вестфальская модель, что подразумевает «сообщество государств, основанное на принципе территориального суверенитета» [5]. Правоведы называют это «принципами национального суверенитета», включая обязательное правовое равенство и автономию, невмешательство в дела других государств, территориальную целостность и незыблемость границ как условия стабильного и устойчивого развития каждого национального субъекта международных отношений. Эти принципы положены в основу Устава ООН, общепризнанного института системы международной безопасности (ст. 2.7 Устава ООН) [6].

Модель государства-нации ассоциируемая здесь с Вестфальской системой предполагает «...все атрибуты общепринятой формулы: общество + государственная политическая организация + суверенитет + территория».

Долгая и наполненная противоречиями история международных отношений свидетельствует о том, что принципы Вестфальского мира не могли сразу же упорядочить характер и типологию взаимоотношений государств, создать их устойчивую структуру. Вестфальский мир и его значение для последующего развития мировой политики, экономи-

ки и права следует понимать как некий процесс (или модель) развития международной системы, так как в ее основе начал формироваться принципиально новый, детерминирующий игрок – национальное государство, обозначаемое в западной политологии термином "Nation-State" [7].

Выдающийся американский ученый, основатель школы политического реализма Ганс Моргентау видел феномен Вестфальского мира в первую очередь в том, что «территориальное государство стало краеугольным камнем современной государственной системы» [8], признавая «систему суверенных государств» [9] в качестве основы «нового мирового порядка». Многие международники подчеркивают важность возникновения концепции государственного суверенитета, хотя «нигде в договорах не упоминается само слово «суверенитет», особенно в связи с тем, что такого слова нет в латыни, языке, на котором первоначально были написаны договоры» [10].

Когда французская сторона, подписывающая Вестфальский договор, предложила включить ссылку на суверенитет, это предложение было немедленно отклонено. Хотя в договорах действительно упоминается право «территориальной юрисдикции» государств, крайне важно иметь в виду, что эта юрисдикция была подчинена внешнему правовому режиму, а именно – Священной Римской Империи. Политические образования внутри Священной Римской Империи не были суверенными государствами в современном понимании, что и характеризуется Вестфальским суверенитетом [11].

Подлинное значение модели нации-государства в его «Вестфальской» интерпретации заключалась в территориальном оформлении Европы, которая сопровождалась формированием государство-центричной системы, которая в последующем будет доминировать в международных отношениях и что эти изменения будут определять появление современных суверенных государств-наций с жестко фиксированными границами, чего ранее не наблюдалось.

Подобные примеры ясно отражают природу международного общения эпохи позднего средневековья, когда главенство империй сохранялась вплоть до 1806 г. Это подтверждает мысль об уникальности феномена Вестфальского мира как о процессе формирования государственного суверенитета, как некой modus vivendi [12], или универсальной модели и государственности, и всей системы международных отношений в сообществе равных.

Возникновение суверенных государств в Европе было процессом постепенным, а не спонтанным результатом революционного прорыва, вызванного Вестфальским миром. В конечном счете как модель он отра-

жал концепцию суверенитета, которая подверглась существенной трансформации на протяжении XIX–XX вв.. Имея на то полное основание, международники справедливо приписывают формирование такого феномена, как Вестфальская модель государства, Вестфальскому миру. Особенно ясно это проявилось в контексте анализа и понимания модификации и трансформации новой архитектуры мирового порядка после Второй мировой войны в рамках складывавшейся биполярной системы, а позже стало причиной ее распада и активизации новых политических процессов в мире. По сути это продолжает оказывать влияние на дискурсы по современным проблемам международных отношений.

Новую модель как институцию в рамках последующего развития мировой политики, экономики и права следовало бы понимать как некий процесс или модель развития международной системы, так как в ее основе начал формироваться принципиально новый, детерминирующий игрок – национальное государство, обозначаемое в западной политологии термином "Nation-State".

Традиционное суверенное равенство не учитывает поведенческие линии государств, поскольку нарушения Вестфальской модели были постоянной и повторяющейся особенностью международных отношений. Вестфальская модель никогда не служила панацеей и не могла объяснить девиантный характер ситуаций, в которых суверенное неравенство проявляло себя в ходе многих локальных и глобальных конфликтов. Необходимо это иметь в виду еще и потому, что процессы глобализации и растущей взаимозависимости продолжают бросать вызов устоявшейся модели Вестфальского суверенитета.

Многие политологи утверждают, что именно в это время происходит консолидация государств-наций в Европе. Пол Кеннеди, авторитетный специалист в этом вопросе, высказался по этому поводу так: «Между концом XV и концом XVII веков в большинстве европейских стран наблюдалась централизация политической и военной власти, обычно под властью монарха, а в некоторых местах под властью местного князя или меркантильной олигархии, сопровождавшаяся увеличением полномочий и методов государственного налогообложения и осуществлявшаяся гораздо более сложным бюрократическим аппаратом... Эта эволюция европейского национального государства была вызвана различными причинами. Экономические перемены уже подорвали большую часть старого феодального строя... Реформация в разделении христианского мира (...), распространение секуляризма на национальную основу. Упадок латыни и все более широкое использование народных языков политиками, юристами, бюрократами и поэтами усилили эту

Международники справедливо приписывают формирование такого феномена, как Вестфальская модель государства, Вестфальскому миру, особенно в контексте анализа и понимания модификации и трансформации новой архитектуры мирового порядка после Второй мировой войны в рамках складывавшейся к тому времени биполярной системы, и позже, причин ее распада и активизации новых политических процессов в мире, и что по сути продолжает оказывать влияние на дискурсы по проблемам международных отношений, превалирующих в современном научном сообществе.

светскую тенденцию. ... Неудивительно, что многие философы и другие писатели того времени считали национальное государство естественной и наилучшей формой гражданского общества... Но именно война и ее последствия оказали гораздо более настоятельное и постоянное давление на «национальное строительство», чем эти философские соображения и медленно развивающиеся социальные тенденции» [13].

Пол Кеннеди, говоря о «философах и писателях» [14], имеет в виду Макиавелли, вероятнее всего первого, кто использовал – еще в начале XVI в. – термин «государство» в его современной интерпретации, а также Гуго Гроция, который в 1625 г. (еще в середине Тридцатилетней войны) опубликовал свой труд «Три книги о праве войны и мира», в котором описывает государства как правовые индивидуумы и обозначает один из первых правовых принципов международного права (jusgentium). Позднее, в 1651 г., уже после Вестфальского мира, английский философ Томас Гоббс развивал сложную теорию государства в своем знаменитом произведении «Левиафан» [15].

Несмотря на относительную самостоятельность князей по отношению к надзору императора, они не смогли отстоять собственную территориальную автономию, что неминуемо отразилось на политической раздробленности и задержало на целых два столетия появление германского государства. На самом деле на карте мира только в середине XIX в. обозначилось возникновение двух великих европейских стран - Италии в 1860-70-х годах и Германии в 1870-х годах, именно в то время, как государственно-национальная система уже начала доминировать в европейской геополитике. Поэтому отличие княжеского государства от современного государства-нации связано в первую очередь с суверенитетом. Ведь законотворчество, сбор налогов, сбор солдат и ведение войн - все это считалось полномочиями суверена. Право создавать союзы - еще одна прерогатива суверенности князей. Таковы аргументы, подкреплявшие тезисы многих авторов той эпохи о том, что именно Вестфальский мир послужил толчком и источником возникновения суверенного государства.

Влияние великого французского мыслителя Жана Бодена на теоретическую концепцию суверенитета хорошо известно. Именно в его работе «Шесть книг о государстве», опубликованной в 1576 г., т.е. за семьдесят лет до Вестфальского Конгресса, находит свое подтверждение тезис Н.Макиавелли о суверенитете князя, которое также относится к XVI в. Вот что пишет Ж. Боден: «Когда Макиавелли опубликовал «Принца» в 1527 году, он был первым, кто дал обзор международного сообщества...Он начинает с характеристики того, что княжества не признают ни закона, ни власти над собой, тем самым заявляя о бесполезности культурного наследия средневековой христианской республики» [16].

Можно утверждать, что тот факт, что «Вестфалия» признает право князей создавать союзы для обеспечения безопасности и что имманентной особенностью современного государства, связанной с его правом объявлять и вести войну, является его суверенитет.

Еще одно название Вестфальского государства –«территориальное государство». Исследователи ссылаются на «территориальное превосходство», justerritoriale [17]. Такие политические образования не целостны и не инкорпорированы, поскольку не привносят ничего нового в империю, а наоборот, противоречат ему. Существовала территориальная демаркация религиозной веры, определенная князьями, но Вестфалия привнесла поправку и дополнила ее понятием политической демаркации или «территориальной демаркации» [18].

Нация-государство как модель. Среди специалистов-международников сложился общий консенсус относительно того, что Вестфальский мир внес ясность в определение национального, суверенного, светского, территориального государства, хотя и без утверждения того, что суверенитет есть его творение.

Многие исследователи отмечают новизну, вызванную «Вестфальской системой», причем ее контуры приобрели ясные очертания уже в XX в. наиболее отчетливо [19]. Можно перечислить черты такой системы: государственно-центричная, сформированная, как уже подчеркивалось, суверенными национальными государствами, равными, защищенными принципами невмешательства, с централизованными администрациями и секуляризованными институтами; отношения

Школа неореализма в международных отношениях отдает предпочтение системному анализу международных отношений, ученые часто ссылаются на систему как на результат порядка, установленного после Вестфальского мира где система ориентирована в первую очередь на главного ее субъекта – государство.

между этими государственными субъектами подчиняются принципу баланса сил и регулируются на его основе международным правом [20].

Критический анализ позволяет выделить две отличительные черты: государственно-центричную и принцип баланса сил. Школа неореализма в международных отношениях отдает предпочтение системному анализу международных отношений, часто исследователи ссылаются на систему как на результат порядка, установленного после Вестфальского мира, где система ориентирована на государство.

Европейский порядок после «Вестфалии» не стал однородной государственно-центрированной системой. Ситуация в Европе с середины XIX в. и далее неоднозначна, поскольку некоторые национальные государства оставались государство-центричными, ***реминисценциями*** Священной империи, сохранившей многие свои структуры, и сотнями других полисов с разной степенью автономии. Размельчение географического и политического пространства в Европе становилось очевидным благодаря разнообразию названий существовавших в те времена полисов: лордства, имперские города, графства, баронства, княжества, герцогства, ландграфства, имперские долины, королевства, свободные города, эрцгерцогства, аббатства, епископства, архиепископства, маркграфства и др.

Клаус Малеттке [21] описывает немецкую территорию того времени следующим образом: «Вся империя включала в себя в XVII веке тысячи более или менее автономных государств. С одной стороны, эта группа включала около трехсот государств или аналогичных структур, чьи лорды – светские и несветские – выборные лорды, князья, имперские графы и аббаты, магистраты имперских свободных городов – все имели территориальную юрисдикцию над своими территориями, находящимися в прямой зависимости от Империи, то есть имели право представительства в Имперском Сейме. С другой стороны, она включала имперскую кавалерию, которая не имела ни представительства, ни права голоса в Имперском Сейме, но имела юрисдикцию над своими небольшими, даже микро-территориями, особыми владениями, в общей сложности более тысячи» [22]. Этот факт подтверждает ограниченность их автономии – неспособность самостоятельно создавать оборонные структуры и обеспечивать собственную безопасность в качестве обязательного условия принципа суверенности.

Наиболее адекватной политической организацией для индустриального капитализма было государство-нация, когда внутренний рынок, управляемый политической властью, был основой для накопления капитала».

Джеффри Паркер ссылается на переписку Адлера Сальвиуса и Жана Оксенштерна, шведских дипломатов, полномочных представителей в Оснабрюке: «Как раздраженно докладывал граф Сальвиус своим доверенным лицам на конгрессе в конце 1646 года: «люди начинают видеть, что власть Швеции опасна для баланса сил». Их первое правило политики состоит в том, что безопасность всех зависит от равновесия индивидов. Когда человек начинает становиться могущественным ... , другие помещают себя, через союзы или союзы, в противоположное равновесие, чтобы поддерживать уравновешенность. Но эта идея едва ли была новой. Еще в 1632 году папская курия сообщила своим дипломатам за границей, что «интересам Римской церкви» лучше служит баланс сил, чем победа какого-либо отдельного государства. И это был принцип, к которому сама Швеция прибегала в прежние дни достаточно часто: в 1633 г. канцлер Оксенштерна заявил одному иностранному сановнику, что главной целью шведской интервенции в Германию было«сохранение равновесия во всей Европе» [23].

Важный принцип государствоцентричной системы заключался в признании того, что мир будет длиться только в том случае, если внешние гаранты коллективно будут обеспечивать равенство и уважение между государствами основных прав их народов на религию, собственность и надлежащую политико-правовую процедуру.

Европейский баланс сил, естественно, не вытекал из вестфальских договоров напрямую. Он сложился в Европе только к концу XVII в. не без участия таких факторов и обстоятельств, когда подъем Франции вынудил другие европейские государства объединить свои силы против Людовика XIV (1643-1715) [24]. По общему признанию, принцип баланса сил всегда присутствовал в логике событий Тридцатилетней войны и последовавшей за ней европейской территориальной реорганизации.

Можно утверждать, что государства-нации в современном понимании этого термина являются результатом слияния таких элементов, как конец старой средневековой модели вплоть до начала Французской революции, и возникновения в мировой истории такого понятия, как новое время, – это зарождение буржуазных отношений, промышленного капитализма и начало процесса индустриализации.

Анализируя структуру перемен в экономическом развитии Европы XVII в., можно прийти к выводу, что современное государство-нация основано на слиянии национально-государственного строительства и возникновении индустриального общества, когда структура промышленного производства изменила размеры территорий, над которыми

...и контроль, так к... менно изменение госу-
...тории отражается на харак...е экономического и
...го пространства.

...ким образом, в отличие от предыдущего состояния мировой экономики наиболее адекватной политической организацией для индустриального капитализма было государство-нация, в котором внутренний рынок, управляемый политической властью, был основой для накопления капитала» [25]. Ведь именно экономическое пространство в индустриальном обществе связано с внутренним рынком значительных размеров, основанным на регулировании со стороны государства.

Логическая связь между Вестфальским миром и дальнейшим процессом формирования института государства в качестве главного субъекта международных отношений помогает более правильному пониманию вектора развития нынешних тенденций и изменений на глобальном уровне и особенностей трансформации системных структур современной мировой политики.

Переход к современному государству-нации основан на решении важнейшего вопроса – легитимности власти с учетом того, что традиционный источник легитимности (династия, наследственность и наследие) оказался несостоятельным в новых условиях. Суверенитет определялся уже не монархом, а народом, социумом, и поэтому государство «поддерживается чувством национализма, которое является источником легитимности власти новой буржуазии» [26].

Системное значение нации-государства. Современная государственно-национальная система сформировалась в тех переходных обществах, через которые они прошли, когда откололись от античной модели государства, а именно во Франции, Великобритании и Соединенных Штатах Америки, а также в странах, где промышленное производство становилось все более динамичным и доминирующим, что происходило на протяжении XVIII – XIX вв., а по некоторым оценкам, вплоть до XX в.

Подлинным дипломатическим успехом мирного урегулирования в виде «Вестфалии» было достижение приоритета правовых, а не военных средства разрешения споров. Это означало, что князья больше не могли навязывать свою веру своим подданным, а князья, перешедшие в другую конфессию, больше не могли изменять конфессиональный статус своей территории. Это был действенный посыл для восстановления доверия между протестантами и католиками. Поскольку католические имперские сословия превосходили протестантские по численности, было

решено, что большинство голосов больше не будет иметь решающего значения в таких представительных органах, как Рейхстаг (имперский Сейм) по конфессиональным вопросам. Вместо этого представители князей должны были разделиться на религиозные партии и достичь урегулирования путем прямых переговоров. Этот принцип конфессионального паритета был также применен к имперской судебной системе, причем протестантским членам двух верховных судов было предоставлено де-факто право вето [27].

Важный принцип государствоцентричной системы заключался в признании того, что мир будет длиться только в том случае, если внешние гаранты коллективно будут обеспечивать уважение между государствами основных прав их народов на религию, собственность и надлежащую правовую процедуру.

Одним из ключевых итогов Вестфальских договоров была ее новаторская система гарантов, позволившая подписавшим ее сторонам обеспечить соблюдение условий урегулирования и создать систему коллективной безопасности [28], которая охватывала как внутренних гарантов (императора и принцев), так и внешних гарантов (Францию и Швецию). Последняя интегрировала эту систему в более широкий международный порядок ранней Европы. Эта гарантия была наиболее заметной, когда целостность и конституционное равновесие империи находились под угрозой, которая в некоторых случаях исходила от одного или нескольких самих гарантов, особенно от французского монарха Людовика XIV во второй половине XVII в. [29]. Гаранты, которые не были участниками спора, обычно вступали в него и защищали Вестфальский порядок - либо из принципиальных убеждений, либо из геополитических интересов, либо из комбинации того и другого.

Система гарантов также оказалась способной развиваться и расти в ответ на меняющиеся международные обстоятельства: геополитический упадок Швеции в течение XVIII в. сделал ее менее способной эффективно осуществлять гарантии (хотя формально она сохраняла свой полный статус вплоть до распада империи в 1806 г.), в то время как растущая мощь России возвела ее в статус гаранта в 1779 г. [30].

Именно нормы, установленные Вестфалией, служили сдерживающим фактором даже в случае их нарушения. Например, вопрос о нарушении договора обсуждался, в том числе и королем Людовиком XIV, с точки зрения вестфальских норм, с присущим ему предубеждением к миру. В конечном счете геополитические авантюры короля закончились неудачей, и нормы поведения, зафиксированные Вестфальским миром, сыграли главную роль в сдерживании его амбиций и объединении других европейских государств в союз против него [31].

Таким образом, успех системы гарантов был отчасти обусловлен широким нормативным признанием внешнего вмешательства для защиты прав и свобод. Кроме того, в империи существовала укоренившаяся традиция обращения за иностранной помощью. Наряду с государствоцентричным характером отношений это помогло сделать институт внешних гарантов эффективным и крайне востребованным, что, в свою очередь, усилило развитие политики баланса сил в качестве важнейшего стабилизирующего фактора всей системы международных отношений.

Модель нации-государства в значительной степени основана на определении концепции государственного суверенитета в XIX – XX вв. Крайне важно, что логическая связь между Вестфальским миром и возникновением системы суверенных государств исторически оправданна, так как помогает более правильному пониманию системных политических структур, превалирующих в современных мирополитических процессах.

Принципы Вестфальского мира послужили важнейшим толчком к формированию новой модели международных отношений, опирающейся на суверенное национальное государство. Этот процесс охватил последующие столетия развития мировой системы, от действий которой зависело становление и трансформация ее структуры, возникновение новых суверенных государств, их роли и значимости на политической карте мира и всю динамику развития комплекса политических процессов в мире, по-новому обозначив в них особую, во многом уникальную его роль в современных международных отношениях.

Литература

1. World Bank Country overview Uzbekistan: https://www.worldbank.org/en/country/uzbekistan/overview

2. *Mulcaire C.* How 'Westphalian' is the Westphalian Model? https://www.e-ir.info/2014/02/03/how-westphalian-is-the-westphalian-model/

3. *Falk R.* Revisiting Westphalia, Discovering Post-Westphalia //The Journal of Ethics 6 (4):311-352 (2002) https://philpapers.org/rec/FALRWD

4. Ibid.

5. *Krasner S.D.* 'Compromising Westphalia' in International Security. Vol. 20: 3 file:///C:/Users/User/Downloads/Krasner%20-%20Compromising%20Westphalia.pdf

6. Ibid.

7. Ibid.

8. *Morgenthau H.* Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace. – New York: McGraw-Hill http://saldanha.pbworks.com/f/Morgenthau.Politics+Among+Nations.pdf

9. Ibid.

10. *Mulcaire C.* How 'Westphalian' is the Westphalian Model? https://www.e-ir.info/2014/02/03/how-westphalian-is-the-westphalian-model/

11. Ibid.

12. Ibid.

13. *Kennedy Paul.* The Rise and Fall of the Great Powers // Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000. – London: Fontana Press. 1989. https://cheirif.files.wordpress.com/2015/08/paul-kennedy-the-rise-and-fall-of-the-great-powers-19891.pdf

14. Ibid.

15. Ibid.

16. *Гугняк В.* Жан Боден (1530-1596) как представитель раннего меркантилизма. – М., 2015 https://law-journal.ru/files/pdf/201505/201505_80.pdf

17. *FalkR.* Revisiting Westphalia, Discovering Post-Westphalia // The Journal of Ethics 6 (4):311-352 (2002) https://philpapers.org/rec/FALRWD

18. Ibid.

19. *Kennedy Paul.* The Rise and Fall of the Great Powers. Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000. – London: Fontana Press. 1989. https://cheirif.files.wordpress.com/2015/08/paul-kennedy-the-rise-and-fall-of-the-great-powers-19891.pdf

20. Ibid.

21. *Malettke K.* The Westphalia Peace Treaties and the Political Organization of the Holy Roman Germanic Empire. https://www.cairn-int.info/journal-dix-septieme-siecle-2001-1-page-113.htm?contenu=resume

22. Ibid.

23. *Parker Geoffrey.* The Thirty Years' War. – New York: Routlege& Kegan Paul Inc. 1988. https://digitalcommons.georgefox.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1016&context=seminary_masters&httpsredir=1&referer=

24. Ibid.

25. *Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н.* Глобальный капитализм: три великие трансформации. – М.: Культурная революция, 2008.
https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/kapitalizm_2008.pdf

26. Ibid.

27. Ibid.

28. *Falk R.* Revisiting Westphalia, Discovering Post-Westphalia // The Journal of Ethics 6 (4):311-352 (2002) https://philpapers.org/rec/FALRWD

29. Ibid.

30. *Kennedy Paul.* The Rise and Fall of the Great Powers. Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000. – London: Fontana Press. 1989. https://cheirif.files.wordpress.com/2015/08/paul-kennedy-the-rise-and-fall-of-the-great-powers-19891.pdf

31. Ibid.

Ш.Ш. Таджиев

Теоретико-методологические подходы к изучению категории «мировой порядок»

В теории международных отношений проблема мирового порядка занимает одну из стержневых позиций. В данной категории сконцентрированы ключевые аспекты понимания и осознания содержания и принципов взаимодействия субъектов мировой политики. По мысли одного из ведущих современных исследователей широкого предметного поля, каковым является «мировой порядок», Дж. Айкенберри, «...центральной проблемой международных отношений является проблема порядка – как он устроен, как он разрушается и как восстанавливается» [1].

Возникновение в конце 70-х годов XX в. концепта или феномена «мировой порядок» в международных исследованиях обусловлено стремительным развитием и углублением взаимозависимости в эпоху глобализации, попыткой осмыслить складывающуюся систему международных отношений в контексте конкретных исторических реалий.

Особый интерес к этой исследовательской проблеме отмечен в начале XXI в., что вполне обоснованно, если принять во внимание разрушение биполярной системы после завершения «холодной войны» и интенсивный поиск новых парадигм в понимании мирополитических процессов в «постбиполярный период».

На волне протекающих тектонических сдвигов в политическом устройстве мира возникла объективная необходимость выстроить в сознании ученых и политиков, по выражению Самюэля Хантингтона, некие «простые модели глобальной политики» со «скрытыми допущениями, предубеждениями и предрассудками, которые определяют восприятие

Таджиев Ш.Ш., доктор философии (PhD) по политическим наукам.

реальности, видение фактов и суждения об их важности и сущности». Как он справедливо отмечал, «нужны явные (эксплицитные) или неявные (имплицитные) модели, которые позволили бы систематизировать и обобщать реальность, показывать, каким путем двигаться, чтобы достичь наших целей» [2].

Не менее важным представляется практическая востребованность обобщения и осознания мирополитических процессов для разработки общих подходов к формированию нового мирового порядка в жестких условиях усиливающейся хаотизации глобального ландшафта, непредсказуемости поведения ключевых элементов международной системы, возникновения доселе не наблюдавшихся политико-экономических и социальных явлений.

Всестороннюю теоретическую разработку понятия «мировой порядок» традиционно связывают с работами выдающегося представителя английской школы в науке о международных отношениях Хедли Булла.

В своей наиболее значительной монографии «Анархическое общество: изучение порядка в мировой политике» (The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics. London, 1977) ученый одним из первых проанализировал международное общество в системе категорий анархия, международная (межгосударственная) система, международный и мировой порядок.

В унисон с идеями американских реалистов-классиков Х. Булл признает анархию ведущей силой развития международных отношений. «Анархия» трактуется как отсутствие мирового правительства, единой верховной власти при взаимодействии государств. При этом анархия не абсолютна и имеет ряд ограничений, а периоды мира в анархичных по своей природе отношениях между странами не случайны. Безграничная хаотическая природа взаимодействия стран сдерживается как самими государствами, так и международной системой [3].

В категории «проблема мирового порядка» сконцентрированы ключевые аспекты понимания и осознания содержания и принципов взаимодействия субъектов мировой политики.

Порядок, как ведущий концепт работы Хедли Булла, поддерживается изменениями во внутренней природе государств, сообществ государств и международного общества. «Государство» интерпретируется в соответствии с реалистической гоббсианской парадигмой. По его мысли, государства - это «независимые политические сообщества, каждое из которых имеет правительство и утверждает суверенитет в отношении значительной части территории и населения, и являются юридически независимыми извне» [4].

Порядок, по определению Х. Булла, предполагает существование корреляции между рядом элементов, при которой существенное изменение одного из них влечет за собой изменение остальных и, в конечном счете, порядка в целом. Отличительными же свойствами порядка как родового феномена являются устойчивость и динамический характер существующих между элементами связей, придающих порядку стационарность, а также пространственная природа порядка, когда упорядочивание элементов возможно лишь в рамках замкнутого пространства.

Международное общество образуется тогда, когда группа стран, осознавая общность базовых интересов и ценностей, формирует сеть общих правил, норм и институтов. Международное общество предполагает международную систему, но последняя может существовать и без международного общества.

Особенность подхода к системности в концепции Хедли Булла проявляется в том, что наличие системы не только не исключает хаоса в международных отношениях, но и противопоставляется понятию международного общества. Система в международных отношениях формируется усилиями государств и появляется тогда, когда два государства или более имеют существенные контакты между собой и значительно зависят от решения другого как части целого. Система есть результат роста и интенсивности межгосударственных взаимодействий. Система формируется на базе общих интересов, ценностей и политической культуры стран [5].

Как отмечено, параллельно существует понятие *«международное общество» (сообщество государств)*, отличное от международной системы. Международное общество образуется тогда, когда группа стран, осознавая общность базовых *интересов и ценностей, формирует сеть общих правил, норм и институтов.* Международное общество предполагает международную систему, но последняя может существовать и без международного общества. Например, Османская империя была частью международной системы с момента ее появления, но стала участником международного общества только после Первой мировой войны [6]. По той же аналогии республики советской Средней Азии в составе СССР определенно можно было рассматривать в качестве несамостоятельной, но все же части международной системы, однако полноправными участниками международного общества они стали после обретения государственной независимости в 1991 г. Тем самым международное общество оказывается более узким понятием, чем международная система, но имеет более динамичные внутренние характеристики. В нем формируются правила и нормы, определяющие своеобразие международного порядка в ту или иную эпоху.

«Международный порядок» складывается как сумма осознанных общих целей внутри системы и общества. К таковым целям Х.Булл относит: самосохранение; поддержание независимости; сохранение мира как общий императив всех заинтересованных в порядке участников; общие ценности общественной жизни, например, свобода и безопасность; стабилизация межгосударственных отношений и другие [7].

Термин «международный порядок», по Буллу, также следует отличать от понятия «мировой порядок». Под последним имеется в виду не только порядок среди государств, но и порядок внутри государств, порядок в низовых общественных уровнях, например на муниципальном. При этом Х. Булл с философских позиций отдает приоритет мировому порядку над международным. Таким образом, под мировым порядком английский ученый понимает модель или характер человеческой деятельности, которая поддерживает исходные или основные задачи социальной жизни человечества в целом [8].

Тем самым в английской школе в отличие от общепризнанных постулатов американского реализма несколько иначе оцениваются содержание концептов анализа международного взаимодействия, а отношения в международной системе рассматриваются через призму «более долговечных» понятий, тогда как «порядок» охватывает не только государства, но и сообщество всего человечества.

Международное общество оказывается более узким понятием, чем международная система, но имеет более динамичные внутренние характеристики. В нем формируются правила и нормы, определяющие своеобразие международного порядка в ту или иную эпоху.

Несмотря на то, что Х.Булл выдвинул свою концепцию мирового порядка 50 лет назад, его методологические подходы все еще остаются востребованными.

Во-первых, как отмечает большинство современных ученых, для английского автора мировой порядок не детерминируется лишь войнами, доминированием одной или нескольких центров силы или поведением (властью) государств. Действительно, по нашему мнению, в условиях глобализированного мира сотрудничество и взаимное признание интересов, хотя и не без аномалий в связи с эрозией значимости международных институтов и непризнанием невыгодных с точки зрения национальных интересов норм права, становятся очевидными факторами международной системы и соответственно мирового порядка.

Во-вторых, Х.Булл в развитие теорий реалистов Г.Моргентау, К.Уолтца и Р.Арона вводит в научно-теоретический оборот понятие «сообщество государств». Тем самым в международной системе нормы и ценности «сообщества государств» играют исключительную роль в распре-

делении власти и регулировании отношений между ее сильными и слабыми субъектами.

В-третьих, с ростом в наше время влияния и силы новых центров власти актуально звучит тезис о признании баланса сил как необходимого инструмента поддержания международного порядка. На наш взгляд, с учетом очевидного распределения или диффузии силы в системе международных отношений между государствами и негосударственными акторами, мировыми державами и новыми государствами-центрами, а также во множестве других комбинаций баланс сил как отношения государств, при котором ни одна страна не в состоянии доминировать и навязывать свою волю другим, может быть операбельным в текущих условиях международных отношений. Однако здесь возникает сложный вопрос соотношения силы (power) и правил (rules) [9], которое может интерпретироваться государствами на основе собственных эгоцентричных постулатов.

В-четвертых, Х.Булл характеризует международное право как «высший нормативный принцип политической организации человечества» [10], что, безусловно, может служить одним из императивов в построении широко обсуждаемого ныне нового мирового порядка. Этот принцип особенно громко звучит на фоне нивелирования уникальной ценности международного права в постбиполярную эпоху. В политическом дискурсе великих государств неизменно звучит тезис о том, что нормативный аспект нынешнего мирового порядка в свое время (в основном после Второй мировой войны) создавался именно ими, что дает непреложное право им же менять ее на базе трансформировавшихся национальных интересов и внешней среды.

«Международный порядок» складывается как сумма осознанных общих целей внутри системы и общества.

В-пятых, выводы ученого о том, что силовые методы поддержания международного порядка в обществе вариативны, а основными для государств в условиях второй половины XX в. выступали: сохранение общего баланса сил; избежание или контроль над кризисами; ограничение методов и средств ведения войны; использование локального доминирования; распределение сфер влияния; совместные действия, в основе которых лежали идеи концерта или кондоминиума [11] вполне современны и для нынешнего этапа развития международных отношений. В том же русле следует рассматривать его идеи о том, что в качестве основных социологических силовых форм одностороннего поддержания порядка в истории были *доминирование, первенство и гегемония.* При этом к числу способов ограниченно силового взаимодействия между великими державами Х. Булл относил *разгра-*

ничение сфер интересов, влияния и ответственности [12]. Заметим, что и на всем протяжении начала XXI в. ведущие центры силы, в реальности определяющие векторы преобразования мирового порядка, ведут себя именно в рамках этих трех основных поведенческих типов.

В условиях глобализированного мира сотрудничество и взаимное признание интересов, хотя и не без аномалий в связи с эрозией значимости международных институтов и непризнанием невыгодных с точки зрения национальных интересов норм права, становятся очевидными факторами международной системы и соответственно мирового порядка.

Столь подробный анализ творческого наследия Х. Булла в контексте осмысления сущности международных отношений связан с нарастающей турбулентностью в мировой политике (по Дж. Розенау [13]) и исключительно полезен в период фактического кризиса западноцентричного мирового порядка, который строится на комплексе правил, норм, ценностей, институтов, соглашений о безопасности и иных механизмах, способствующих доселе мирному взаимодействию государств и других политических сил, разрешению конфликтов и споров между ними.

Труд английского ученого был бы невозможен и весьма оспариваем критиками, если бы не период разрядки международной напряженности 70-х годов XX в., в конструировании которого сыграл важную роль Генри Киссинджер. В своей работе «Мировой порядок» (World Order, 2014) американский ученый и политический деятель в оценке «ускользающей от общего понимания концепции мирового порядка» констатирует, что «международное сообщество» не в состоянии согласовать или договориться об однозначном и непротиворечивом комплексе целей, методов и ограничений [14]. По мнению американского политика, конструирование мирового порядка, длившееся не одно поколение, во многих отношениях свершилось, что выражается в существовании множества независимых суверенных государств, распространении демократии и принципов представительного управления, функционировании в режиме реального времени сети глобальных коммуникаций и финансовых систем [15], многих других всеобщих аспектов жизнедеятельности по сути международного общества. Однако ключевой вопрос при построении мирового порядка неизбежно затрагивает сущность объединяющих его принципов, в которых и состоит кардинальное различие между западными и незападными подходами к миропорядку [16].

В общей струе со сторонниками реализма Г.Киссинджер обращается к теме воздействия на любой международный порядок двух тенденций, «посягающих на его связанность: либо перераспределение леги-

тимности, либо значительное изменение в балансе сил» [17]. Первая связана с коренным изменением ценностей, заложенных в основу международных договоренностей, что, на наш взгляд, имеет место, если оценивать значительные различия в мироощущении различных культур и цивилизаций. Вторая причина кризиса международного порядка возникает, когда он оказывается не в состоянии приспособиться к значительному изменению соотношения сил. По сути, на наш взгляд, выход на международную арену Китая представляет собой в XXI в. значительную структурную проблему для баланса сил, что дает основание многим ученым-международникам рассуждать о новой двуполярности в составе США и КНР.

В международной системе нормы и ценности «сообщества государств» играют исключительную роль в распределении власти и регулировании отношений между ее сильными и слабыми субъектами.

В прогностическом плане трудно не согласиться с выводом Г. Киссинджера о том, что ни одна страна в одиночку не в состоянии сформировать мировой порядок. Для установления подлинного мирового порядка его элементы, сохраняя собственные ценности, нуждаются во второй культуре, которая является глобальной, структурированной и правовой [18].

Фрагментация мировой политической системы по культурно-цивилизационному признаку подробно проанализирована в известной работе Самюэля Хантингтона «Столкновение цивилизаций». В методологическом контексте рассмотрение автором глобальной политики как многополюсной и полицивилизационной, его посыл о возникновении мирового порядка, основанного на цивилизациях, когда общества, имеющие культурные сходства, сотрудничают друг с другом и попытки переноса обществ из одной цивилизации в другую оказываются бесплодными, а страны группируются вокруг ведущих или стержневых стран своих цивилизаций [19], имеет особую ценность для анализа современных мирополитических процессов. Цивилизационный подход С.Хантингтона оригинален, прежде всего, благодаря обширным эмпирическим данным, которые можно дополнять на фоне современных мегатрендов и событий в международной политике.

Генеалогию идей С. Хантингтона обычно связывают с работами А. Тойнби [20] и Б. Льюиса [21]. Помимо произведений С. Хантингтона необходимо отметить две значительные работы по проблеме конфликта цивилизаций. Это труд Али Тарика «Столкновение цивилизаций»: крестовые походы, джихад и современность» [22], а также работа Дж. Сакса «Достоинство различия. Как избежать столкновения цивилизаций» [23], в которой анализируется феномен многообразия нацио-

нальных, социальных, религиозных, культурных и других человеческих сообществ.

По нашему мнению, выраженная научно-теоретическая актуальность и социально-практическая значимость концепции столкновения цивилизаций при анализе и прогнозировании порядка в мировой политике могут быть плодотворно спроецированы на структурирование локального (или регионального) порядка в Центральной Азии как важного элемента международной системы. Такой подход, возможно, даже строго востребован с учетом геополитического значения и геокультурных особенностей региона на перекрестке цивилизаций, которые отягощают и одновременно предоставляют огромные возможности для расположенных здесь государств-наций в процессе укрепления их роли и влияния в международном обществе.

В постбиполярную эпоху после укрепления на мировой арене новых политических акторов и в связи с начавшимися процессами внутренней трансформации вновь актуальным стал системный подход в изучении как политики, так и международных отношений. В современных международных исследованиях и практико-аналитических разработках системный подход представляется одним из «дискуссионных» методов исследования и прогнозирования международных отношений, при применении которого достигается большая результативность, всестороннее и наиболее полное понимание «феномена» исследования.

С учетом очевидного распределения или диффузии силы в системе международных отношений между государствами и негосударственными акторами, мировыми державами и новыми государствами-центрами, а также во множестве других комбинаций баланс сил как отношения государств, при котором ни одна страна не в состоянии доминировать и навязывать свою волю другим, может быть операбельным в текущих условиях международных отношений.

Традиционно применение системного подхода в международных отношениях (system analysis approach) связано с теоретическими разработками американских исследователей М. Каплана (Morton A.Kaplan) «идеальных» типов международных систем, Р. Розекранса (Richard Rosecrance) исторических моделей международных систем, К. Уолтца (Kenneth Waltz) концепции трёх уровней структуры системы, Р. Гилпина (Robert Gilpin) системных изменений на уровне международной системы и государств, С. Хоффмана (Stanley Hoffmann) системных внутренних и внешних ограничений внешней политики, К. Дойча (Karl W. Deutsch) сообществ безопасности и информационных систем, И. Валлерстайна (Immanuel Wallerstein) концепции «мир-системы», Дж. Модельски (George Modelski)

длительных/длинных циклов в мировой политике, европейского исследователя Р. Арона (Raymond Aron) гомогенных и гетерогенных международных систем.

Значительное влияние на эволюцию/развитие системного подхода в политической науке оказали исследования американского социолога Т. Парсонса (Talcott Parsons), немецкого социолога Н.Лумана (Niklas Luhmann), американского политолога Д. Истона (David Easton).

В ходе исследования предметного поля мирового порядка и системы международных отношений весьма полезными представляются такие принципы системного исследования, как целостность изучаемой системы; наличие в системе двух или более типов (системообразующих) связей; наличие структуры и организации; наличие «горизонтального» и «вертикального» уровней системы и иерархии этих уровней; способы регулирования многоуровневой иерархии, выраженные в управлении системой; постановка цели и целесообразного характера поведения систем; фактор самоорганизации (преобразование системы и её функций), наличие у системы множества характеристик; проблема соотношения функционирования и развития системы при соответствующих механизмах [24].

В политическом дискурсе великих государств неизменно звучит тезис о том, что нормативный аспект нынешнего мирового порядка в свое время создавался именно ими, что дает непреложное право им же менять ее на базе трансформировавшихся национальных интересов и внешней среды.

Например, пользуясь синергетическим подходом, можно выдвинуть предположение о том, что за последние тридцать лет система международных отношений после периода «холодной войны» и биполярного мира в своем стремительном развитии под воздействием глобальных процессов достигла точки бифуркации. Тем самым система международных отношений находится в критическом состоянии, при котором становится неустойчивой относительно флуктуаций и возникает неопределенность – станет ли состояние системы еще более хаотическим или она перейдет на новый, более дифференцированный и высокий уровень упорядоченности [25].

Американским представителем школы неомарксизма Иммануэлем Валлерстайном было положено начало созданию теоретической модели мир-системного подхода с задачей объяснить современные процессы мирового развития с помощью выведения причинно-следственных связей в исторической ретроспективе. Онтологические основания, по Валлерстайну, представляются как категориальная сеть: «мир-система», «мир-экономика», «мир-империя», «время-пространство», «ядро»

(высокоразвитые страны), «периферия» (страны, специализирующиеся на добыче ресурсов со слабой политической системой – страны «третьего мира»), «полупериферия» (страны модернизации «второй волны»).

Выраженная научно-теоретическая актуальность и социально-практическая значимость концепции столкновения цивилизаций при анализе и прогнозировании порядка в мировой политике могут быть плодотворно спроецированы на структурирование локального (или регионального) порядка в Центральной Азии как важного элемента международной системы.

Единственным видом социальной системы является мир-система, которая определяется как общность с единой системой разделения труда и множественностью культурных систем. Двумя разновидностями исторических систем выступают мир-системы с общей политической системой и без нее, соответственно «мир-империя» и «мир-экономика». «Мир-экономика»», по сути, представляет собой систему, именуемую капитализмом. «Мир-экономики» трансформировались в «мир-империи» ввиду исторически присущим им нестабильным структурам, которые приходили к дезинтеграции и/или завоеванию одной группой [26].

На наш взгляд, в рамках исследования проблем современного мирового порядка, в том числе в контексте места и роли в нем региона Центральной Азии, полезным представляется использование категории И. Валлерстайна «геокультура». Понятие геокультуры рассматривается им в контексте мир-системной концепции и связанных с ней глобальных геополитических и геоэкономических проблем. Он определяет это понятие как культурный способ организации мирового пространства. В нем ученый выделяет общества, входящие в цивилизационное ядро существующего мира, общества, которые оказываются на периферии, а также общества, которые занимают позиции так называемой полупериферии. Геокультура им рассматривается в качестве синонима культурного давления индустриального центра капиталистической мир-системы на ее аграрную периферию, в частности, давления, обеспечивавшего легитимность мирового глобального порядка посредством внедрения в глобальном масштабе модернизационной установки на национальное развитие [27].

Ученые выделяют три ключевых подхода к прикладному анализу мирового порядка: реалистический, социально-конструктивистский и институциональный [28]. Первый из них берет начало в трудах политических реалистов (Г. Моргентау [29], Р. Арон [30], К. Уолтц [31]), которые уделяют первостепенное внимание соотношению потенциалов акторов мировой политики, особенно ведущих мировых держав. Реали-

стический подход доминировал в политическом дискурсе в эпоху «холодной войны» с акцентом на военный фактор как определяющий элемент баланса сил. На современном этапе, по нашему мнению, данная парадигма получила превосходное развитие в терминах и категориях структурной теории «наступательного реализма» Дж. Миршаймера [32].

У истоков второго - социально-конструктивистского подхода стояли политологи Р. Гилпин [33], Л. Миллер [34], Р. Купер [35], которые постулируют приоритетную значимость норм, которым следуют или их осознанно нарушают субъекты мировой политики при выстраивании взаимных отношений. При этом смена правил и принципов международного взаимодействия приводит к трансформации мировых порядков. Данный подход, в нашем понимании, актуален в современных условиях, когда общепризнанные нормы и принципы биполярной системы международных отношений подвергаются заметной коррозии ввиду их вольной интерпретации ведущими государствами мира и новыми центрами силы. Другим примером может служить вступление на мировую арену технологических мега-корпораций, которые беспрецедентным образом занимают традиционные ниши государств во внутренней и внешней политике, влияют на общественно-политические процессы.

Институциональный подход, представителем которого является, в частности, Дж. Айкенберри [36], делает акцент на инструменты регулирования мирополитических процессов с главной ролью международных институтов как механизмов сотрудничества суверенных государств, способных корректировать поведение отдельных стран в интересах международного сообщества. На нашему мнению, данный посыл может быть корректен, если основные игроки на мировой арене, отбросив национальный эгоцентризм, в условиях превалирующего сегодня взаимного противостояния по всем траекториям глобального развития смогут договориться относительно делегирования политической власти международным институтам хотя бы в части стратегической стабильности.

В постбиполярную эпоху после укрепления на мировой арене новых политических акторов и в связи с начавшимися процессами внутренней трансформации вновь актуальным стал системный подход в изучении как политики, так и международных отношений.

К. Бут и Н. Уилер предлагают собственную оригинальную и достаточно операбельную в наши дни типологию подходов к исследованию мирового порядка с разделением взглядов ученых на три группы - фаталистский, посреднический и трансцендентный [37].

Сторонники *фаталистского подхода* рассматривают мировой порядок как неизменную базовую переменную глобального мироустройства

на основе принципов игры с нулевой суммой, когда государства и группы государств состоят главным образом в отношениях конфронтации друг с другом, а характер их взаимодействия задает расстановка сил на международной арене. Приверженцы фаталистского подхода (Г. Моргентау и Зб. Бжезинский) постулируют, что формирование нового мирового порядка в XXI в. будет напрямую зависеть от возвышения одного или нескольких центров сил, различных по потенциалам своего международного влияния. Конечный облик мирового порядка в видении фаталистов будет определяться конфигурацией сил на мировой арене (однополярность, многополярность или новая региональная биполярность), а также характером взаимоотношений между великими державами («мировой концерт» наций и маловероятно, хотя не исключается, – новая межблоковая конфронтация).

Представители *посреднического подхода* (институционалисты, функционалисты, конструктивисты) рассматривают мировой порядок как игру с ненулевой суммой, в которой государства делегируют часть своего суверенитета нескольким десяткам международных институтов. Соблюдение коллективно выработанных норм внешнеполитического поведения будет способствовать снижению градуса неопределенности в мировой политике и содействовать избежанию перерастания такого недоверия в открытое противоборство. Сторонники посреднического подхода расходятся во мнениях относительно оснований такой вовлеченности государств. Конструктивисты считают обязательным условием сотрудничества стран через многосторонние институты их коллективную идентичность, базирующуюся на общих ценностях [38]. Институционалисты постулируют, что формирование мирового порядка является результатом совместных усилий государств по выработке и закреплению в международных договорах общих норм поведения [39]. Функционалисты говорят о важности наличия у государств общих интересов, подталкивающих их к кооперации даже при условии, что у них могут быть несовместимые системы ценностей [40].

В частности, на наш взгляд, продление Договора о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (СНВ-3) и готовность ведущих ядерных держав – США и России к серьезным и основательным переговорам по всему спектру ядерных вызовов и угроз вне СНВ-3 могут дать основания ученым рассматривать такие положительные тенденции в мировой политике как с точки зрения фаталистского (облик мирового порядка определяют мировые державы на основе равновесия сил), так и посреднического подхода (заключение обязательных для исполнения договоров и разработка общих норм поведения). Формирование по инициативе Узбекистана

в Центральной Азии единственной в Северном полушарии зоны, свободной от ядерного оружия, стало многозначительным свидетельством приверженности новых независимых государств региона к коллективной идентичности на базе общих для международного сообщества ценностей.

А.-М. Слотер выявила на стыке тысячелетий еще один важнейший феномен, названный ею «трансгосударственность», когда государства при помощи комплекса различных межгосударственных связей образуют «межправительственные сети» ("government networks") [41]. По ее мысли, национальное государство сохранило за собой статус наиболее важного игрока на международной арене, но начало фрагментироваться на составные институциональные структуры, которые напрямую контактируют с аналогичными институтами других государств через национальные границы, но придерживаясь и представляя интересы своей страны. Государства сохранили механизмы «реагрегации» интересов отдельных институтов, что позволяет им при необходимости взаимодействовать друг с другом в качестве целостных акторов. Сети же функционируют параллельно или в рамках традиционных межправительственных организаций [42].

Представляется, что феномен «трансгосударственность» ярко проявляется на постсоветском пространстве и в регионе Центральной Азии, когда ввиду исторических предпосылок динамично развиваются сетевые связи институциональных структур параллельно с множественными прямыми контактами негосударственных акторов.

Сторонники *трансцендентного подхода,* к которым относятся неомарксисты, феминисты, федералисты, анархисты [43], трактуют мировой порядок как архаизм, на смену которому с течением времени придет новое, гуманное мироустройство. Мировой порядок будущего в их понимании – «конец игры» суверенных государств друг с другом, так как он будет основан на идее объединения всего человечества в глобальную транснациональную общность. Трансценденталисты имеют отличающиеся подходы к сущностным характеристикам прогнозируемого или воображаемого мироустройства (одни выступают за создание всемирной федерации, другие – за упразднение института государства как такового), но едины в своей убежденности в необходимости и возможности осуществления глобальных структурных изменений в мировой политике. Действительно, пандемия коронавируса, накрывшая всю систему международных отношений в начале 2020 г., стала историческим триггером в деле трансформации социальных отношений на национальном, региональном и международном уровнях. Ограничение социальных свобод личности, прямая угроза от вируса национальной безопасности

практически всех государств мира, объективное торможение транснационализации и рост национального эгоцентризма – можно оценивать как временный кризис трансцендентного подхода в оценке перспектив формирования нового мирового порядка.

Как отмечает видный российский ученый П.А. Цыганков, мировой порядок можно рассматривать как объективную реальность (эмпирический миропорядок), как деятельность по управлению и изменению этой реальности под влиянием нормативно-правовых и ценностных требований (нормативный миропорядок) и как теоретические конструкции, отражающие видение лучшего мироустройства (воображаемый миропорядок).

П.А. Цыганков выделяет следующие структурные характеристики миропорядка: социетальная структура дает представление о том, к какой сфере общественной жизни имеет отношение исследуемый мировой порядок (в этой связи выделяют экономический, правовой, информационный и другие виды мирового порядка); горизонтальная структура обусловливает состав акторов мировой политики, которыми помимо суверенных государств являются и другие международные игроки; вертикальную структуру образуют существующие центры силы (их количество определяет конфигурацию мирового порядка и его полярность) и степень иерархичности в распределении военно-политической, экономической, культурной и идеологической власти между акторами; институциональную структуру миропорядка составляют международные межправительственные и неправительственные организации, а также источники норм международного права (международные договоры, многосторонние соглашения и т.п.); нормативная структура является, по сути, производной от институциональной структуры и отражает существующие правила и традиции регулирования отношений между участниками международных отношений и мировой политики, которые соблюдают добровольно или по принуждению других, более влиятельных, игроков; символическая структура акцентирует внимание исследователя на культурно-идеологическом компоненте международной жизни, на значении универсальных и частных (национальных, эт-

Научно-методологическая база исследования проблемного поля «мировой порядок» остается достаточно обширной и по некоторым параметрам противоречивой. Разнообразие и разноаспектность методологических подходов обусловлены в целом диверсифицированностью традиций политологических школ и направлений, различием мироощущения и философского восприятия окружающего мира, определенной идеологической константой в работах западных и не-западных политологов.

нических и пр.) ценностей для организации мирового политического процесса [44].

В нашем понимании в научно-методологическом плане структурные характеристики мирового порядка позволяют исследователю более точно сконцентрироваться на конкретных аспектах рассматриваемого феномена, рационально и плодотворно использовать теоретический инструментарий при описании и обобщении порой трудно осмысляемых новых событий и трендов на политической арене мира.

Сложным представляется поиск научно обоснованного и консенсусно принятого порядка в международных отношениях, когда турбулентность на всех уровнях политического устройства государств, регионов и в мировом масштабе становится главной характеризирующей особенностью современности.

Российский политолог Т.А. Шаклеина выдвигает важную научно-методологическую особенность при изучении проблем мирового порядка, говоря о том, что строительство и закрепление нового мирового порядка является самым главным мегатрендом XXI в. Под мегатрендами мировой политики Т.А. Шаклеина понимает «крупномасштабные, долгосрочные процессы мирового развития, определяющие качественное содержание текущего этапа эволюции миросистемы» [45]. При этом в рамках самого порядкообразующего мегатренда она выделяет такие глобальные тренды, как изменение политической структуры мира, заключающееся в его деполяризации и полицентризации, расширение группы ведущих мировых держав, общая территориальная фрагментация мира (заключающаяся в фрагментации отдельных государств, появлении непризнанных и частично признанных стран), тренд по созданию новых норм, регламентирующих поведение игроков на международной арене и обеспечивающих их выполнение международных институтов, а также новая территориальная структуризация мирового и регионального пространств [46].

Заметную лепту в исследования современной мировой системы вносит российский ученый М.М. Лебедева, которая предлагает подход, согласно которому современную политическую организацию мира следует рассматривать как глобальную систему, состоящую из трех взаимозависимых уровней: Вестфальской системы, системы международных (межгосударственных) отношений и политических систем отдельных государств. Она показывает, что все три уровня в настоящее время подвержены глубокой кардинальной трансформации и это порождает эффект «идеального шторма». При этом в силу ряда причин наиболее «слабым звеном», т.е. тем звеном, где указанные процессы проявляют-

ся с наибольшей отчётливостью, стал Ближневосточный регион [47]. По нашему мнению, полезным представляется научный подход М.М. Лебедевой по диалектической взаимоувязке трех уровней политического ландшафта мира, оказывающих в наши дни детерминирующее влияние при оценке общей мирополитической картины.

* * *

Как показывает анализ, научно-методологическая база исследования проблемного поля «мировой порядок» остается достаточно обширной и по некоторым параметрам противоречивой. Разнообразие и разноаспектность методологических подходов обусловлены в целом диверсифицированностью традиций политологических школ и направлений, различием мироощущения и философского восприятия окружающего мира, определенной идеологической константой в работах западных и не-западных политологов. Сложным представляется поиск научно обоснованного и консенсусно принятого порядка в международных отношениях, когда турбулентность на всех уровнях политического устройства государств, регионов и в мировом масштабе становится главной характеризирующей особенностью современности.

В этом плане заслуживает внимания китайская интерпретация теории международного общества. Известный китайский ученый Цинь Яцин считает ценным данный концепт для анализа международных отношений, но не согласен с учеными английской школы в том, как определять и понимать его. Апеллируя к мирному подъему Китая в последние три десятилетия, к его политике реформ и открытости, автор выдвинул процессный подход с использованием китайского способа мышления и философской традиции. Он видит общество и акторов, связанных друг с другом в непрерывном процессе. Данный подход интерпретирует международное общество как сеть динамических и трансформирующихся отношений, строительства и реконструкции акторов, который производит новые синтезы в рамках межгосударственных субъектных и межконтекстных практик. В таком процессе меняются не только особенности общества, но также идентичности акторов. И нет вопроса о том, что статический актор гонится за меняющими институтами [48]. Именно поэтому вполне объяснимо, что в политологическом дискурсе не существует общепринятого или канонического определения категории «мировой порядок».

Оксфордский словарь английского языка определяет «мировой порядок» как систему контролирующих действий в мире, прежде всего комплекс договоренностей на международном уровне в целях сохранения глобальной политической стабильности [49].

В дополнение к приведенным выше определениям данной категории отметим, что с позиции власти в мировой политике Г. Киссинджер представляет ее как «схему организации и распределения власти, которая считается справедливой каким-либо актором мировой политики и пригодной для всего мира» [50]. Американский политолог Л. Миллер рассматривает мировой порядок как «состояние наличия определенной системы норм, задающих параметры соперничества международных акторов друг с другом за власть и влияние» [51].

А.-М. Слотер определяет мировой порядок в качестве системы глобального управления, которая институционализирует международное сотрудничество и предотвращает конфликты в степени, достаточной для всех наций для достижения ими большего мира и процветания, лучшего распоряжения имеющимися ресурсами и обеспечения хотя бы минимальных стандартов человеческой жизни и достоинства [52].

Российский ученый Э.Я. Баталов трактует мировой порядок как систему коррелятивных связей между субъектами мирового политического процесса, к которым он причисляет государства, международные правительственные и неправительственные организации, индивидов и их групп, способными благодаря имеющимся у них политическим, экономическим и иным ресурсам оказывать существенное влияние на мировую политику [53].

Аналогичным образом определяет понятие «мировой порядок» Ю.П. Давыдов: как «состояние системы международных отношений, соответствующим образом запрограммированное на ее безопасность, стабильность и развитие и регулируемое на основе критериев, отвечающих нынешним потребностям прежде всего самых влиятельных субъектов данного мирового сообщества» [54].

Мы рассматриваем мирополитические процессы в тесной взаимосвязи и взаимозависимости от главенствующих социальных и политических трендов как внутри и между субъектами международных отношений, особенно великих держав, так и вне регуляции государств как носителей власти в глобализирующейся ойкумене.

В соответствии с государствоцентричным подходом Х. Буллом под международным (мировым) порядком «понимается характер (состояние) или направление внешней активности, обеспечивающей незыблемость тех целей сообщества государств, которые являются для него, с одной стороны, элементарно необходимыми, с другой – жизненно важными, с третьей – общими для всех». Тем самым фундаментальные основания любого социального порядка сводятся к закреплению *трех базовых принципов в отно-*

шениях между его участниками: право на жизнь, право на собственность, обязательность исполнения договоров [55].

В том же русле российский ученый А.Д. Богатуров под этим термином понимает систему межгосударственных отношений, которая регулируется принципами внешнеполитического поведения, согласованными на их основе установлениями и признаваемыми легитимными санкциями за их нарушение, потенциалом уполномоченных стран и образованных ими межгосударственных институтов такие санкции осуществить, а также политической волей стран этим потенциалом воспользоваться [56].

С методологической точки зрения следует также обратить внимание на соотношение понятий «мировой порядок» и «международный порядок».

К. С. Гаджиев трактует понятие «мировой порядок» в двух ипостасях. В широком формате оно рассматривается как «мировое сообщество в его тотальности, включая всех без исключения акторов». С другой стороны – это «система взаимоотношений наиболее активных акторов мирового сообщества, основанная на определенном комплексе неофициальных и официальных правил и норм поведения, закрепленных в международном праве, а также созданных на их базе институтов, организаций, союзов и т.д.» [57].

Более обобщенный подход можно найти у А.И. Никитина, который пишет, что «в простейшем выражении "миропорядок" есть относительно устойчивое и достаточно стабильное, хотя и ограниченное в историческом времени состояние международной системы, характеризующееся господством признаваемых большинством акторов (государственных и негосударственных) правил поведения на международной арене и основанное на балансе сил и интересов ведущих мировых держав и политических сил» [58].

Тем самым различные определения феномена «мировой порядок» концентрируются на осмыслении признанных норм, правил, ценностей, институтов и организаций, основных субъектов международных отношений и их взаимодействия в определенный исторический период, а также множества других параметров, комплексное сведение которых в общую систему дает основания для обобщенного представления или видения политического устройства мира. Мы рассматриваем мирополитические процессы в тесной взаимосвязи и взаимозависимости от главенствующих социальных и политических трендов как внутри и между субъектами международных отношений, особенно великих держав, так и вне регуляции государств как носителей власти в глобализирующейся ойкумене.

С методологической точки зрения следует также обратить внимание на соотношение понятий «мировой порядок» и «международный порядок». Данный аспект проблемы присутствует в западном и российском научном дискурсе [59]. Согласно Х. Буллу, мировой порядок шире и «исконнее» международного порядка, поскольку он регулирует взаимоотношения на уровне государств и социальные связи других типов. Он обладает моральным приоритетом в сравнении с международным порядком ввиду того, что упорядочивает отношения в человеческом обществе в целом.

Полное отожествление этих двух категорий является нецелесообразным редуцированным применением понятийного аппарата в исследуемой области. Поэтому можно согласиться с тем посылом, что международный порядок больше соотносится с межгосударственным взаимодействием в международной системе.

С. Хоффман и Дж. Айкенберри придерживаются мнения о том, что понятие «мировой порядок» шире по отношению к «международному порядку», поскольку регулирует отношения на всех уровнях общества в целом, предполагает их упорядоченность.

А.Д. Богатуров утверждает, что мировой порядок сегодня не носит глобального, всеохватывающего характера, из чего следует, что по охвату он уже международный порядок. При этом именно мировой порядок, по убеждению ученого, выражает желаемый вектор эволюции мировой системы, суть которого – в разрастании мирового порядка до масштабов международного.

П.А. Цыганков говорит о том, что международный порядок составляет ядро мирового порядка, но к нему не сводится все содержание последнего. Он призывает не отождествлять эти две категории, но и не абсолютизировать их различия. Международный порядок автор соотносит с межгосударственным и говорит о возможности его существования при отсутствии мирового порядка. Вместе с тем мировой порядок не мыслится при отсутствии особого международного порядка, в котором созданы действенные механизмы и процедуры межгосударственного сотрудничества, способствующие реализации общих целей и культивированию общих ценностей граждан таких государств.

По нашему мнению, полное отожествление этих двух категорий является нецелесообразным редуцированным применением понятийного аппарата в исследуемой области. Поэтому можно согласиться с тем посылом, что международный порядок больше соотносится с межгосударственным взаимодействием в международной системе. Одновременно мировой порядок охватывает более широкие процессы и феномены на международной арене, где, помимо государств с их интересами, балансом сил между ними и иными государствоцентричными категория-

ми, появляются государства с несформировавшейся внешнеполитической идентификацией, растет влияние негосударственных акторов, происходят зримые изменения во внутриполитических и внутрисоциальных установках, обостряются различные коллизии на культурно-цивилизационном уровне. Однако эти понятия все же близки друг к другу в содержательном плане и семантически имеют схожую смысловую нагрузку.

Литература

1. *Ikenberry J.* After Victory. Institutions, Strategic Restraint, and the Rebuilding of Order after Major Wars. – Princeton: New Jersey, 2001. P. 22.
2. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. – М.: АСТ, 2003. – С. 28-29.
3. *Bull H.* The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics. – New York: Colombia University Press, 1977. - P. 8–10.
4. Ibid. P. 8.
5. Ibid. P. 10.
6. Ibid. P. 13–14.
7. Ibid. P.17– 20.
8. Ibid. P. 22.
9. *Hoffmann St.* Foreword: Revisiting 'The Anarchical Society'. London: Macmillan Press Ltd. – P. vii-xii.
10. *Bull H.* Cit. op. – P. 140.
11. Ibid. P. 207.
12. Ibid. P. 219.
13. См.: *Rosenau J.* Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity. – Princeton: Princeton University Press, 1990.
14. *Киссинджер Г.* Мировой порядок. – М.: АСТ, 2016. – С. 10.
15. Там же. С. 469.
16. Там же. С. 471.
17. Там же. С. 474-476.
18. Там же. С. 484.
19. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. – М.: АСТ, 2003. – С. 15.
20. См.: *Тойнби А. Дж.* Постижение истории. - М., 1991.
21. См.: *Льюис Б.* Что не так? Путь Запада и Ближнего Востока: прогресс и традиционализм. - М., 2003; *Льюис Б.* Ислам и Запад. - М., 2003.
22. См.: *Али-Тарик.* Столкновение цивилизаций: крестовые походы, джихад и современность. - М., 2006.
23. См.: *Сакс Дж.* Достоинство различия. Как избежать столкновения цивилизаций. - М.: Иерусалим, 2008.
24. См.: Системный подход к изучению международных отношений. Коллективная монография. – Ташкент: УМЭД, 2020. – С. 8-16.
25. *Таджиев Ш.* «Мягкая сила» во внешней политике Республики Узбекистан на современном этапе. – Ташкент: УМЭД, 2020. – С. 62.

26. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / Пер. с англ. П.М.Кудюкина. Под общей редакцией Б.Ю. Кагарлицкого. – СПб.: Издательство «Университетская книга», 2001. – С.24.

27. Там же. – С. 188-190.

28. Торкунов А.В. Современные международные отношения и мировая политика. - М.: Просвещение, 2004. - С. 49; *Сирота Н.М.* Новый мировой порядок: тенденции и перспективы становления. - Saarbrьcken: Palmarium Academic Publishing, 2016. - С. 18-20.

29. Morgenthau H. Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace. - Second Edition, New York: Alfred A. Knopf, 1955.

30. Арон Р. Мир и война между народами. - М.: Nota Bene, 2000.

31. Waltz K. Theory of International Politics. - New York: McGraw Hill, 1979.

32. Mearsheimer J. The Tragedy of Great Power Politics. - New York: W.W. Norton, 2014.

33. Gilpin R. War and Change in World Politics. - Cambridge: University Press, 1981. - P. 102.

34. Miller L.H. Global Order: Values and Power in International Politics. - Abingdon: Routledge, 1985. - P. 50.

35. Cooper R. Is there a New World Order? // Prospects for Global Order. - Ed. by S. Sato, T. Taylor, S. Heiva. – London, 1993. Vol. 2. - P. 8.

36. Ikenberry J.G. After Victory: Institutions, Strategic Restraint, and the Rebuilding of Order After Major Wars. -Princeton: University Press, 2000. - P. 7.

37. Booth K., Wheeler N. The Security Dilemma: Fear, Cooperation, and Trust in World Politics. - London: Palgrave Macmillan, 2008. - P. 10.

38. Wendt A. Collective Identity Formation and the International State // The American Political Science Review, June 1994, Vol. 88, No.2. - P. 386; *Ruggie J.G.* What Makes the World Hang Together? Neo-Utilitarianism and the Social Constructivist Challenge // International Organization, Autumn 1998, Vol. 52, No.4. - P. 872-873.

39. Slaughter A.-M. International Law and International Relations Theory: A Dual Agenda // The American Journal of International Law, April 1993, Vol. 87, No.2, - P. 211; *Keohane R.O.* The Promise of Institutionalist Theory // International Security, Summer 1995, Vol. 20, No.1. - PP. 45-46.

40. Keohane R.O. International Institutions: Can Interdependence Work? // Foreign Policy, Spring 1998, No.110. - P. 85; *Martin L.L.* Interests, Power, and Multilateralism // International Organization, Autumn 1992, Vol. 46, No.4. - P. 767.

41. Slaughter A. A new World Order. – Princeton: Princeton University Press, 2004.

42. Ibid. P.18.

43. Permanyer I. On the Measurement of Gender Equality and Gender-Related Development Levels // Journal of Human Development, March 2008, Vol. 9, No.1. - PP. 87-108; *Boardman R.* Environmental Discourse and International Relations Theory: Towards a Proto-Theory of Ecosation // Global Society: Journal of Interdisciplinary International Relations, Vol. 11, No.1. - P. 31-44.

44. Международные отношения и мировая политика: Учебник для бакалавриата и магистратуры. Под ред. П.А. Цыганкова. - М.: Юрайт, 2016. - С. 199.

45. Шаклеина Т.А. Мегатренды. Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке. Под ред. Т. А.Шаклеиной и А. Б. Байкова. - М.: Аспект Пресс, 2013. - С. 7, 69.

46. Шаклеина Т.А. Роль великих держав в структурировании мирополитического пространства в XXI веке // Политическая наука перед вызовами глобального и реги-

онального развития: Научное издание. Под. ред. О.В. Гаман-Голутвиной. – М.: «Аспект Пресс», 2016. - С. 314-315.

47. *Лебедева М.М.* Система политической организации мира: «идеальный шторм» // Вестник МГИМО-Университета. – М., 2016, № (2(47)) – С.125-133.

48. *Багаева А.В., Бродовская Е.В., Вдовиченко Л.Н.* и др.Гибридизация мировой и внешней политики в свете социологии международных отношений. Под общей ред. профессора П.А. Цыганкова. – М.: Горячая линия – Телеком, 2017. – С. 225-226.

49. См.: Oxford English Dictionary.

50. *Kissinger H.* World Order: Reflections on the Character of Nations and the Course of History. - London: Penguin Books, 2015. - P. 9.

51. *Miller L.H.* Global Order: Values and Power in International Politics. - Boulder: Westview Press, 1998. - P. 11.

52. *Slaughter A.* A New World Order. – *M.* Princeton: Princeton University Press, 2004. - P. 166.

53. *Баталов Э.Я.* «Новый мировой порядок»: к методологии анализа // Полис. Политические исследования. –М., 2003, №7. - С. 31.

54. *Давыдов Ю.П.* Норма против сил. Проблема мирорегулирования. - М.: Наука, 2002. – С. 39.

55. *Bull H.* The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics. 3rd ed. - Columbia Univ. Press, 2002. - PP. 4,16.

56. *Богатуров А.Д.* Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны (1945-1995). - М.: Конверт - МОНФ, 1997. - С. 40.

57. *Гаджиев К.С.* Геополитические горизонты России: контуры нового миропорядка. - М.: Экономика, 2007. – С.12.

58. *Никитин А.И.* Современный миропорядок: его кризис и перспективы // Полис. Политические исследования. – М., 2018, №6. – С. 32-36.

59. *Hoffmann S.* Primacy or World Order: American Foreign Policy Since the Cold War. - New York: McGraw-Hill Education, 1980. - P. 29; *Ikenberry J.G.* After Victory: Institutions, Strategic Restraint, and the Rebuilding of Order After Major Wars. - Princeton: University Press, 2000. - P. 88; *Bull H.* The Anarchical Society. - New York: Columbia University Press, 1977. - P. 8-22; *Сирота Н.М.* Новый мировой порядок: тенденции и перспективы становления. - Saarbrьcken: Palmarium Academic Publishing, 2016. - С. 16; *Богатуров А.Д.* Современный международный порядок // Международные процессы. – М., 2003, Т. 1., № 1. - С. 6; *Цыганков П.А.* Теория международных отношений. - М.: Гардарики, 2003. - С. 474.

Ф.Ф. Саттаров

Современное состояние и перспективы развития политических наук в Университете мировой экономики и дипломатии

В Постановлении Президента Республики Узбекистан №ПП-4139 от 29.01.2019 г., было принято предложение Министерства иностранных дел и Министерства высшего и среднего специального образования Республики Узбекистан о создании в Университете мировой экономики и дипломатии кафедры «Политология» в целях дальнейшего развития политологии в качестве учебной и исследовательской дисциплины в нашей стране [1]. В Постановлении Президента основными направлениями деятельности кафедры обозначены несколько задач: как обеспечение подготовки высоко-квалифицированных кадров в сфере политических наук; подготовка научных и научно-педагогических кадров международного уровня; подготовка учебников, учебных пособий и учебных программ планов нового поколения; обеспечение высокого уровня преподавания, фундаментальных и прикладных исследований; проведение научных исследований в сфере политологии; создание необходимых методологических и учебно-технологических условий для развития инновационных направлений в сфере политических наук [2]. Очевидно, что одной неотъемлемой частью решения этих задач является внедрение новейших направлений и дисциплин политических наук в учебный процесс как на уровне бакалавриата, так и на уровне магистратуры.

Саттаров Ф.Ф., доктор философии (PhD), заведующий кафедры «Политология», Университет мировой экономики и дипломатии.

На современном этапе своего развития политология состоит из нескольких взаимосвязанных дисциплин. Эти дисциплины можно разделить на три основные категории: (1) основные, (2) междисциплинарные и (3) прикладные сферы политического образования и исследования. К основным дисциплинам политологии относятся политическая теория (иногда под названием «политическая философия»), теория международных отношений и сравнительная политология [3]. К междисциплинарным дисциплинам политологии относятся такие сферы исследования, как политическая социология, политическая экономика, политическая психология и политическая антропология. Наконец, к прикладным дисциплинам политологии относятся такие дисциплины, как общественная политика (Public Policy), политический анализ и прогнозирование (Policy Analysis and Forecast), политический менеджмент, политический маркетинг и другие.

Современное разделение политологических наук		
Основные дисциплины	Политическая теория	Изучает политические понятия и ценности, такие как справедливость, власть и демократия, которые мы используем для описания, понимания и оценки политической практики и институтов.
	Теория международных отношений	Исследует международные отношения (МО) с теоретической точки зрения. Три наиболее известные теории международных отношений – это реализм, либерализм и конструктивизм.
	Сравнительная политология	Для нее характерно использование сравнительного метода или других эмпирических методов для изучения политики внутри стран (а не между ними).
Междисциплинарные сферы	Политическая социология	Изучает социальные основы политических явлений от государства и гражданского общества до семьи, исследуя такие темы, как гражданство, социальные движения и источники социальной власти.
	Политическая экономика	Исследует соотношение политики и экономики, роль политики в в таких экономических процессах, как торговля и производство, а также распределение экономических ресурсов в обществе.
	Политическая психология	Наука, посвященная исследованию политики, политиков и политического поведения с психологической точки зрения. Рассматривается как подраздел социальной психологии.
	Политическая антропология	Ее ядром является сравнительное изучение политики в широком диапазоне исторических, социальных и культурных условий на основе полевых исследований.
Прикладные дисциплины	Общественная политика	Исследует общественную политику как курс действий, созданный или принятый, как правило, правительством в ответ на конкретные общественные проблемы на территории государства.
	Политический анализ и прогнозирование	Совокупность методов и подходов, которые используются правительством или государственными служащими для изучения и оценки политических действий, программ и законопроектов.
	Политический менеджмент	Сфера деятельности, которая включает в себя управление политическими кампаниями, политическое консультирование, защиту интересов, лоббирование, предвыборные опросы и т.д.

На основанной кафедре «Политология» Университета мировой экономики и дипломатии, начиная с 2019 г. начали внедрять в учебный процесс политические дисциплины всех трех категорий – основные, междисциплинарные и прикладные. Из основных предметов есть основы политологии, политическая философия, сравнительная политология. Из междисциплинарных предметов есть политическая социология, политическая антропология и политическая психология (последние два предмета запланированы на следующий учебный год). Из прикладных предметов в университете преподается политический анализ и прогнозирование.

На современном этапе своего развития политология состоит из нескольких взаимосвязанных дисциплин.

Уместно заметить, что предмет «Основы политологии» начали преподавать в университете ещё до основания кафедры в 2018 г. Целями освоения данной дисциплины являются: (а) получение знаний об основных парадигмах, категориях, методах и законах, наблюдающихся в политике, теоретических концепциях и подходах в политологии для решения ключевых проблем: национального, регионального, глобального планов, имеющих место в современной политической жизни; (б) способность применять полученные знания в дискуссиях по теоретическим и практическим проблемам политической жизни; (в) анализ основных норм современной политики с точки зрения классиков политологии; г) умение распознавать основные аспекты современного международного политического процесса. Важно отметить, что данный предмет ведется не только среди студентов по направлению «Международные отношения» и «Политология», но также занятия проводятся среди учащихся по направлению «Международное право» и «Международная экономика и менеджмент», что обусловлено необходимостью подготовки высококвалифицированных специалистов в сфере внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности Республики Узбекистан.

Не менее важным предметом в изучении политических наук выступает «Политическая философия», изучающая фундаментальные концепции политики, такие как власть, справедливость, свобода, права и демократия. Как область исследования политическая философия отличается от политической науки (хотя эти две области часто становятся взаимосвязанными), поскольку первая связана с логической и философской интерпретацией политических идей и концепций, тогда как вторая может пониматься как область эмпирического исследования, изучающего существующие политические факты и практики, наблюда-

емые в обществе. Иными словами, политическая философия исследует идеи, ценности и концепции, которые обладают значительной нормативной политической значимостью, а политология изучает реальные факты и практику современных политических систем.

Знания и навыки, приобретенные в ходе курса, должны способствовать формированию у студентов компетентности в области политической философии, обучить систематическому и квалифицированному анализу информации и принятию рациональных решений на практике.

Сравнительная политология - одна из трех основных дисциплин политической науки наряду с политической теорией и международными отношениями. Она имеет дело с внутренними политическими структурами (такими институтами, как парламенты и исполнительная власть), отдельными и коллективными участниками (избиратели, партии, группы интересов, социальные движения), процессами (разработка политики, коммуникации и социализации, политической культуры). Основная цель этой эмпирической дисциплины - описать, объяснить и предсказать сходства и различия между политическими системами, будь то страны, регионы, города или наднациональные политические системы. Сравнительная политология использует как количественные, так и качественные данные. Основная цель сравнительной политологии состоит в том, чтобы способствовать и развивать у студентов чувство критического осознания окружающего мира.

На основанной кафедре с 2019 г. начали внедрять в учебный процесс политические дисциплины из всех трех категорий - основные, междисциплинарные и прикладные.

Политическая социология - это курс, посвященный отношениям между обществом и политической властью. Основная парадигма в этой дисциплине – дихотомия между государством и гражданским обществом. Основной результат курса – дать студенту возможность синтетического теоретического и аналитического мышления по ключевым теоретическим вопросам взаимоотношений общества и политики. Ожидается, что после завершения этого курса студенты получат более глубокое понимание противоречий между современным государством и гражданским обществом. Исследования политической социологии предлагают понимание современных теорий власти, интересов, изменений и конфликтов и, следовательно, позволяют студентам анализировать глубокие слои политической жизни. Кроме того, они получают способность объяснять динамику социальных и политических процессов.

Следует отметить, что со следующего учебного года (2021/2022 гг.) в УМЭДе планируется внедрение таких междисциплинарных полити-

ческих наук, как «Политическая антропология» и «Политическая психология». Политическая антропология – это подраздел социокультурной антропологии, но, как и антропология в целом, она остается невосприимчивой к точному разграничению. Ядром политической антропологии является сравнительное изучение политики в широком диапазоне исторических, социальных и культурных условий на основе полевых исследований. В рамках курса также изучаются властные структуры общества, включая степень консенсуса и модели равенства или неравенства внутри них. Исследуются способы, которыми лидеры устанавливают или укрепляют свой авторитет с помощью традиций, силы, убеждения и религии. Политическая антропология предлагает интересные идеи по таким вопросам, как национальная идентичность, этнический конфликт, значение монархии и т.д.

Политическая психология, также будучи междисциплинарной академической областью, представляет собой раздел социальной психологии, посвященный пониманию политики, политиков и политического поведения с психологической точки зрения. Политическая психология стремится понять взаимозависимые отношения между людьми и контекстами, на которые влияют убеждения, мотивация, восприятие, познание, обработка информации, стратегии обучения, социализация и формирование отношения. Политико-психологическая теория и подходы применялись во многих контекстах: роль лидера; формирование внутренней и внешней политики; поведение в условиях этнического насилия, войны и геноцида; групповая динамика и конфликт; расистское поведение; отношение к голосованию и мотивация; голосование и роль СМИ и т.д. По сути политические психологи изучают основы, динамику и результаты политического поведения, используя когнитивные и социальные объяснения.

С целью подготовки новых кадров в процесс преподавания предметов, а именно для ведения семинарских занятий, были вовлечены выпускники магистратуры УМЭД по направлению «Практическая политология», недавно закончившие наше учебное заведение с отличием.

Из числа прикладных предметов в настоящее время в УМЭД преподается «Политический анализ и прогнозирование». Как дисциплина, направленная на решение проблем, курс «Политический анализ и прогноз» опирается на методы, теории и основные выводы социальных наук для решения практических задач политики. Как преподаваемый курс, «Политический анализ и прогноз» предоставляет студентам комплексную методологию анализа и прогноза политики. Курс «Политический анализ и прогноз» основан на предпосылке, что анализ и про-

гноз политики – это прикладная социальная и политическая научная область, предназначенная для решения практических задач, стоящих перед государственными учреждениями и общественными организациями. Курс помогает студентам развить практические навыки, необходимые для передачи результатов через служебные записки, позиционные документы и другие формы структурированного аналитического письма. Курс привлекает студентов, предлагая им критически проанализировать аргументы политических деятелей, а также политологов, экономистов и политических философов.

Для решения вопроса по пополнению литературы был подготовлен пятилетний план публикаций учебников и учебных пособий на узбекском, русском и английском языках.

Перед новообразованной кафедрой «Политология» УМЭД стоят две основные задачи, с которыми мы сталкиваемся: 1) кадровый вопрос; 2) приобретение необходимой литературы по преподаваемым предметам.

Так, первой приоритетной задачей кафедры выступает кадровый вопрос, что обусловлено нехваткой специалистов в преподавании таких узкоспециализированных направлений политологической науки, как «Политическая философия», «Политическая социология», «Политические технологии», «Сравнительная политология» и др. В свою очередь, данная проблема напрямую связана с задачей обеспечения библиотеки университета необходимой литературой по вышеперечисленным узкоспециализированным предметам. В решении данного вопроса особый акцент делается на приобретение и создание литературы на узбекском и русском языках как в печатном, так и в электронном формате.

Следует отметить, что в целях решения этих проблем со стороны руководства университета и деканата «Международные отношения», а также кафедр были проделаны следующие шаги:

1. С целью подготовки новых кадров в процесс преподавания предметов, а именно для ведения семинарских занятий, были вовлечены докторанты, стажеры-докторанты, а также выпускники магистратуры УМЭД по направлению «Практическая политология», недавно закончившие наше учебное заведение с отличием. Важно подчеркнуть, что молодые специалисты демонстрируют энтузиазм и достаточно высокий потенциал в данном направлении.

2. Для решения вопроса по пополнению литературы был подготовлен пятилетний план публикаций учебников и учебных пособий на узбекском, русском и английском языках. Кроме того, с участием профес-

сорско-преподавательского состава кафедры «Политология» был составлен список новейшей литературы по узкоспециализированным предметам, который предоставлен руководству университета для дальнейшего приобретения печатных изданий в библиотеку.

В целом, новая кафедра ставит перед собой определённые планы дальнейшего развития, что в первую очередь связано с приобретением статуса центральной координационной кафедры по направлению «политология» в Узбекистане. Помимо этого, стоит вопрос развития международного сотрудничества с другими зарубежными факультетами вузов, сообществ и ассоциаций по политологии в целях получения опыта и мирового признания. Для реализации этих планов было бы целесообразным создать политологическую школу УМЭД, которая поспособствовала бы развитию научных исследований в данном направлении и получению отечественного и мирового признания как передовая кафедра политических наук.

Литература

1. *Мирзиеев Ш.М.* Постановление Президента Республики Узбекистан «О мерах по повышению эффективности подготовки кадров, фундаментальных и прикладных исследований в области политических наук» №ПП-4139 от 29.01.2019 г.

2. Там же.

3. *Caramani Daniele. Comparative politics.* Oxford: Oxford University Press, 2017.

Ш.М. Абдуллаев, У.А. Хасанов

Ближний Восток в приоритетах российского востоковедения

Россия и Восток всегда развивались в неразрывном единстве культурной, географической, исторической, социальной и многих других областей. Именно такая близость определяла их уникальную связующую роль цивилизационного порядка. Возможно, поэтому проблемы развития Ближнего Востока, арабского мира, ислама и Центральной Азии занимали особое место в научном дискурсе российских ориенталистов и становились целым событием в научной среде.

Традиции востоковедения в России имеют многовековую историю, восходящую к эпохе Аббасидского халифата, когда были установлены первые дипломатические связи и взаимодействие русской и арабской культур, что знаменует особую веху в мировой ориенталистике. Непреходящее значение имели глубокое исследование основ ислама и блестящий перевод священного для мусульман Корана российским востоковедом И.Ю.Крачковским [1]. Достаточно указать на такие его работы, как «Арабская культура в Испании» и «Введение в эфиопскую филологию» [2]. Системное изучение классических образцов арабской литературы представлено, в частности, в его труде «Исторический роман в современной арабской литературе» [3], а также в «Истории изучения Востока в Европе и России» знаменитого тюрколога В.В.Бартольда [4]. Именно благодаря таким и многим другим фундаментальным исследованиям выросла целая плеяда российских ученых, оставивших значительный след в мировой ориенталистике. К ним, несомненно, можно отнести и таких корифеев науки, как М.А.Салье, занимавшегося исследованиями

Абдуллаев Ш.М., докт. ист. наук, проф., директор Центра международных экономических и политических исследований УМЭД.
Хасанов У.А., канд.полит.наук, заведующий кафедрой «Международные отношения», УМЭД.

основ ислама в Институте востоковедения АН Узбекистана, как проф. Б.Я.Шидфар [5], автор перевода Корана, признанного строгими теологами университета Аль-Азхар, проф. И.М.Фильштинского, сделавшего вклад в науку своими трудами по основам арабской литературы и суфизма; он автор работ «Очерки арабо-мусульманской культуры VII–XII вв.» [6], «История арабской литературы X–XVIII вв.», «История арабов и Халифата 750–1517 гг.», «Халифат под властью династии Омейядов» [7], и многих других.

Традиции востоковедения в России имеют долгую, многовековую историю, восходящую к эпохе Аббасидского халифата, когда были установлены первые дипломатические связи между русской и арабской культурами. Их взаимодействие знаменовало особую веху в мировой ориенталистике.

Продолжением академических традиций российских ориенталистов можно по праву считать коллективную монографию «Ближний Восток: Политика и идентичность» [8], подготовленную под редакцией крупного российского ученого-востоковеда, руководителя Центра ближневосточных исследований Национального Исследовательского института мировой экономики и международных отношений Российской Академии наук (ИМЭМО РАН) И.Д. Звягельской. Данная монография уже приобрела признание в кругах международников во многих странах мира в качестве ценного источника научной информации и анализа политических процессов в этом крайне противоречивом и сложном регионе мировой политики.

Коллектив авторов включает таких ориенталистов, как академик РАН В.В.Наумкин, член-корр. РАН, ведущий ученый ИМЭМО И.С. Семененко, проф. МГУ им.М.В.Ломоносова Г.Г.Косач, руководитель Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН В.А.Кузнецов, известный тюрколог, ведущий научный сотрудник ИМЭМО В.А.Надеин-Раевский. Их исследования касаются комплекса факторов национальной идентичности, определяющих внутри- и внешнеполитическое поведение стран и народов Ближнего Востока в условиях высокой турбулентности процессов современного глобального развития.

Научный нарратив авторов указанной коллективной монографии опирается на глубокое знание и экспертные оценки культурно-цивилизационной и иной специфики смежных и в то же время относительно автономных социумов Ливана, Сирии, Иордании, Израиля, Египта, Саудовской Аравии, Турции, Ирана и других в свете исторических, конфессиональных, социальных традиций и противоречий, в становлении Ближнего Востока как особого гео-социального региона мировой политики.

Цивилизационное осмысление уникального наследия ислама, иудаизма и христианства, их идентификационная составляющая всегда охватывало рассмотрение причин размежевания народов и этносов, с одной стороны, и консолидирующих скрепов политического характера всего Ближнего Востока как относительно сложившегося региона – с другой [9].

К одному из множества разных и в то же время исключительно существенных аспектов проблемы политизации в регионе ученые относят задачу национальной консолидации, при этом авторы апеллируют к национализму как базовой основе государственности на арабском Востоке и главным образом саудовской интерпретации такого явления. В частности, они отмечают некую дихотомию такого явления, в котором с одной стороны, саудовское общество политически и государственно оформлено, а с другой – нет единой и консолидированной нации, объясняя это слабостью социальных связей, их фрагментарностью и, как следствие, отсутствием устойчивой политической идентичности. Свою роль в этом процессе играли полиэтническая и конфессиональная секторальность общества, имея в виду значительное присутствие интегративного потенциала шиитов, исмаилитов и зейдитов [10], что сказывалось параллельно на некотором снижении популярности политики государственного ваххабизма [11].

Цивилизационное осмысление уникального наследия ислама, иудаизма и христианства, их идентификационная составляющая всегда имели важное значение в исследовании причин размежевания народов и этносов.

Попытки нивелирования противоречий в саудовском обществе связывают с приходом к власти короля Салмана бин Абдель Азиза, усилением позиции наследного принца Мухаммеда бин Салмана, называемого в западных источниках аббревиатурой МБС. Он своеобразно выстраивает национальное видение политической идентичности своего государства, что выражается в опоре на молодых технократов, патриотизме, верховенстве закона, равенстве различных «мазхабов» ислама и поэтапном достижении гендерного равенства.

Анализируя особенности развития политической системы Саудии, многие аналитики акцентируют внимание на нестандартных шагах МБС в укреплении его собственного авторитета в стране, переходящем в открытую конфронтацию с ближайшими родственниками, подчинение своему личному контролю силовых структур королевства. В его внешней политике – сложная комбинация дипломатической игры с Россией, США, Китаем, агрессия против своего южного соседа – Йемена, попытка ослабить влияние Ирана в регионе, а также ввести новый порядок

отношений со своими традиционными партнерами, в первую очередь с Катаром, что к концу 2017 г. чуть не привело к развалу Совета сотрудничества арабских государств Залива, и наконец, закрытые переговоры с израильским премьером Биби Натаниягу и директором национальной разведки и специальных задач «Моссад» Йоси Коэном, состоявшиеся вслед за подписанием при посредничестве США так называемых «Авраамовых соглашений» о нормализации отношений между Израилем, Объединенными Арабскими Эмиратами и Бахрейном в конце 2020 г. [12].

Не менее важной составляющей политической идентичности признаны приоритеты некоторых этнических политических партий, представляющих интересы конкретных групп, в частности, еврейского населения Израиля [13]. Ярким примером этого служит ультраортодоксальная партия ШАС, пользующаяся авторитетом у евреев-сефардов, выходцев преимущественно из арабских стран, которая в последние годы усилила свою популярность у израильского электората, заняв твердую третью позицию в Кнессете вслед за «Авода» и «Ликуд» [14]. Особенностью такой партии, состоящей из крайне ортодоксальных «харедимов», досконально и буквально трактующих и соблюдающих Тору, придерживающихся основ религиозного сионизма, в политическом плане позиция часто переменчива, а иногда и лояльная доминирующему в стране мейнстриму по принципиальным вопросам внешней политики.

К другой категории субэтнических групп исследователи относят и так называемые «русские» партии, популярные в среде выходцев из постсоветских стран. К таким обычно причисляют партию «Эсроэль ба-Алия» («Израиль на подъеме»), руководимую известным политическим деятелем Израиля Натаном Щаранским, и «Эсроэль Бейтану» («Наш дом Израиль»), лидером которой признан Авигдор Либерман [15], ранее занимавший ключевые посты в израильском политическом истеблишменте. Подобные партии представляют в большинстве своем интересы значительных этнических групп репатриантов, придерживающихся особой, чаще всего жесткой позиции в переговорах с палестинцами по вопросу статуса Иерусалима, Храмовой горы, строительства поселений на Западном берегу р. Иордан, что, безусловно, оказы-

Многие исследователи, анализируя особенности развития нынешней политической системы Саудии, акцентируют внимание на нестандартных шагах МБС в укреплении его собственного авторитета в стране, переходящее в открытую конфронтацию со своими ближайшими родственниками, подчинение под свой личный контроль силовых структур королевства, во внешней политике - сложной комбинации дипломатической игры с Россией, США, Китаем, Катаром и Израилем.

вает влияние на характер и атмосферу общеполитического климата по ключевым сегментам арабо-израильских противоречий [16].

Стоит подчеркнуть, что в последние десятилетия так называемый Большой Ближний Восток приковывает к себе повышенный интерес целых школ востоковедения. История образования сообществ региона становится предметом более глубокого изучения, подкрепленного новыми материалами архивных фондов, что, безусловно, содействует новому прочтению процессов османского, колониального и постколониального периодов их развития, о чем отчетливо свидетельствует целая серия фундаментальных исследований под редакцией выдающихся российских и западных ученых-ориенталистов.

Они, в свою очередь, дополняются исследованиями смежных сфер, также связанных с трансформацией социальных систем государств, такими как, например, института улемов – от мужтахидов до мулл и вплоть до вершины иерархии в лице Шайхуль-Ислама, интеллектуалов, изучения роли молодежи в эпоху Османидов, государств-преемников, просветительских миссий на Ближнем Востоке, которые были особенно популярны в период подъема идей арабского национализма Джамалиддина Ал-Афгани и Мухаммеда Абдо начала XX столетия.

В течение долгого времени современная история Ближнего Востока (XVII-XIX вв.) писалась как история безвозвратного упадка Османской империи, «...названного с легкой подачи императора Николая I «больным человеком Европы» (выражение датируется 1853-м годом, периодом Крымской войны, но использовалось для обозначения империи на протяжении всего XIX века)».

Взять, к примеру, ту же сферу образования в сообществах региона, где в той или иной степени превалировали идеологические акценты. Она отражалась в политике государств, которые традиционно доминировали в регионе на протяжении довольно долгого периода: Османским государством, а с начала XX в. и странами-метрополиями, преимущественно Великобританией и Францией, в форме подмандатных территорий или протекторатов, а затем уже независимыми государствами. Образование приобретало различный характер и сочетало в себе элементы все того же кемализма, мусульманского национализма в период так называемой модернизации национальных социально-политических систем.

По мнению видных ученых, понимание особенностей исторических перемен, произошедших на Ближнем Востоке периода распада Османской империи, содействует более глубокому осознанию характера нынешних процессов в регионе. Как известно, в течение долгого времени современная история Ближнего Востока (XVII-XIX вв.) писалась как

история безвозвратного упадка Османской империи, «...названного с легкой подачи императора Николая I «больным человеком Европы» (выражение датируется 1853-м годом, периодом Крымской войны, но использовалось для обозначения империи на протяжении всего XIX в.) [17]. Чтобы остановить этот упадок, осужденный самими османскими элитами, османская власть провела обширную реформу, известную как «Танзимат» (1839-1876), которая, однако, не достигла, согласно мнению многих ученых, своей цели и в конце Первой мировой войны невольно способствовала распаду империи. Кроме того, арабские провинции империи подверглись определенному давлению извне: турецкие и арабские общества и культуры оставались разделенными, причем в большинстве своем первые подавляли вторые. Примерно к концу Средневековья арабская культура погрузилась в длительный упадок, который османское господство только увеличило и усилило. Другие нетюркские народы империи также разделили эту судьбу. Впав в упоминаемый учеными как «длительный сон» с XVI в. (возможно, даже раньше), они испытали период пробуждения или возрождения (Нахда) только к концу XIX в., дав толчок эпохе арабского национализма, активизации социального движения начала XX в.

Кризис, который потрясает в последние годы Ближний Восток, ставит под сомнение жизнеспособность национального государства в этом регионе; мы не только наблюдаем слабость его институциональной базы в Ираке, Сирии, Ливии или Йемене, чаще всего на поверхности возникает проблема пересмотра границ, что адекватно сказывается на изменении основ политического порядка на региональном уровне.

Еще одной доминантой, на который обращают внимание эксперты, становится своеобразие самой обстановки, которая складывалась в регионе, в частности, в Ираке к середине 2000-х, и нынешнего кризиса в Сирии. Многие исследователи дают различные оценки ситуации в этих странах; одной из примечательных и наиболее чувствительной представлялась проблема конфессионального различия в сообществах региона. На ее фоне возникали попытки новых интерпретаций религиозных установлений и традиций, а также активизации форм политической мобилизации на Ближнем Востоке, часто сопровождаемых вооруженным насилием. Такие исследования проливают свет на известную дихотомию в научном дискурсе: первый аспект связан с конфликтами на конфессиональной почве как продолжение раскола в исламе, восходящего к VII в., а второй – с характером экзогенных факторов, главным образом в виде иностранной военной интервенции.

По оценкам многих ученых, в этой стратегически важной зоне Земного шара происходит сдвиг парадигмы: современное национальное государство возникло в результате Второй мировой войны с уходом колониальных и «прокси»-держав. Границы большинства таких государств частично утратили свою актуальность. Вооруженные повстанческие группировки (например, «Исламское государство», «Хезболла», «Хашд-аш-Шааби») пересекают эти границы без особых препятствий, делая их чисто формальными. Кроме того, активная миграция населения, ищущего убежище на соседних территориях, поставили под сомнение социально-политическую природу самих государств» [18]. Кризис, который потрясает в последние годы Ближний Восток, подтачивает жизнеспособность национального государства в этом регионе; наблюдается не только слабость его институциональной базы в Ираке, Сирии, Ливии или Йемене; чаще всего возникает проблема пересмотра границ, что адекватно сказывается на изменении основ политического порядка на региональном уровне. Чаще всего оспариваются границы турецкого, сирийского, иракского, ливанского и йеменского государств. К примеру, сирийско-ливанская граница прекратила свое существование еще в 1976 г., когда сирийская армия вмешалась в гражданскую войну в Ливане, чтобы сокрушить альянс палестинских формирований с ливанским национальным движением и защитить лагерь фалангистов.

Схожая мысль проходит красной нитью уже в другом, не менее фундаментальном исследовании последних лет, подготовленном видными российскими учеными В.Г.Барановским и В.В.Наумкиным, в котором они дают еще более развернутую картину, указывая на то, что «...государства, возникшие на месте зависимых территорий, которые никогда не обладали собственной государственностью. Их границы были определены метрополиями еще в начале колониального периода, как правило – произвольно, без учета природно-географических и демографических реалий. К числу таких государств относятся Ирак, Сирия, Ливия. Кувейт при Османской империи был частью Басорского вилайата (что дало впоследствии повод Саддаму Хусейну считать его частью Ирака), но затем оказался под протекторатом Великобритании и обрел независимость лишь в 1961 г. Формирование таких государств шло, как правило, непросто. Например, в случае с Ли-

В то время как географические объекты с местной или племенной идентичностью подпитывают большое количество вооруженных групп, новые конфессиональные идеологии создают в Сирии, Ираке и других странах новые региональные союзы.

вией, находившейся ранее под управлением Италии, стоял вопрос о разделе страны на три самостоятельные провинции. Великобритания пыталась провести в ООН признание независимой Киренаики, в то время как Франция хотела получить в управление Феццан, согласившись передать Киренаику и Триполитанию под управление англичан.» [19].

Надо отметить, что еще в 2013 г. именно «...ливанская Хезболла пересекла ту же границу, чтобы вмешаться в сирийский конфликт на стороне сил Башара Ал-Асада. С тех пор ливанское ополчение контролирует территории на сирийской стороне этой границы и активно участвует в боях в Кусейре, Дамаске и Алеппо. Граница между Сирией и Турцией оставалась прозрачной. Кроме того, курдской партизанской группе РПК удалось контролировать обширные территории по обе стороны турецко-сирийской и турецко-иракской границ, против нее Турция начала еще одну войну в трансграничной зоне, а также на территории Сирии (операция «Щит Евфрата»)» [20]. Когда исламскому государству удалось получить контроль над территориями по обе стороны сирийско-иракской границы, ему удалось ликвидировать историческую линию Сайкс-Пико. Все формирующиеся политические силы «...имеют довольно противоречивое представление о значении существующих границ, а значит, и политический расклад на региональном уровне» [21].

Глубина кризиса может быть измерена не только крахом государственной власти, но и возникающими альтернативными силами: в то время как географические объекты с местной или племенной идентичностью подпитывают большое количество вооруженных групп, новые конфессиональные идеологии создают в Сирии, Ираке и других странах новые региональные союзы между субъектами, которые отвергают концепцию национального государства.

Все это по-новому характеризует превалирующий в научной среде нарратив вокруг проблемы наследования старых и возникновения новых политических традиций Большого Ближнего Востока. Поэтому всестороннее изучение местных сообществ, доминирующих форм и моделей поведения, специфики верований и конфессиональных различий в условиях глобальной неопределенности и фрагментации целых региональных сообществ еще долго будет оставаться в фокусе внимания целых школ востоковедения во многих странах мира.

Литература

1. *Крачковский И.Ю.* Коран / Перевод и комментарии. [Предисловие В.И.Беляева и П.А.Грязневича]. – М., 1963.

2. *Крачковский И.Ю.* Арабская культура в Испании. – М.: Ленинград: Акад. наук СССР. Изд-во Акад. наук СССР, 1937.

3. *Крачковский И.Ю.* Исторический роман в современной арабской литературе // Журнал Министерства Народного Просвещения, 1911.

4. История изучения Востока в Европе и России: Лекции, чит. в Имп. С.-Петерб. ун-те. – XIV (Издания Факультета восточных языков Императорского Санкт-Петербургского университета; № 38). – Санкт-Петербург: тип. М. М. Стасюлевича, 1911.

5. Коран / Смысловой пер. Б. Я. Шидфар. – М.: УММА, (ГУП ИПК Ульян. Дом печати), 2003.

6. *Фильштинский И.М., Шидфар Б.Я.* Очерк арабо-мусульманской культуры (VII-XII вв.). – М.: Академия Наук СССР, Научный совет «История мировой культуры», 1971.

7. История арабской литературы V — начала X вв. – М., 1985; История арабской литературы X—XVIII вв. – М., 1991; История арабов и Халифата 750—1517 гг. – М., 2001; Халифат под властью династии Омейядов. – М., 2005.

8. Ближний Восток: Политика и идентичность: Коллективная монография / Под ред. И.Д.Звягельской / ИМЭМО РАН. – М., Издательство «Аспект Пресс», 2020. ISBN 978-5-7567-1120-2

9. *Барановский В.Г.* Трансформация системы международных отношений на рубеже XX и XXI вв. // Российская политическая наука перед вызовами глобального и регионального развития. Науч. ред. О.В. Гаман-Голутвина, – М.: Аспект-Пресс, 2016. [Baranovsky V.G. Transformatsiya sistemy mezhdunarodnykh otnoshenii na rubezhe XX i XXI vv. [Transformation of the System of International Relations at the Turn of XX and XXI Centuries]. Rossiiskaya politicheskaya nauka pered vyzovami global'nogo i regional'nogo razvitiya [The Russian Political Science Facing Challenges of Global and Regional Development]. Gaman-Golutvina O.V., ed. Moscow: Aspekt-Press, 2016.]

10. См. там же: Раздел 1. Национальное государство и национальная идентичность. Глава 4. Саудовская Аравия: антирелигиозный национализм. С. 71-76. Также см.: *Косач Г.Г.* Саудовская Аравия: государство и конструирование «национальной идентичности» // Культурная сложность современных наций. – М. Политическая энциклопедия. 2016.

11. *Hitman G.* Saudi Arabia"s Wahhabism and Nationalism: The Evolution of Wataniyya into Qawmiyya // Digest of Middle East Studies. Vol.27. No.1. – P. 81-82.

12. ОАЭ, Бахрейн и Израиль подписали соглашение о нормализации отношений // Журнал «Международная жизнь», 16.09.2020. https://interaffairs.ru/news/show/27458

13. Ближний Восток: политика и идентичность: Коллективная монография / Под ред. И.Д.Звягельской, ИМЭМО РАН. – М., Издательство «Аспект Пресс», 2020. (Раздел IV. Модели политической идентичности. Глава 12. Израиль: симбиоз светской идеологии и религиозного дискурса. С.177-187)

14. Там же.

15. Там же.

16. *Карасева Т.А.* 70 лет государству Израиль. Достижения и проблемы: Колл. монография «Государство Израиль: путь длиною в 70 лет» / Ред. Карасева Т.А., Федорченко А.В., Морозов В.М. – М.: МГИМО (У), 2019. – С. 11-12.

17. *Baker Peter, Glasser Susan.* Kremlin Rising: Vladimir Putin's Russia and the End of Revolution. – Washington, D.C.: Potomac Books, 2007. – P. 179-176.

18. *Zehr N.A.* The War Against al-Qaeda. Religions, Policy and Counter-Narratives. – Washington D.C.: Georgetown University Press, 2017.

19. *Барановский В., Наумкин В.* Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте: ключевые тренды столетнего развития // Мировая экономика и международные отношения, 2018. Т. 62, № 3. – С. 5–19.

20. «Три года противостояния в Сирии» // «Коммерсантъ» от 01.12.2014 https://www.kommersant.ru/doc/2322152

21. *Maddy-Weitzman B.* A Century of Arab Politics. From the Arab Revolt to the Arab Spring. – Boulder: Rowman&Littlefield, 2016.

Ш.Ш. Таджиев

Рецензия на коллективную монографию «Системный подход к изучению международных отношений»

Теоретико-методологическая основа анализа, осмысления и прогнозирования процессов в международной политике, концептуализация мирополитических мегатрендов, разработка и принятие научно обоснованных и, что чрезвычайно важно, операбельных региональных и глобальных моделей и конструкций для выстраивания стабильных внешних связей и формирования устойчивого мирового (регионального) порядка занимают центральное место в современных социальных и политических исследованиях. Именно поэтому представленный недавно вниманию читателей коллективный труд ученых Университета мировой экономики и дипломатии, посвященный системному подходу к изучению международных отношений, видится весьма актуальным.

Авторитетный коллектив авторов во главе с профессором Ш.М. Абдуллаевым предпринял, по нашему мнению, вполне успешную попытку адаптированного и обобщенного изложения сущности и значения системного анализа международных отношений в современном международном дискурсе, анализа основ системного подхода и системных моделей в международных отношениях. В работе представлены общепризнанные в науке о международных отношениях структура и типология международных систем, рассматриваются система баланса сил, категории равновесия и полярности в международных отношениях, Вестфальская модель и эволюция современной мировой системы.

Получившая бурное развитие на Западе в 50-60-е годы XX в. теория международных отношений в наше время обрела вполне независимое

Таджиев Ш., доктор философии (PhD) по политическим наукам.

положение в социальных науках. В свою очередь, на фоне становления общенаучных теорий системный подход повлиял на формирование частнонаучных теорий социальных наук в результате междисциплинарной интеграции.

Как справедливо отметили авторы монографии, специфика системного подхода заключается в рассмотрении объекта (феномена) исследования в контексте его целостности (единства), выявлении механизмов, обеспечивающих целостное функционирование объекта, что обусловлено многообразными типами связей объекта, и восстановлении/сведении полученных результатов в единую картину (сбор пазлов). Для системного подхода характерно сочетание внутридисциплинарного и междисциплинарного уровней, придается особое значение разработке «специальной» методологической базы.

В работе в доступной форме описываются основные требования, принципы, аналитические уровни и другие важнейшие параметры системности при изучении международных отношений, что дает читателю возможность получить полезный методологический инструментарий для цельного и вполне объективного осмысления сложнейших проблем в этой «дискуссионной» области.

Для студентов-международников, исследователей и практиков осознание и систематизация различных парадигм, теорий, концепций, школ и направлений теории международных отношений и тем более их практическое применение может показаться, на первый взгляд, довольно сложной задачей. Однако без их познания и усвоения трудно себе представить выстраивание цельной картины сегодняшнего стремительно меняющегося мира, сложно уловить глубокую взаимосвязь подсистем, элементов и факторов системы международных отношений в их горизонтальном и вертикальном (зачастую трехмерном) измерении, раскрыть проблемы в рамках исторического континуума и выработать научно-практические рекомендации на базе прогностических оценок или моделирования ситуации.

Наблюдаемый сегодня период турбулентности на внутриобщественном поле ведущих мировых акторов и исключительной хаотичности в системе международных отношений особенно остро требует от исследователей и политиков освоения методологических подходов, взаимоувязанного анализа внутренней и внешней политики государств, непреложного учета фактора социального мейнстрима при формировании политического поведения.

Монография нацелена не только на представление главенствующих в международной науке комплексных подходов к системному

анализу, но и подчеркивает значение системного мышления и анализа в современном мире, когда тенденции «взаимосвязанности», «вычисления», «скорости» и «данных» приводят к «преодолению чрезмерно технократического, редукционистского и разделенного традиционного подхода».

Данный посыл исключительно востребован, если учесть разнонаправленность и многоаспектность новейшей международной среды, характеризующейся наличием вызовов переформатирования глобалистских трендов и появлением феномена ренационализации или суверенизации, стремительным развитием информационно-коммуникационных технологий в период «четвертой индустриальной революции», укреплением роли негосударственных акторов, геополитическими рисками, межцивилизационными коллизиями, пандемическими угрозами, изменением региональных конфигураций и равновесия сил, а также многими-многими другими исходными элементами и факторами в системе международных отношений.

Широкая ссылочная база монографии направляет читателя в глубины теоретических разработок американских и европейских исследователей М.Каплана (Morton A.Kaplan) «идеальных» типов международных систем, Р.Розекранса (Richard Rosecrance) исторических моделей международных систем, К.Уолтца (Kenneth Waltz) концепции трёх уровней структуры системы, Р.Гилпина (Robert Gilpin) системных изменений на уровне международной системы и государств, С.Хоффмана (Stanley Hoffmann) системных внутренних и внешних ограничений внешней политики, К.Дойча (Karl W. Deutsch) сообществ безопасности и информационных систем, И.Валлерстайна (Immanuel Wallerstein) концепции «мир-системы», Дж.Модельски (George Modelski) длительных/длинных циклов в мировой политике, европейских исследователей Р.Арона (Raymond Aron) гомогенных и гетерогенных международных систем, представителей английской школы международных отношений Х.Була (Hedley Bull), Б.Бузана (Barry Buzan) концепции международного общества, «новых» элементов международных систем.

В доступной форме показано значительное влияние на эволюцию системного подхода в политической науке исследований американского социолога Т.Парсонса (Talcott Parsons), немецкого социолога Н.Лумана (Niklas Luhmann), американского политолога Д.Истона (David Easton).

В данном контексте обращает на себя внимание то обстоятельство, что в подробном обзоре современного научного дискурса рассмотрен системно-исторический подход И. Валлерстайна – яркого представителя несколько игнорируемого в последние десятилетия в отечественной

политологии неомарксизма, что свидетельствует о деидеологизированной представленности в коллективной монографии широкой гаммы выдающихся имен.

Читателям книги из числа студенчества будет крайне интересен параграф о достижениях китайских ученых в области международных исследований, если принять во внимание, что в современную эпоху фактор Китая становится некой константой в любых парадигмах при структурировании и моделировании нового мирового порядка.

Не менее значимым является развернутое раскрытие авторами исторического контекста «Вестфальской» модели в системе международных отношений, тем более в нынешних условиях эрозии и трансформации политической организации мира.

Глубокий научный подход авторов монографии проявился в попытке проанализировать значение и роль Центральной Азии в системе международных отношений посредством применения одной из популярных современных концептуальных разработок в этой сфере – теории региональных комплексов безопасности Б. Бузана и О. Вевера.

Авторы монографии полемизируют с положениями теории представителей копенгагенской школы исследований безопасности, которые рассматривают Центральную Азию лишь как подкомплекс постсоветского регионального комплекса безопасности. Отечественные ученые справедливо замечают, что хотя данная теория не расценивает наш регион в качестве самостоятельной единицы, понятие «центральноазиатский регион» уже давно вошло в обиход специалистов и экспертов в сфере международных отношений. Центральная Азия в составе пяти независимых государств воспринимается как самостоятельный регион, имеющий свои отличительные особенности и геополитические границы. Это, в свою очередь, актуализирует попытки разработок новых геополитических представлений для этой части Евразийского континента. Например, выдвигается концепция американского эксперта Ф. Старра «Большая Центральная Азия» по взаимному сближению Центральной и Южной Азии.

Действительно, по нашему мнению, географическая и культурно-цивилизационная близость нашего региона к Южной Азии и Персидскому заливу, наметившаяся региональная самоорганизация в Центральной Азии в сферах политики и экономики, а также последовательные действия Узбекистана в качестве одного из ключевых гравитационных полей в евразийском пространстве по развитию транспортно-коммуникационных коридоров в южном направлении позволяют спрогнозировать в среднесрочной перспективе формирование новой динамики на стыке Хартленда и Римленда в данной точке мира.

Такая позитивная динамика может предполагать дальнейшую активизацию и повышение роли государств Центральной Азии в мировой экономике и политике, заметно расширяющих возможности регионального и международного сотрудничества. Бесспорно, важнейшим условием для реализации такого сценария остается стабилизация ситуации внутри и вокруг Афганистана, достижение поэтапной конвергенции интересов близлежащих и глобальных игроков относительно будущей системы взаимоотношений в этой стратегически важной зоне.

Тем самым, возможно, Хартленд выполнит важную самостоятельную геополитическую функцию и придаст заметный культурно-исторический импульс развитию этой части мира, а положения теории региональных комплексов безопасности, не исключено, наполнятся новым содержанием усилиями ученых Узбекистана.

Таким образом, коллектив авторов монографии небезосновательно и своевременно приглашает отечественных исследователей и профессионалов к более широкому приобщению к классическим и современным теориям и подходам в области системного анализа и прогнозирования внешней политики и международных отношений.

У нас есть все основания утверждать, что очередной труд ученых и специалистов Университета мировой экономики и дипломатии стал серьезным шагом вперед в русле «парадигмы освоения» новейших знаний, особенно с учетом целевой аудитории таких работ в лице бакалавров, магистрантов, докторантов, научных сотрудников и преподавателей, занимающихся исследованиями и аналитикой.

ЖАҲОН ИҚТИСОДИЁТИ ВА ДИПЛОМАТИЯ УНИВЕРСИТЕТИНИНГ ИЛМИЙ ҲАЁТИ

бўйича маълумот (2020 йил, июль-декабрь ойлари)

Университетда 2020 йилнинг охирида 147 та профессор-ўқитувчилар фаолият олиб бориб, улардан 18 нафари фан доктори ва 47 нафари фан номзоди бўлиб, илмий салоҳият 44,2 фоизни ташкил этди. Университет профессор-ўқитувчилари томонидан 2020 йилда 4 та дарслик, 14 та монография, 53 та хорижий ҳамда 75 та республика журналларида мақолалар нашр этилган. Университетда 2020 йил мобайнида 3 та хорижий ва 5 та давлат илмий-техник дастурлари доирасидаги грант лойиҳалари ҳамда 1 та хўжалик шартномаси амалга оширилди.

2020 йилда стажёр-тадқиқотчилик институтига 2 та ихтисослик бўйича 3 нафар, таянч докторантура ва докторантура институтига 4 та ихтисослик бўйича 9 нафар таянч докторант ва 1 нафар докторант қабул қилинди. Шунингдек, 12 нафар фалсафа фанлари бўйича мустақил изланувчи (PhD) ва 5 нафар фан доктори бўйича (DSc) мустақил изланувчи қабул қилинди.

2020 йилнинг декабрь ойи ҳолатига кўра 6 та ихтисослик бўйича стажёр-тадқиқотчилар сони 3 та, таянч докторантлар (PhD) сони 26 ва докторантлар (DSc) сони 3 нафарни ҳамда фалсафа фанлари бўйича мустақил изланувчи (PhD)лар 55 нафар ва фан доктори бўйича мустақил изланувчилар (DSc)лар 13 нафарни, жами 68 нафарни ташкил этади.

Шунингдек, Университетга 2020 йил давомида тўлов-контракт асосида Хитой Халқ Республикаси фуқароси Chao Qing 08.00.09 – Жаҳон иқтисодиёти ихтисослиги бўйича ва Корея Республикаси фуқароси Kim Soooh 23.00.04 - Халқаро мунособатлар, жаҳон ва минтақа тараққиётининг сиёсий муаммолари ихтисослиги бўйича мустақил изланувчилик институти (PhD)га қабул қилинди.

Жорий йилда Университет ўқитувчилари ва илмий ходимлари томонидан жами 13 та ҳимоя ўтказилган бўлиб, уларнинг 5 нафари фан доктори ва 8 нафари фалсафа доктори илмий даражасини олди. Шунингдек, 2020 йил давомида университет профессор ўқитувчилари томонидан 2 та профессорлик ва 3 та доцентлик илмий унвонлари олинди.

Ўзбекистон Республикаси Вазирлар Маҳкамасининг 2020 йил 7 февралдаги 56-ф-сонли фармойиши асосида "ЖИДУда 2020 йилда ўтказиладиган халқаро ва республика миқёсидаги илмий-амалий конференцияларни ўтказиш тўғрисида"ги 2020 йил 12 февралда 59-UM-сонли университет буйруғи қабул қилинди. Мазкур буйруққа асосан, 2020 йилга 3 та халқаро ва 4 та республика миқёсидаги конференциялар ўтказилиши белгиланган.

2020 йил 16-17 сентябрь кунлари Ўзбекистон Республикаси Олий Мажлиси Сенати, Жаҳон иқтисодиёти ва дипломатия университети ва БМТ Тараққиёт дастурининг офиси томонидан биргаликда ташкил этилган «Пандемиянинг Марказий Осиёга таъсири: дастлабки сабоқлар, коронаинқироз ва трансформация истиқболлари" номли онлайн-халқаро илмий-амалий конференция бўлиб ўтди. Кент ва Кембридж университетлари, Белорусия давлат университети, Тожикистон миллий университети ва Озарбайжоннинг АДА университети каби олий таълим муассасаларини бирлаштирган Буюк Британиянинг Глобал муаммоларни тадқиқ қилиш фондининг КОМПАСС халқаро илмий лойиҳаси тадбирнинг расмий ҳамкори сифатида қатнашди. Конференцияда дунёнинг 18 мамлакатидан сиёсатчилар, жамоат тузилмалари, академик ва эксперт-таҳлил доиралари вакиллари иштирок этишди. Конференция давомида иштирокчилар пандемиянинг долзарб муаммолари, олинган дастлабки сабоқлар, Марказий Осиё мамлакатлари учун коронаинқироздан қандай чиқиш ва бундай фавқулодда вазиятларга глобал ва минтақавий тайёргарликни ошириш бўйича тавсияларни муҳокама қилдилар.

2020 йил 19 октабрь куни ЖИДУ ва ТДЮУ томонидан биргаликда БМТ ташкилотининг 75 йиллигига бағишланган онлайн давра суҳбати ташкил этилди. Тадбирда ЖИДУ ва ТДЮУ профессор-ўқитувчилари, талабалари ва докторантлари ҳамда Юристлар малакасини ошириш маркази, Қорақалпоқ давлат университети, Наманган, Термиз ва Самарқанд шаҳарларидаги юридик факультетлар, шунингдек, Ўзбекистон Республикаси Бош прокуратураси академиясининг вакиллари иштирок этишди. Тадбир давомида БМТнинг дунёда ортиб бораётган роли, 75 йил олдин белгиланиб, бугунги кунга қадар долзарб бўлиб қолаётган вазифалар, тинчликни сақлаш, дунё иқтисодиётини тиклаш, инсон

ҳуқуқлари ва эркинликларини таъминлаш борасида БМТ томонидан амалга оширилаётган вазифаларга тўхталиб ўтилди.

2020 йил 5 ноябрь куни университетда "Марказий Осиёда халқаро тизимларнинг ўзгариши: минтақавий хавфсизлик ва ривожланишнинг янги жиҳатлари" мавзусидаги республика илмий-амалий конференцияси ташкил этилди. Анжуманда Ташқи ишлар вазирлиги, Стратегик ва минтақалараро тадқиқотлар институти, Қуролли кучлар Академияси, ахборот-таҳлил марказлари, олий ўқув юртлари, илмий-тадқиқот институтлари вакиллари ва етакчи экспертлар иштирок этдилар. Конференцияда асосий муҳокама мавзуси минтақавий ривожланиш ва Марказий Осиё давлатлари ўртасидаги муносабатлар, уларнинг халқаро ташкилотлардаги фаолияти ҳамда дунёнинг етакчи мамлакатлари билан ҳамкорликдаги янги тенденциялар бўлди.

2020 йил 16 декабрда "Ташқи сиёсий ва ташқи иқтисодий алоқалар учун кадрлар тайёрлашда тил ва таржима масалалари" мавзусидаги XIII анъанавий илмий-амалий конференция ўтказилди. Анжуманга 10 дан ортиқ олий таълим муассасаларидан 40 дан ортиқ профессор-ўқитувчилар ва тадқиқотчи-мутахассислар иштирок этдилар. Конференция ишида ҳозирги кунда ташқи сиёсий ва ташқи иқтисодий алоқалар учун кадрлар тайёрлашда тил таълимини мақсадли ташкиллаштириш, таржимашунослик ва таржимонларни тайёрлаш масаласини жиддий тадқиқ этиш, тил таълими тизимини янада такомиллаштириш, тил ўқитишга жаҳон тажрибасидан келиб чиққан ҳолда янгича ёндашиш каби масалалар тадбир иштирокчилари томонидан муҳокама қилинди.

2020 йил 17 декабрь «Ижтимоий-иқтисодий жараёнларнинг тизим таҳлили ва моделлаштириш" номли халқаро илмий конференция бўлиб ўтди. Онлайн тарзда ўтказилган анжуман ишида кўплаб хорижлик олим ва экспертлар, жумладан М.Маскагни ва В.Ж.Трашер (АҚШ), Ж.Душҳет (Франция), М.Гемма (Япония) ҳамда К.Шакенов (Қозоғистон) иштирок этишди. Шунингдек, конференцияда Тошкент, Бухоро, Самарқанд ва Намангандаги олий ўқув юртлари олимлари ва тадқиқотчилари қатнашдилар. Анжуман ишида тизимларни таҳлил қилиш ва бошқаришнинг математик усуллари, корхона ва ҳудудий мажмуаларни бошқаришда тизимни таҳлил қилиш, ижтимоий жараёнларни моделлаштириш, фан-таълим соҳасидаги ахборот технологиялари, ўқув жараёнидаги тизимлар таҳлили ва олий таълимни бошқаришда тизимли таҳлилнинг истиқболли муаммолари, каби долзарб масалалар муҳокама қилинди.

МЕТОДИК КАБИНЕТ

▪ Методический кабинет ▪ Methodical cabinet ▪

ЖИДУ раҳбарияти ва "Халқаро муносабатлар/Международные отношения" журнали таҳририяти мазмунан ва концептуал янгиланган журнални чоп этишга киришмоқда. Тажриба шуни кўрсатмоқдаки, аксарият муаллифлар, айниқса, ёш тадқиқотчилар (докторантлар)нинг илмий изланиш жараёнларини ташкил қилиш, олиб бориш қонун-қоидалари, тартиблари билан таништириш лозим экан. Бундан ташқари, улар журналимиз савиясига бўлган янги концептуал ёндашув ва турли рукнларимизнинг мазмун-моҳиятини ҳам яхши англамаган кўринадилар. Шуларни эътиборга олган ҳолда, таҳририятимиз ***«Методик кабинет»*** *деб ном олган янги рукнни жорий этишга қарор қилди. Бу рукнда журналимиз мавзусига доир бўлган, ҳамда илмий тадқиқот ишларини ташкил этиш ва амалга ошириш тартиботлари, монография, илмий мақола, тезис, маъруза, эссе ёзиш тартибларига оид турли маълумотлар беришни режалаштирганмиз.*

«Халқаро муносабатлар/Международные отношения» журналида нашр этиладиган мақолаларнинг савиясига нисбатан қўйиладиган талаблар

«Халқаро муносабатлар/Международные отношения» журнали фанлараро ва илмий-назарий характерга эга. Журналда халқаро муносабатлар тарихи ва назарияси, халқаро ҳуқуқ ва жаҳон иқтисодиёти фундаментал муаммолари, Ўзбекистоннинг ҳозирги жаҳон сиёсатида тутган ўрни ва роли, халқаро ва минтақавий хавфсизлик масалалари, халқаро тадқиқотлар назарияси, услубиёти ва амалиёти, халқаро мунособатлар бўйича мутахассислар ва дипломатик кадрлар таёрлашда илғор миллий ҳамда жаҳон тажрибаси ва журналимиз мавзусига доир бўлган бошқа материаллар нашр этилади. Мақолалар таҳлилий ва муаммовий характерга эга бўлиши шарт. Уларнинг илмий аппаратига алоҳида эътибор қаратилиши керак. Ушбу ўринда мақоланинг ***«илмий аппарати»*** *тушунчасининг мазмун-моҳиятига қисқача таъриф бермоқчимиз:*

Илмий аппарат деганда, илмий тадқиқотни амалга оширишга имкон берадиган мантиқий фикрлаш изчиллиги, шу асосда бажариладиган операциялар кетма-кетлиги тушунилади. Тўғри ташкиллаштирилган илмий аппарат тадқиқотчига танлаб олинган мавзу бўйича илмий изланишларни амалга оширишга имконият яратиб беради. Илмий аппарат мавзу танлаб олиниб тасдиқланганидан кейин шакллантирилади.

Одатда, илмий аппарат шундай кўринишга эга бўлади:

- *тадқиқотнинг* ***стратегик йўналишлари*** *(мавзу доирасида мавжуд зиддият(лар)ни аниқлаш ва улар негизида пайдо бўладиган муаммони белгилаб олиш, шундан кейин тадқиқот мақсадларини ифодалаш);*
- ***технологик операциялар*** *- тадқиқот объектини, предметини, ишчи гипотезани, тадқиқот негизидаги вазифаларни, манбаларни ифодалаш;*
- ***аналитик операциялар*** *- тадқиқот мавзусининг илмий жиҳатдан янгилиги, тадқиқот учун асос қилиб олинаётган фикр-мулоҳаза (гипотеза)ларнинг назарий ва амалий жиҳатдан аҳамияти, ҳимояга олиб чиқилаётган асосий ғоялар, тадқиқот натижаларининг ҳаққонийлиги, апробацияси ҳақида мухтасар маълумотлар берилиши жоиз.*

Мақолада юқоридаги талаблар мухтасар ҳолатда ифодаланиши керак.

Таҳририятга тақдим этиладиган материаллар қуйидаги асосий шартларга жавоб бериши лозим:

1. Мақоланинг матни Word 2003 вариантида тайёрланиши.

2. Шрифт - Times New Roman, шрифт кегели (ҳажми) - 14 бўлиши.

3. Сатрлар орасидаги масофа 1,5 бўлиши.

4. Диаграмма, расм ва жадваллар фақат оқ/қора ёхуд кулрангда берилиши.

5. Мақоланинг тузилиши қуйидагича бўлиши керак: аннотация (2-3 абзацдан ошмасин), кириш, асосий қисм, хулоса, фойдаланилган адабиётлар.

6. Иқтибосларни мақоланинг охирида эмас, балки матн ичида келтирилган тартиб бўйича бериш керак.

Адабиётларга берилган ҳаволалар [1], [2], [3], тартибида берилади, адабиётлар мақоланинг охирида худди шундай тартибда кўрсатилади.

7. Мақоланинг умумий ҳажми 15 бетгача, тезислар учун - 7 бетгача.

8. Муаллиф(лар)нинг исм-шарифи, иш жойи, илмий унвони, илмий даражаси, мулоқот учун маълумотлар аниқ кўрсатилиши керак.

9. Мақолалар фақат электрон вариантда онлайн режимида ***http://uwed.uz/ru/applicant-article*** *электрон манзил бўйича қабул қилинади ва рўйхатга олинади. Таҳририят ходимлари мақоласини нашр этмоқчи бўлган муаллифлар билан бевосита мулоқотга киришмайди.*

Материалларни тайёрлашда журналимизнинг тахминий мавзулари билан танишиб чиқиш тавсия этилади. Таҳририятимизга келиб тушган мақолаларнинг чоп этилиши ёки чоп этилмаслиги ҳақидаги қарорни ***Таҳрир ҳайъати*** *қабул қилади.*

МЕТОДИЧЕСКИЙ КАБИНЕТ

▪ Методик кабинет ▪ Methodical cabinet ▪

Руководство УМЭД и редакционная коллегия журнала «Халқаро муносабатлар» приступают к изданию концептуально обновленной версии журнала. Опыт работы показывает, что многие авторы, прежде всего молодые (исследователи, докторанты), недостаточно хорошо понимают стратегию и тактику, принципы ведения исследовательской работы, более того, неточно представляют себе новые концептуальные подходы к уровню нашего журнала, не имеют представления о сущности и назначении отдельных рубрик. Учитывая эти обстоятельства, редакционная коллегия приняла решение открыть рубрику ***«Методический кабинет»****, где будет размещаться информация, имеющая отношение как к тематике нашего журнала, так и к подготовке научных исследований и написанию научных материалов (статьи, монографии, тезисы, доклады, эссе).*

Основные критерии к уровню научных статей, принимаемых к публикации в журнале «Халқаро муносабатлар»

Журнал носит междисциплинарный, научно-теоретический характер. К публикации принимаются материалы, касающиеся фундаментальных проблем истории и теории международных отношений, международного права и мировой экономики, затрагивающие актуальные вопросы роли Узбекистана в современном мире, региональной и международной безопасности, теории, методологии и практики международных исследований, передового отечественного и зарубежного опыта в сфере подготовки высококвалифицированных специалистов-международников и дипломатических кадров, а также другие темы, отвечающие профилю нашего издания. Статьи должны иметь проблемный, аналитический характер. Особое внимание следует уделять научному аппарату. К сведению претендентов напоминаем, что такое научный аппарат.

Научный аппарат *– перечень последовательно совершаемых логико-познавательных действий (операций), обеспечивающих выполнение самого исследования. Научный аппарат организует поисковую деятельность и упорядочивает ее. Он формируется сразу после выбора темы и ее обоснования на основе анализа литературы и зондажного изучения практики. Обычно научный аппарат исследования представляется в следующем виде:* ***стратегические операции****: поиск противоречия, выявление проблемы, определение цели;* ***технологические операции****: объект исследования, предмет исследования, гипотеза исследования, задачи исследования, источники исследования, база исследования, методы исследования, этапы исследования;* ***аналитические операции:*** *научная новизна исследова-*

ния, теоретическая значимость исследования, практическая значимость исследования, положения, выносимые на обсуждение, достоверность результатов исследования, апробация результатов исследования.

К статье приложите, пожалуйста, следующие сведения о себе:

1. *Фамилия, имя, отчество автора (полностью).*
2. *Организация (название полностью).*
3. *Должность.*
4. *Ученое звание.*
5. *Ученая степень.*
6. *Адрес (с индексом).*
7. *E-mail, факс, телефон.*

Главные критерии содержания статьи:

- *актуальность с научной и практической точек зрения,*
- *новизна постановки вопроса или раскрытия темы,*
- *фундаментальность проработки темы,*
- *аргументированность выводов,*
- *доступность и четкость изложения.*

* * *

Рукопись, представляемая в редакцию, должна отвечать следующим стандартным условиям:

– текст готовить по версии Word 2003 года;

– использовать шрифт Times New Roman, размер шрифта - 14 кегль; междустрочный интервал - 1,5;

– структура рукописи: аннотация (не более 2-3 предложений), введение, основная часть, заключение, использованная литература;

– диаграммы, рисунки и таблицы должны даваться в статье только в черно-белом или сером цветовом варианте;

– диаграммы, рисунки, таблицы давать только в черно-белом цвете либо с использованием серых оттенков;

– сноски в тексте нумеровать по порядку надстрочным индексом; ссылки на литературу нумеровать по порядку [1], [2], [3]; литературу привести в конце статьи точно так же;

– в статье должны быть указаны имя-отчетство, место работы, научная степень автора и его контактные данные (телефон, e-mail);

– объем статьи не должен превышать 15 стандартных страниц.

Статьи принимаются в электронном формате и регистрируются в режиме онлайн по адресу ***http://uwed.uz/ru/applicant-article****. Личные контакты не приветствуются.*

* * *

Решение о публикации статей, поступивших в редакцию, принимает ***редакционная коллегия****.*

www.uwed.uz

UWED